

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ХЕРСОНЕССКИЙ МУЗЕЙ

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск IV

Материалы по археологии
Херсонеса Таврического

11948

Крымиздат . 1948

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ХЕРСОНЕССКИЙ МУЗЕЙ

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК IV

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

К Р Ы М И З Д А Т
Симферополь. 1948

*Посвящается памяти научного руководителя
Государственного Херсонесского музея Василия
Петровича Лисина, погибшего в боях за Родину
с немецко-фашистскими захватчиками.*

Ответственный редактор
зам. директора Государственного Херсонесского музея
по научной части
С. Ф. Стржелецкий

Редактор IV выпуска
доктор исторических наук
проф. *А. П. Смирнов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник содержит ряд исследований, приоткрывающих новую страницу в истории Херсонеса, Крыма и Северного Причерноморья. Публикуемые материалы помогут по-новому осветить некоторые вопросы нашей истории. Так, раскопки 1930 г. уточнили результаты работ К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1890—1900 гг. в отношении границы застройки территории города на западном участке после X века и, что особенно важно, установили наличие жилых кварталов эллинистической эпохи и первоначальную их планировку, не нарушенную позднейшим строительством. Это обстоятельство учитывается при разработке генерального плана раскопок Херсонеса эллинистической эпохи. Публикация материалов раскопок 1930 года тем более необходима, что во время немецкой оккупации открытые в 1930 году памятники были варварски уничтожены фашистами.

Раскопки некрополя в Херсонесе в 1937 году дали богатый материал для разрешения этнических вопросов, для выяснения взаимовлияний тавро-скифской и греческой культур в первые века нашей эры и установления связей Херсонеса с Русью. Результаты раскопок помогают правильно осветить важные вопросы нашей истории и со всей очевидностью доказывают необходимость планомерного продолжения исследований.

Описание и классификация древних монет дали возможность установить новый экземпляр херсонесского чекана конца I в. до н. э.—половины II в. н. э., который дополняет наше представление о монетах Херсонеса.

Раскопки у Карантина, проведенные в 1939 году, были вызваны новым строительством и осуществлялись на средства строительства. Работами было установлено наличие пригородного поселка Херсонеса с прилегающим некрополем эллинистической эпохи (IV—II вв. до н. э.). Существование значительного поселка, не огражденного оборонительными стенами, дополнительно свидетельствует о необоснованности взгляда, унаследованного от досоветского периода, о якобы постоянной вражде между „греческим“ Херсонесом и местным населением Крыма—таврами. Во время работ на этом же строительстве был обнаружен древний херсонесский водопровод.

Раскопки некрополя в 1945 году уточнили его датировку, установили его принадлежность местному населению Крыма—таврам—и позволили выдвинуть положение, что тавры были полноправными гражданами города. Материалы, полученные в результате раскопок последних лет, по-новому освещают историю развития местного населения Крыма и опровергают устаревшие взгляды о характере и роли античных городов Северного Причерноморья.

Два клада античных монет, найденных на Гераклейском полуострове в 1944 году, представляют уникальное собрание монет херсонесского чекана. Уже предварительная обработка материала позволила выявить неизвестные ранее типы и варианты монет, впервые

описываемые в настоящем сборнике, и уточнить старые публикации. Не подлежит сомнению, что эти клады привлекут к себе пристальное внимание нумизматов, искусствоведов и историков и послужат основанием для решения ряда вопросов в области истории, экономики и искусства античного Херсонеса.

Статья С. Ф. Стржелецкого — „Жертвенник Гераклу из т. н. Страбоновского Херсонеса“ представляет собой историко-искусствоведческое исследование наиболее древнего скульптурного памятника из собрания Херсонесского музея. Автором определено назначение памятника и время его изготовления. Историко-археологический анализ позволил предположительно восстановить название двух оборонительных башен Страбоновского Херсонеса.

Издание IV сборника завершается опубликование материалов раскопок, произведенных за последние тридцать лет, т. е. в советский период существования Государственного Херсонесского музея.

Г. Д. БЕЛОВ

РАСКОПКИ В ХЕРСОНЕСЕ В 1930 ГОДУ

В 1930 г. раскопки в Херсонесе производились на высоком холме в западной части города, возле древнегреческой улицы. Древнегреческая улица была раскопана еще К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1906 г.; тогда же недалеко от нее была открыта апсида небольшого храма¹. После этого раскопки в этих местах больше не производились.

10 августа 1930 года здесь вновь начались полевые работы, которые велись в течение двух месяцев.

Ближайшее участие в раскопках принимали автор данной статьи и научный сотрудник Херсонесского музея архитектор Н. М. Янышев, которым произведены все обмеры и чертежи. Определение монет и составление описи находок (621 номер) выполнено Л. Н. Беловой. Фотографирование раскопок производилось мною. Вся раскопанная площадь составляет около 300 кв. м. Земля из раскопок вывозилась в глубокую траншею на северо-западном склоне холма², раскопанную в 1922 г.

I. РАСКОПКИ ВОЗЛЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ УЛИЦЫ

Раскопки производились к юго-западу от улицы и помещений, открытых в 1906 г.³ Верхние слои в этом месте на довольно широком пространстве были сняты, вследствие этого поверхность здесь была совершенно ровной. Несколько южнее улицы, под острым углом к ней, находилась земляная насыпь, толщиной около 0,70 м, в виде ровной возвышенности в направлении с востока на запад⁴. При раскопке дополнительных траншей в том же году насыпь была подвергнута исследованию. Оказалось, что она состоит из перекопанной земли, вывезенной из старых раскопок 1905—1906 гг.

На поверхности участка, намеченного для раскопок, находились прежде какие-то сооружения легкого типа: бараки, склады и т. п., от которых остались фундаменты в виде штучных камней кубической формы, а также строительный мусор—остатки дерева, толя, гвозди, обломки марсельской черепицы, фаянсовой посуды и пр.

Раскопанный участок (рис. 1, план) занимает около 100 кв. м. Как уже сказано, значительная часть насыпи на этом участке оказалась удаленной, поэтому на месте сохранились только три куль.

¹ ИАК, в. 42, СПб, 1911, стр. 102—107.

² В 1922—23 гг., Л. А. Моисеев, бывший тогда директором Херсонесского музея произвел разведки в нескольких местах западной части Херсонеса в поисках стен акрополя города. Работы эти искомым результатов не дали.

³ ИАК, в. 42, СПб, 1911, стр. 102 сл., план на стр. 103.

⁴ Там же, рис. 7 на стр. 105.

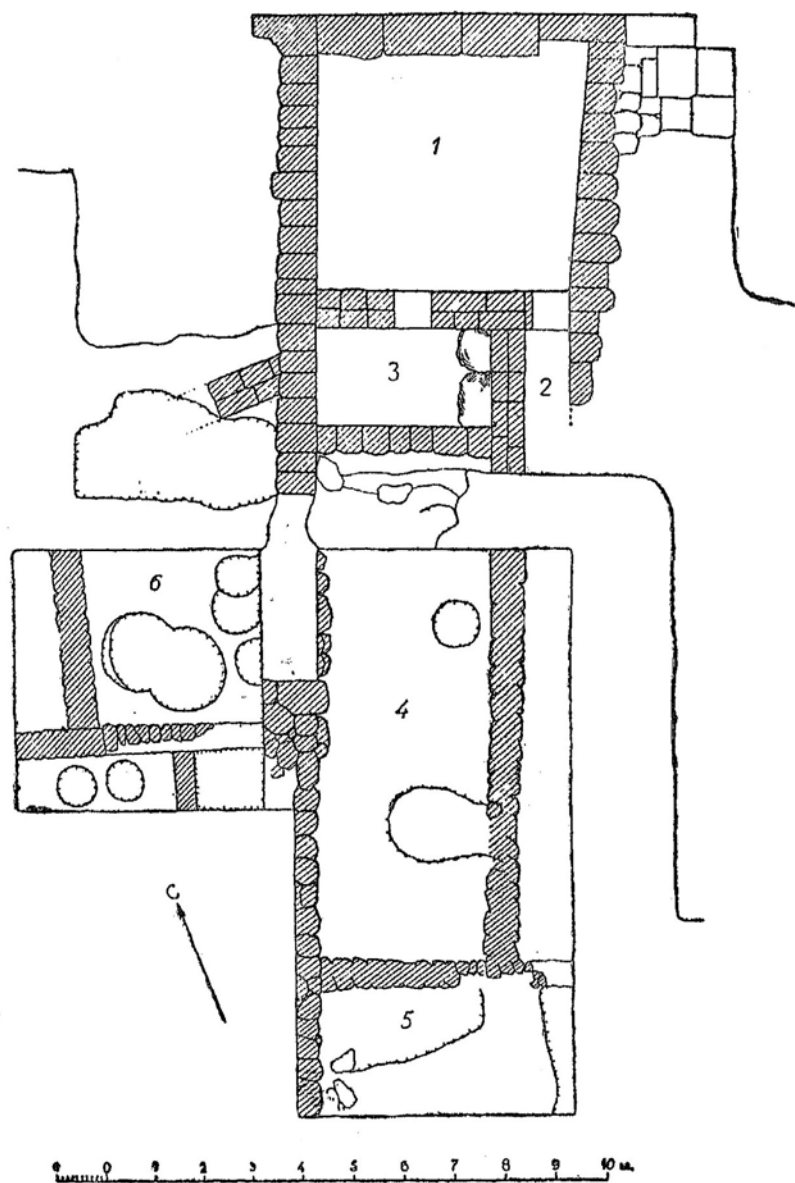

Рис. 1. План раскопа 1930 г. возле древнегреческой ульцы.

турных слоя. Верхний, толщиной до 0,40 м., представлял собою темно-серую, довольно плотную землю с большим количеством мелких камней и мусора. В этом слое встречались обломки поливной посуды из белой или розовой глины со штампованным орнаментом, например, рельефным изображением креста с расширяющимися концами, со следами ножек треугольной подставки, ставившейся между мисками или тарелками при обжиге, с поливой желтого или зеленого цвета. Помимо поливной посуды, были найдены: обломки красноглиняных кувшинов и амфор, украшенных поперечными желобками, обломки стеклянных браслетов и резная костяная палочка, железные гвозди, бронзовые монеты Василия I, Константина Багрянородного и ряд других монет плохой сохранности. Все это говорит за то, что верхний слой относится к первой половине средневековья (не позже IX—X вв.).

Следующий слой представлял собою плотную землю желтоватого цвета, более чистую, толщиной 0,40—0,60 м, и содержал большое количество обломков краснолаковой посуды—мисок, тарелок, блюд, остроногих амфор римского периода (на некоторых обломках с желтой обмазкой встречались надписи красного цвета). Среди амфор были обнаружены обломки с желобчатой поверхностью. Кроме того, найдены: два оселка, жернов, обломок мраморной ступки, железный нож, бронзовые гвозди с широкими шляпками, костяной стиль, костяной гребень с бронзовыми скрепками и резьбой, бронзовый рыболовный крючок, несколько глиняных грузил пирамидальной формы, овальный гладкий сердоликовый камень из перстня, часть бронзового перстня со стеклянной вставкой, стеклянная тройная буса, украшенная желтым зигзагообразным узором, бронзовая фибула, два прислица—костяное и глиняное, несколько лощеных черепков черного цвета, а также обломки кухонных лепных горшков и несколько бронзовых монет плохой сохранности (некоторые из них являются позднеримскими). Слой этот датируется римским периодом.

Нижний слой уничтожен почти полностью и уцелел только на незначительном участке пола позднеантистического помещения. Здесь были найдены обломки посуды—канфаров, мисок, тарелок и других сосудов, покрытых плохим черным лаком (тусклым или графитового блеска) и в большом количестве—обломки буролаковой посуды, так называемых солонок, мисок и пр.

В результате раскопок открыто помещение, смежное с помещением № 3, раскопанном в 1906 г., причем стены одного из них являются продолжением стен другого (см. план, рис. 1). Кладка стен, основанных на скале, выполнена из бутовых камней на глине. Сохранившаяся высота стен—0,60—1,00 м. Поверхность скалы очень неровная, с углублениями, заполненными мелкими камнями и щебнем.

Возле северо-западной стены уцелела часть пола из плотно утрамбованной глины зеленоватого цвета, толщиной 0,10 м. Глина прилегает к стене, на которой сохранилась такая же глиняная обмазка. Возле юго-восточной стены выступает вверх большая глыба скалы. Вместе с ямами в скале она указывает на то, что стены эти являлись фундаментом хозяйственного помещения.

В помещении, к северо-западу от первого, в скале имеются два больших углубления, служивших, повидимому, для установки пифосов. В западном углу, при скале, обнаружено большое количество штукатурки с росписью красного, желтого и розового цветов.

К юго-западу от этого помещения, непосредственно за его сте-

ной (см. план, рис. 1), открыт колодец, вырубленный в скале на глубину 4,20 м, диаметром вверху 1,20—1,40 м, внизу—до 2 метров. Повидимому, он не был углублен до грунтовой воды и не служил колодцем для питьевой воды, так как на дне воды не было. Не мог он быть также и цистерной для хранения дождевой воды, так как стенки его не оштукатурены, обработаны неровно и, вследствие наличия водопроницаемых прослоек и трещин в скале, пропускали бы воду. Вероятнее всего, это был поглощательный колодец, в средневековую эпоху использованный как мусорная яма.

Заполнение ямы однородное, с предметами одной эпохи (IX—X вв.). В яме находилось большое количество камней, обломков красноглиняных кувшинов, имеющих узкое горло с плоскими широкими ручками, и толстостенных желобчатых шаровидных амфор. И те и другие характерны для насыпи второго слоя. Кроме того, найдены обломки поливной белоглиняной посуды (с поливой желтого и зеленого цветов), пифосов с мелкими ямочками или зигзагообразной линией на венчиках, обломки стеклянных витых браслетов, 4 черепа мелких грызунов. Земля между камнями была рыхлой, а на самом дне лежала чистая материковая глина зеленоватого цвета. Окончательно яма была заброшена, очевидно, во время большого разрушения Херсонеса в конце X в.

Строительные остатки на данном участке сохранились только на скале, они относятся к позднеэллинистическому периоду. Более поздние стены, очевидно, были уничтожены при снятии здесь насыпи для постройки батарей. Открытые нами помещения, связанные своими стенами с прежде раскопанными (рис. 1), принадлежат вместе с ними одному дому, выходящему главным фасадом на улицу. В состав этого дома входили: несколько помещений жилого характера, причем в некоторых из них находились подвальные кладовые, две грушевидных цистерны для дождевой воды, поглощательный колодец и пр. К сожалению, раскопки 1906 и 1930 гг. не раскрыли остатков этого дома полностью.

Принадлежность дома эллинистической эпохе доказывается наличием на полу его помещений обломков чернолаковой посуды, кусков расписной штукатурки, а также техникой постройки стен. Но, поскольку предметы эллинистической эпохи представлены в помещениях в небольшом количестве, можно предполагать, что дом был сооружен в позднеэллинистический период и существовал недолго. После гибели дома, возможно не сразу, а через некоторый промежуток, на этом участке происходило новое строительство и наступил новый—римский период, более длительный, чем предыдущий. Вот почему культурные отложения римского времени оказались более мощными.

Участок возле улицы представляет большой интерес для изучения жилых домов эллинистической эпохи. Здесь хорошо сохранились фасады стен зданий, расположенных по обе стороны улицы; причем, что особенно ценно, кладка стен не была ни потревожена, ни перестроена в позднее время. Таким образом, мы имеем целый ансамбль эллинистической эпохи, а это редкий случай в Херсонесе. Второе важное обстоятельство заключается в том, что эллинистические здания сохранились в первоначальном своем плане и позволяют познакомиться с устройством, размерами и назначением помещений эллинистического жилого дома.

II. ЧАСОВНЯ

На высоком холме, возле восточного его склона, раскопками 1930 г. был полностью открыт небольшой храм, принадлежащий к той многочисленной серии храмов, которые в Херсонесе принято называть часовнями. Апсида этой часовни частично была открыта еще в 1906 г.¹ Часовня ориентирована на северо-восток, подобно большинству херсонесских храмов (для краткости будем называть стены по основным странам света, т. е. южная, северная и т. д.— см. план, рис. 2).

Фундаменты стен основаны на насыпи желтоватого цвета, чистой и плотной, фундамент апсиды покоится на скале. Кладка фундамента выполнена из бутовых камней. В кладке апсиды между рядами положен тонким слоем известковый раствор (рис. 3). Кладка стен внутренней стороны состоит из небольших штучных, слабо обработанных камней на грязи. Снаружи стена апсиды, выше уровня древней поверхности земли, облицована штучными, хорошо тесанными плитами (рис. 3). Из крупных тесаных камней сложены также дверные проемы, углы стен и плечи часовни. Для связи стен были употреблены деревянные балки-прокладки, от которых в некоторых местах остались горизонтально расположенные выемки².

В основной части храма, в наосе, первоначально были устроены три двери: в западной, южной и северной стенах. Дверные проемы в южной и северной стенах были расположены один против другого (см. план, рис. 2). Позднее проем в северной стене был заложен, и против него, вплотную к стене, была устроена гробница (рис. 4).

Заложеным оказался также дверной проем в западной стене, причем заклад его достигал лишь половины толщины стены (рис. 4).

Нартекс построен позднее, его стены примыкают вплотную к западной стене часовни. Наружная дверь в нартекс ведет через южную стену, она расположена на стыке между наосом часовни и нартексом.

Возле северной и южной стен, посередине, около дверей, имеются выступы, расположенные симметрично друг против друга; длина выступа—1 м, ширина—0,45 м; возможно, что они являлись опорами арок или основаниями пилястров.

В апсиде, с внутренней стороны, видны проемы трех окон, разделенные крупными тесаными блоками, суживающимися внутрь апсиды. Позднее эти проемы, совсем или частично, были заложены камнями, во всяком случае, в нижней их части сохранилась заполняющая их кладка. Раскопками 1906 года в апсиде была открыта известняковая колонка и прямоугольная плита (разбитая), служившая престолом.

В южной и северной стенах, возле плеч апсиды, устроены ниши. В южной стене ниша сильно разрушена, в северной она сохранилась хорошо. Ее размеры: ширина—0,48 м, глубина—0,60 м, сохранившаяся высота—0,42 м. Стенки ниши сложены из крупных тесаных плит.

Третья ниша, со сводчатым перекрытием, находится в западной поперечной стене на уровне пола; она оказалась заложеной плитой

¹ ИАК, в. 42, СПб. 1911, стр. 107.

² Подобная техника связи стен при помощи деревянных балок в средние века была широко распространена в Херсонесе. См. отчеты о раскопках за 1931—36 гг., а также мою статью «К изучению средне-средневекового Херсонеса» в «Советской археологии», VII, М—Л, 1941, стр. 231—246.

и оштукатуренной (рис. 4). Закладная плита своей нижней стороной стояла на 0,20 м ниже уровня пола. Размеры ниши, после удаления плиты, оказались следующими: высота—0,35 м, ширина—0,55 м, глубина—0,50 м; внутри она была заполнена мелкими камнями и землей.

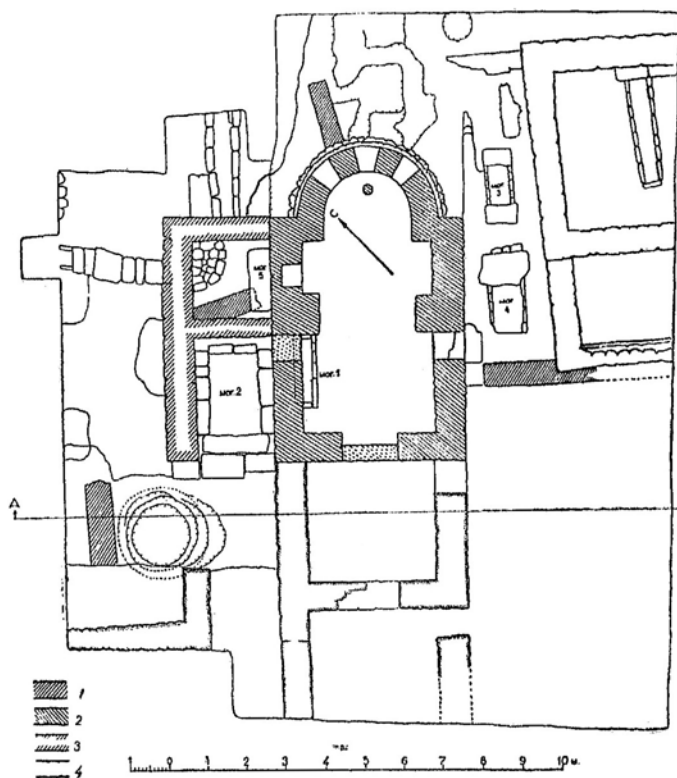

Рис. 2. План часовни и прилегающих помещений, раскопанных в 1930 г.

Пол в часовне был вымощен каменными плитами (рис. 4), сохранившимися во всей средней части; возле западной двери лежала большая плита, в апсиде вымостка не сохранилась. В нартексе пол оказался земляной, но находился на одном уровне с полом основной части храма. Так как в местах, где плиты отсутствовали, земля была мягкой, не утоптанной, то можно считать, что весь пол был вымощен плитами, которые частично были вынуты после гибели часовни.

Крыша была устроена, вероятно, на два ската, на деревянных стропилах. Над апсидой же перекрытие было сводчатое—на это указывают ее полукруглый план и найденные при раскопках выпукловогнутые, с радиально срезанными боковыми сторонами клинья свода.

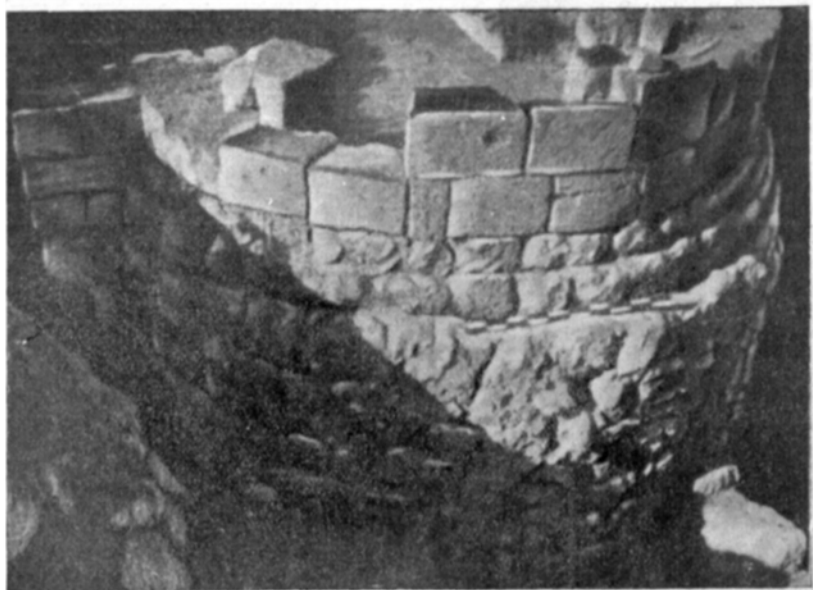

Рис. 3. Апсида часовни с наружной стороны. Фундамент, цоколь и наружная облицовка стены.

Непосредственно на полу часовни, как в основной части, так и в нартексе, лежал толстый слой черепицы (до 0,50 м толщиной). Под завалом черепиц находилась сильно сгнившая морская трава-камка, подстилавшая, повидимому, черепицу на крыше.

Размеры черепиц приблизительно одинаковы: длина—0,38 м, ширина—0,32—0,33 м, толщина—0,02—0,025 м. Глина на всех черепицах также одинаковая—красного цвета, грубая, с крупинками известняка, крепкого обжига. Судя по глине, технике изготовления и по клеймам, все черепицы—местного производства. Клейма на них имеют вид букв и монограмм, а также изображения лошади, всадника и др. Все эти клейма уже известны по раскопкам других лет, и некоторые из них воспроизведены в отчетах¹.

На стенах внутри часовни сохранилась штукатурка, например, в южном и западном углах, дверном проеме южной стены и в других местах. Штукатурка состоит из чистой, без примеси песка, извести и следов фресковой росписи не имеет.

Часовня в течение своего существования подвергалась частичным перестройкам. Во-первых, к основной ее части (наосу) был пристроен нартекс, отличавшийся своей кладкой (мелкие камни на грязи и отсутствие плитовой вымостки на полу). Во-вторых, с западной стороны нартекса, в свою очередь, было пристроено еще одно помещение с земляным полом и очень небрежной бутовой кладкой стен на грязи. В-третьих, в наосе часовни был заложен

¹ Материалы и исследования по археологии СССР, в. 4, М—Л, 1941, стр. 215, рис. 18; Г. Д. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Крымгиз, 1938, стр. 298, рис. 130.

дверной проем, а в нижней части северной стены внутренняя облицовка была разобрана и в образовавшейся нише была сооружена гробница. Наконец, повидимому, при окончательном превращении часовни в усыпальницу, был заложен дверной проем, ведущий в нартекс, а может быть частично и окна в апсиде. Можно предполагать, что к этому же времени относится и устройство гробниц с наружной стороны часовни.

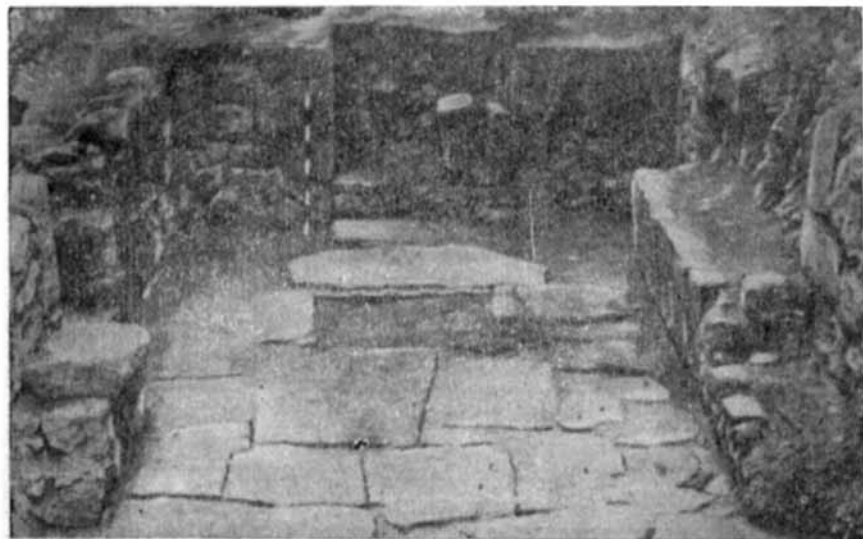

Рис. 4. Западная часть часовни. Заложенный дверной проем и ниша с арочным перекрытием в западной стене. Справа гробница № 1 до зачистки.

Часовня подверглась сильному разрушению. Стены ее сохранились в высоту, считая от каменного пола, на 1,10—1,35 м, вымостка пола, как уже упоминалось, частично разобрана, покрытие находившейся внутри часовни гробницы также разрушено. Разборка стен часовни с целью использования камня продолжалась и в новое время. Как раз над нею во время Крымской войны 1854—1855 гг. была поставлена французская батарея, при сооружении которой значительная часть насыпи была снята на всем протяжении восточной стороны холма; несомненно, что при этих работах верхние ряды стен часовни были разобраны. Насыпь, заполнявшая часовню внутри, представляла собою сухую землю темносерого цвета, изобилующую мусором, черепками, костями, ракушками, мелкими камнями и пр. В насыпи найдены: обломки красноглиняной и белоглиняной поливной посуды и желобчатых амфор с граффити на ручках, три жернова, железные гвозди, бронзовый рыболовный крючок, глиняное пирамидальное грузило, известняковые—жертвенник и обломок карниза с сухариками, бронзовая монета Романа I. Возле южной двери найдена надгробная известняковая плита, высотой 0,35 м с двухскатным верхом и двумя маленькими нишами в верхней части, тоже двухскатными, под которыми оказалась узкая поперечная выемка.

Насыпь эта образовалась, как показывает насыщенность ее разновременными предметами, уже после гибели часовни в результате свалки мусора. Под насыпью, на полу часовни лежал слой, толщиной около 0,50 м, состоявший из обломков черепицы и завала каменной рухнувших стен часовни.

Как уже упоминалось, внутри часовни находилась одна гробница, с наружных же сторон—четыре.

Гробница № 1 находится внутри часовни в нише, устроенной на месте заложенной двери в северной стене. Восточный конец гробницы примыкал к выступу-пилястру (рис. 4.) Стенки гробницы были сделаны из тесаных плит вертикально поставленных, на небольших горизонтально лежащих плитах. Дно ее было вымощено большими плитами, уходящими под стену—заклад двери. Размеры гробницы внутри: длина—1,58 м, ширина—0,60 м, глубина—0,40—0,50 м. Судя по остаткам извести в швах, гробница была оштукатурена внутри и снаружи. Перекрытие гробницы не сохранилось. Верхняя ее часть была заполнена землей и камнями, среди которых оказался один камень арки, длиной 0,50 м, украшенный на торцевой стороне двумя желобками, повторяющими дугообразный профиль камня. Под этим слоем в различных местах гробницы лежали в беспорядке костяки. Всего в гробнице было обнаружено свыше 20 черепов, из которых 18 оказались более или менее целыми. Кроме того, по всей гробнице были разбросаны куски различных костей. Количество длинных костей далеко не соответствовало числу черепов. Целых обнаружено лишь несколько костяков, да и те были представлены не полностью. Лежали они головами на запад, причем у одного правая рука находилась на животе, а другой лежал на дне гробницы, на плитах.

Кроме того, в гробнице найдены: костяной стиль, длиной 10,3 см, обломки стеклянного стакана с маленькими ручками, серебряное тонкое проволочное кольцо, железные гвозди, деревянные обломки (от гробов), бронзовый колок-штифтик—обоюдоострый, с отверстием и шишечкой, длиной 3,7 см, и бронзовая монета Романа II.

Гробница № 2 была расположена с северной наружной стороны часовни, вплотную к ней, а также к двум стенам находящегося здесь помещения (см. план). Стенки гробницы сооружены из тесаных плит, поставленных на ребро. Западный ее конец был покрыт большой поперечной плитой (надломленной посередине), к которой в наклонном положении были приставлены небольшие плитки. Вся остальная, большая, часть гробницы оставалась открытой и была в верхней части завалена камнями, а в нижней—заполнена плотной землей с мелким мусором (поливными черепками зеленого цвета и обломками черепицы). Дно гробницы было вымощено каменными плитами. Размеры гробницы: длина—2,20 м, ширина—1,18 м, глубина—0,72 м. На стенках ее местами сохранилась штукатурка из чистой извести.

В западном конце гробницы лежали два больших черепа, а поперек гробницы один на другом—два детских костяка, черепа которых рассыпались на мелкие куски.

На руке одного из детских костяков сохранились три стеклянных браслета, два таких же браслета были найдены возле левой руки другого костяка. Кроме того, в насыпи найдены еще три стеклянных браслета, два витых и обломки гладкого, и бронзовая монета—римский динарий. Последний попал в гробницу, повидимому, вместе с землей, которой были засыпаны костяки.

Гробница № 3 находилась с южной стороны часовни, возле ее правого плеча. Была покрыта поперек четырьмя большими плитами, из которых одна оказалась разбитой. Стенки гробницы сложены из мелких бутовых камней и нескольких штучных плиток, кое-где на стенках внутри сохранилась штукатурка. Дно гробницы—скала. Размеры: длина—1,70 м, ширина—0,64 м, глубина—0,50 м.

В верхнем ряду лежали четыре костяка, головами к западу, из них два—детские. На одном из взрослых черепов оказался известковый налет. Под первым рядом лежали еще четыре костяка, черепа которых находились также в западном конце. В восточном конце гробницы найдены куски двух черепов. Всего в ней обнаружено 10 черепов (костяков же было меньше). Вещей в гробнице не оказалось.

Гробница № 4 находилась к западу от предыдущей, в одной линии с нею (см. план), и вырублена в скале, сильно повышающейся к юго-западу. Размеры ее: длина—2,20 м, ширина—1 м, глубина—1,75 м. Покрытие гробницы состояло из четырех плит, положенных поперек.

Верхняя часть оказалась пустой и ничем не засыпанной. На глубине 1 м лежали обломки деревянных досок от гробов и куски скалы—от разрушения стенок гробницы. На поверхности, в первом ряду, при разборке костяков оказалось 8 черепов в западном конце, 6 в восточном и обломки нескольких черепов в разных местах. Найдены: бронзовое кольцо плохой сохранности с несомкнутыми концами, гемма сердоликовая овальной формы с изображением сатира, бронзовая шаровидная пуговка с ушком и несколько железных гвоздей.

Под первым рядом костей лежала плотная земля, толщиной 0,20 м, с обломками красноглиняной посуды. Эта земля покрывала второй ряд костяков: 16 черепов лежали вплотную друг к другу, начиная от середины гробницы и не достигая 0,50 м до западной стенки. Количество длинных костей не соответствовало 16 черепам, их было значительно меньше. Во втором ряду погребений найдены: крест из бронзовой пластинки, длиной 6 см, с двумя сломанными перекрестьями, оселок из серого тонкого камня, маленькая стеклянная ручка сосуда, два железных гвоздя и куски воска.

В третьем ряду погребений обнаружено 8 черепов, лежавших в западном конце. Среди костей один позвоночный столб оказался со сросшимися позвонками. При погребениях найдены бронзовые предметы: крестик, длиной 4,4 см, и круглая ажурная подвеска с ушком, длиной 2,5 см.

Всего в гробнице обнаружено около 40 черепов.

Гробница № 5. Здесь костяк лежал с северной стороны часовни, вплотную к ее стене, головой на запад, на спине. Руки—на верхней части живота, голова повернута к правому плечу. Череп небольшой, с тонкими стенками. Зубы сохранились хорошо и полностью. Длина костяка—около 1,5 м. Погребение, повидимому, женское. По сохранности костяка и по правильному его положению можно предполагать, что погребение являлось первичным, т. е., что оно было совершено здесь, возле часовни, а не является перенесением праха с кладбища. В земле найдены: бронзовая подвеска с ушком, обломок бронзовой пластинки и мелкие железные обломки.

Череп и верхняя часть костяка были покрыты большой тонкой плитой, под которой лежал, непосредственно на костяке, слой плот-

ной земли, толщиной около 0,20 м, содержащий в себе черепки и ракушки.

Кроме этого погребения, возле стены часовни был найден еще один череп, сильно истлевший и рассыпавшийся при прикосновении к нему; других костей при нем не оказалось.

Подобно часовням, раскопанным в дореволюционное время, а также в 1932, 1935 и 1937 гг., открытая в 1930 г. часовня может быть охарактеризована теми же чертами: она небольших размеров, построена из повторно использованного камня, взятого из развалин города, техника постройки весьма примитивная (кладка на грязь, деревянные связи стен, сложенные из бута, простая штукатурка и т. п.); ее назначением, повидимому, было обслуживание потребностей населения того квартала, в котором она находилась, а главное — служить усыпальницей, т. е. местом повторного погребения прахов, перенесенных в гробницу с кладбища после того, как труны покойников успевали истлеть. При перенесении прахов стремились перенести главным образом черепа, остальные же кости либо брали частично, либо целиком оставляли на месте, так как практически трудно было взять весь костяк и совершенно невозможно было собрать его в полном порядке на новом месте, в усыпальнице, кроме того, повидимому, и не находили нужным переносить весь костяк, считая достаточным перенесение одного черепа. Раскопки других аналогичных часовен-усыпальниц дают ту же картину: целиком сохранившиеся и не потревоженные погребения, совершенные непосредственно при усыпальницах, встречаются лишь как исключение. Большой частью костяки лежат в беспорядке. Поэтому о количестве костяков в усыпальницах можно судить только по числу черепов. Количество последних во многих гробницах достигает нескольких десятков (20—30—40, и даже более 60 черепов)¹.

Перенесение погребений с кладбища в усыпальницы подтверждается и тем обстоятельством, что погребальный инвентарь при костях встречается редко и находится большей частью в беспорядочной массе костей.

Строительных остатков на участке возле часовни сохранилось мало. Наиболее ранние из них находятся на скале и относятся к эллинистической эпохе. Под фундаментом апсиды имеется часть стены, уходящей под апсиду. Стена сложена из плитняка на глине. Направление стены СВ—ЮЗ, длина 1,20 м, толщина около 0,70 м. Северо-западная ее сторона обмазана зеленоватой глиной; с той же стороны, возле стены, уцелела обмазка пола из такой же глины. Остатки двух стен, основанных на скале, находятся с северо-западной стороны часовни (на плане строительные остатки эллинистической эпохи заштрихованы косыми клетками).

В нижнем слое при скале были найдены: небольшое количество обломков чернолаковой посуды и „мегарских“ чашек, краснолаковые черепки и обломки посуды с зеленой поливой римского времени, а также ножки остродонных амфор, глиняные грузила пирамидальной формы, часть известнякового жертвенника с акротериями и обломок известняковой канелированной колонки, диаметром 6 см, ионийского ордера. Насыпь нижнего слоя состояла из чистой и мягкой земли, толщиной до 1,70 м.

¹ См. отчеты за 1932 и 1935 гг.

Довольно значительные остатки стен сохранились с северо-западной стороны часовни, во втором слое. Две поперечные стены большого помещения в южной его части были разрушены при постройке часовни. С северной стороны их связывает длинная стена (на плане заштрихованы косыми линиями вправо). По времени это помещение предшествует сооружению часовни и относится к IX—X вв. Стены его основаны на насыпи римского слоя. В северном углу помещения имеется вымостка из небольших плиток.

Насыпь второго слоя, заполнявшая помещение, состояла из темно-серой плотной земли с мелким мусором: камнями, ракушками устриц, костями животных, кухонными отбросами и черепками посуды. Здесь найдены: бронзовый витой перстень со стеклышком, бронзовая подвеска с сердоликом, на котором вырезано изображение человеческой фигуры, бронзовая игла, бронзовый крючок с раструбом, обломки стеклянных браслетов, горло стеклянного сосуда, несколько бронзовых монет (из них определена лишь одна—Василия I, остальные—плохой сохранности).

В нижнем слое, состоявшем из глинистой земли желтоватого цвета, найдены: обломки посуды, покрытой тусклым черным лаком, обломки „мегарских чашек“, краснолаковой посуды, светильник с рубчиками, глиняное грузило пирамидальной формы.

От северной стены помещения идет водосток, имеющий заметный на глаз наклон к северу-западу. Сверху водосток был покрыт плитами—большими и малыми, стенки его сложены также из тесаных плит, поставленных на ребро, а дно вымощено черепицами. Ширина канала—от 0,17 до 0,27 м, глубина—0,35 м. Канал оказался заполненным чистой рыхлой землей намывного происхождения.

К западу от часовни открыта цистерна, диаметром 1,40—2,75 м, вырубленная в скале. На глубине 1,25—2,25 м стены цистерны оштукатурены, в верхней же и нижней частях следы штукатурки не сохранились. Раскопка цистерны приостановлена на глубине 3,10 м от поверхности скалы. Цистерна была заполнена плотной глиной зеленого цвета. В ней найдены: обломки чернолаковой, краснолаковой и буролаковой посуды, несколько обломков стеклянных сосудов, бусы из желтой пасты, кусок штукатурки с росписью темнокрасного цвета и бронзовая монета плохой сохранности. Судя по находкам, цистерна относится к римскому периоду.

С южной стороны часовни открыто несколько небольших помещений, стены которых возведены на культурном слое. Кладка их производилась на грязи, частью из небольших плит главным же образом, из бутовых камней. Стены сохранились в высоту 3—4—6 рядов. Помещения составляли одно здание, относящееся к тому же времени, что и часовня.

Под восточным помещением находился водосточный канал, сложенный из небольших плиток и камней непосредственно на скале и имеющий направление с ЮЗ на СВ. Ширина и глубина канала—0,30 м.

При раскопке с южной стороны часовни найдены: обломки красноглиняной поливной посуды, стеклянных сосудов и браслетов, железные гвозди, обломки черепиц с клеймами (например, с изображением всадника); архитектурные детали и обломки их, использованные повторно, например, обломок дорической капители, мраморная база диаметром 0,38 м, высотой 0,18 м, маленький мраморный акротерий, обломок надгробия или жертвенника, полукруглый акротерий, диаметром 6,7 см, с тремя радиальными бороздками, два обломка

мраморных плиток с остатками греческих надписей, ступка с четырьмя ушками, надгробие с крестом, бронзовые монеты—Анастасия, Василия I, Константина X, Романа I и несколько экземпляров плохой сохранности.

С паружной, восточной, стороны апсиды на поверхности видна была большая яма, частично засыпанная землей. Раскопки показали, что яма шла до самой скалы. Повидимому, здесь находился пороховой погреб в кампанию 1854—1855 гг.¹ Непосредственно возле фундамента апсиды насыпь оказалась нетронутой. При скале найдены чернолаковые обломки. В темносерой плотной земле второго слоя встречались обломки белоглиняной поливной посуды. Найдены, кроме того, дно тигеля для плавки металла, прислице бикопической формы, стеклянный витой браслет зеленого цвета и монета Константина Багрянородного.

Таким образом, на участке возле часовни представлены следующие эпохи:

Поздне-эллинистическая, к которой относятся несколько стен и очень небольшое количество обломков керамики.

Римская эпоха, оставившая здесь мощный культурный слой; к ней же относится и цистерна.

Первая половина средневековья представлена зданием с западной стороны часовни, частью разрушенным при ее постройке; культурный слой этой эпохи оказался весьма толстым и насыщенным кухонными отбросами, обломками керамики и другими предметами.

Вторая половина средневековой эпохи представлена часовней и гробницами, а также помещениями, находящимися с южной стороны часовни.

Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1890—1900 гг. показали, что западная, возвышенная часть города после разрушения, постигшего Херсонес в конце X века, была заброшена и оставалась в дальнейшем незаселенной. Раскопки 1930 года свидетельствуют о том, что восточная окраина холма в позднесредневековый период была застроена. Возможно, что здесь не существовало сплошного жилого квартала, но часовня с прилегающим к ней небольшим зданием все же была.

Открытие часовни—еще один штрих для воссоздания картины города XII—XIII вв. Обнаруженные во время раскопок 1932, 1935, 1937 гг. среди жилых кварталов, небольшие храмики с гробницами внутри и снаружи, иногда в большом количестве окружающими часовни,—характерное явление в позднесредневековом Херсонесе. Следует подчеркнуть, что подобные часовни с усыпальницами находились почти в каждом квартале города.

¹ На дне ямы, на скале, найдена медная пятикопеечная монета 1868 года.

А. К. ТАХТАЙ

РАСКОПКИ ХЕРСОНЕССКОГО НЕКРОПОЛЯ В 1937 ГОДУ

Раскопки Херсонесского некрополя, начиная с 1890 г. по 1914 г. включительно, вскрыли свыше 4000 погребальных памятников, давших большой материал для изучения херсонесской истории античной и раннесредневековой эпох¹. В январе—марте 1937 г. Херсонесским музеем были произведены внеплановые раскопки некрополя в связи с жилищным строительством на нем. Раскопанный участок расположен на юго-восточном склоне Херсонесской балки у подошвы „Девичьей горы“, в северном углу стыка двух шоссе из Севастополя в Херсонес. План и площадь раскопа точно соответствуют плану и площади двухэтажного жилого дома, выстроенного впоследствии на раскопанном участке. Его размеры—52,5 м × 12 м—630 кв. м.

Через оба шоссе этот участок примыкает к площади сплошного некрополя у Карантинной бухты и по склонам „Девичьей горы“, являясь продолжением участков, расследованных в 1908 г. Н. И. Репниковым у башни Зенона и на скотном дворе монастыря² и в 1908—1910 гг. Р. Х. Лепером с южной стороны шоссе на Туровку³. Снизу, на склоне Херсонесской балки, площадь раскопок 1937 г. охвачена двумя участками, расследованными К. Косцюшко в 1896 г.⁴ и Р. Х. Лепером в 1914 г.⁵ Промежуточное пространство некрополя повреждено хищническими раскопками и хозяйственными работами. Таким образом, участок раскопок 1937 г. вместе с прилегающей к нему нераскопанной площадью вдоль туровской дороги и ниже, по склону Херсонесской балки, вклинивается в Юго-восточный сектор Херсонесского некрополя, основательно расследованного в течение ряда лет. По содержанию участок раскопок 1937 г. также примыкает к ближайшим участкам, укладываясь, в целом, в хронологические рамки I—IV вв.

По рельефу раскопанная площадь представляет покатость ко дну балки с уклоном к западу, с выступающей на поверхность местами материковой породой—известняком. Почвенный покров этой породы имеет различную мощность в зависимости от ее рельефа, спадающего уступами ко дну балки и к западу. Утолщаясь вниз по склону, он достигает наибольшей глубины в западном участке (до 1 м). Структура материковой скалы неодинакова: она то монолитна, то

¹ Особое место занимают раскопки некрополя IV в. до н.э. на северном берегу, в 1936—38 гг. См. Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. Крым 1938. Его же. Отчет о раскопках в 1937 г. (Архив ГХМ). С. Ф. Стржеleckий. Отчет о зачистках в 1938 г. (Архив ГХМ).

² Херсонесский сборник II, Севастополь, 1927, стр. 147—186 и план.

³ Там же, стр. 189—190.

⁴ ОАК, 1896—1898 гг., стр. 73-78, 173—182.

⁵ ОАК, 1913—15 гг., П-гр. 1918., стр. 65.

слонста и щебниста, местами она дает поверхностные корки („коржи“) и внутренние полости, заплывшие землей („кувшины“), местами переслаивается тонкими прослойками зеленовато-темносерой пластической глины и всюду—мощными пластами светложелтой чистой или щебнистой глины. На участках мощного земляного покрова (запад) подстилающий слой материковой скалы размягчен и мелоподобен.

Особенности рельефа и структуры почвенного слоя и скалы непосредственно отражаются на характере могил и склепов. Техника и оформление памятников являются результатом активного приспособления мастеров-могильщиков к особенностям окружающей их естественной среды. Различия в качестве исполнения, очевидно, зависели от состоятельности заказчика. На раскопанном участке некрополя обнаружено сравнительно небольшое количество погребальных сооружений: на площади 630 кв. м исследовано 4 склепа и 20 могил с общим числом погребений в них около 110. Распределение сооружений бессистемное, с большей сгущенностью их в западной половине раскопа.

МОГИЛЫ №№ 1—20

М о г и л а № 1. Вырубная. Грубой работы, под насыпью толщиной около 0,80 м, неправильно-прямоугольных очертаний с неровными краями. Размер: 1,80 м × 0,60—0,65 м. Глубина от края вырубана—0,50 м. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Покрытие—из 4 штук известняковых плит на известковом растворе с песком (разбито при устройстве котлована). Под ним была пустота глубиной до 0,20 м, ниже—сухая серая натечная земля.

На дне лежал вытянутый на спине костяк, удовлетворительной сохранности, головой на СВ, с руками вдоль туловища. Спинной хребет был несколько изогнут в шейной части. Череп—на левом боку. Длина—1,45 м. На мизинце левой руки—железный перстень (фрагментирован). У кисти правой—энохоя красной глины. У правой голени—три краснолаковых светильника с рубчиками на плечиках и три чашки на высоких ножках, две из которых с бурой облицовкой; под одной из них (перевернутой) лежали три куриных яйца, одно из которых оказалось целым. У правой стороны—одноручный горшочек с желобчатой поверхностью и округленным дном.

На правой тазовой кости была обнаружена бронзовая монета херсонесская элевтернальная, пол. II—пол. III вв. до н.э. (№ 2¹). Под черепом—другая, херсонесская, I в. до н.э.—II в. н.э. (№ 1).

М о г и л а № 2. Вырубная. Под насыпью толщиной около 0,85 м, подпрямоугольных очертаний, суживающихся к одному концу. Размер: 1,72 м × 0,80—0,60 м, глубина—0,75 м. Могила суживается и укорачивается к дну. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Оштукатурена белым известковым раствором с песком. Была покрыта двумя большими плитами со швами, замазанными известковым раствором с мелким песком.

На дне лежал костяк подростка, средней сохранности, длиной 0,85 м, с костями рук и ног в несколько нарушенном положении. Среди костей обнаружены угольки и железные гвозди, у конца правой ноги—грушевидный одноручный кувшинчик, покрытый пло-

¹ В скобках номера монет согласно с приложением к отчету: „Описание монет из раскопок некрополя в 1937 г.“, составленному Л. Н. Беловой-Кудь.

хим красно-бурым лаком (местной работы). В южном углу, в насыпи найден светильник с ленточной ручкой, с рубчиками на плечиках, рельефным кружком возле рожка и 12-лучевой звездой на дне. В насыпи, между могилами № 1 и № 2 найдена бронзовая херсонесская монета, датированная 76 г. херсонесской эры—51—52 гг. н. э. (№ 3).

М о г и л а № 3. Ограбленная. Вырубная. Под насыпью толщиной 0,70—0,80 м. Прямоугольная в плане. Размер: 2,20 м × 0,60 м, глубина 0,80—0,90 м. Ко дну укорачивается. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Вырублена довольно тщательно киркой. Поверхность стен равномерно бугорчатая с косыми и отвесными штрихами и с остатками розовой известковой обмазки¹. Засыпь, глинистая с щебенкой, перерыта. Найдены обломки человеческой челюсти и ребер и 2 железных гвоздя с широкими шляпками.

М о г и л а № 4. Вырубная. Под насыпью толщиной 0,35—0,50 м. Подпрямоугольных очертаний. Размер: 1,50 м × 0,50—0,55 м, глубина 0,40—0,55 м. Ориентирована по линии В—З. Вскоре после открытия наполнилась водой. В грязи, образовавшейся из выкинутой земли, обнаружены обломки костей детского скелета, угольки, горшочек красной глины с плоской ручкой высотой 0,095 м и фрагмент грушевидного кувшинчика серой глины под неровным бурым лаком.

П о д б о й н а я м о г и л а № 5. Ограбленная (?). Вырубная, под насыпью толщиной 0,50—0,60 м. Прямоугольная. Размер: 2,00 м × 0,60 м, глубина: 1,55—1,65 м. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Подбой сводчатые, грубой вырубки, сделаны в глинистом пласте, перекрытом скалой, вдоль боковых и одной—СВ—поперечной стены, на уровне дна могилы. Высота боковых подбоев—максимум 0,80 м, поперечного—около 0,50 м. Глубина ЮЗ подбоя—0,50—0,70 м, СЗ—0,30—0,50 м, СВ—0,15 м. Засыпь глинистая, с большим количеством крупных камней в ЮЗ половине, должно быть, обломков разбитых грабителями плит покрытия (?).

На глубине 0,80 м от поверхности и 0,15 м от края выруба обнаружено несколько разбросанных человеческих костей, в числе их фрагмент челюсти, покрытой медной окисью. Ниже стали попадаться керамические обломки, среди них: фрагменты остробортной черепицы, рифленной амфоры зеленоватой глины, кухонного горшка, сосуда с кольцевидными ручками, двух одnorучных горшочков, одnorучного кувшинчика, чашки, миски под плохим красным лаком, фрагменты стеклянного сосуда,—разбитых либо грабителями, либо при повторных погребениях. На глубине 1,20 м от поверхности и 0,65—0,70 м от края выруба обнаружены остатки разрушенного погребения, кости которого в большинстве были найдены в беспорядке возле черепа, в СВ конце могилы. Кости эти были перемешаны с костями детского остова, деформированный череп которого был обнаружен в ЮВ конце поперечного подбоя.

Ниже этих погребений, на дне могилы обнаружен остов погребения в вытянутом положении с руками вдоль туловища, головой на СВ. Левою стороною остов заходил в ЮВ подбой. Черепа не было, от левой ноги сохранилась лишь часть берцовой кости. Кости плохой сохранности. Над остовом, в области глаза, найден фрагментированный светильник красной глины с ленточной ручкой и орнаментом из кружков на плечиках. У правой стопы обнаружены бронзовая херсонесская элевтериальная монета (№ 11), пол. II—пол. III вв. н. э.,

¹ Такова же техника вырубки остальных могил в 1937 г., сделанных в скале.

бронзовая проволочная сережка с утолщенными, заходящими друг за друга концами, железный ножик.

В СВ конце ЮВ подбоя обнаружены рядом два черепа, один из которых деформированный. Возле них беспорядочной группой расположены были кости двух остовов. ЮЗ конец подбоя был забит чистой глиной. В СЗ подбое, посредине, обнаружено компактное скопление больших костей конечностей от 4—5 остовов и 4 черепа, большей или меньшей сохранности (все вместе—в СВ конце). Среди них—один детский деформированный и фрагмент лобной кости детского же, повидимому, также деформированного. Возле скопления костей найдена ножка стеклянного бокала. Таким образом, в могиле № 5 обнаружены остатки 10—11 одновременных погребений. Найденная на дне ее монета (пол. II—пол. III вв.) определяет начальную дату для последующих погребений.

Могила № 6. Вырубная. Под насыпью толщиной 0,30—0,50 м. Прямоугольная, размером 2,10 × 0,70 м, глубиной 0,85 м. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Неровности юго-западной стенки с высоты 0,25 м от дна заложены бутовой кладкой в три ряда на розоватом известковом растворе. Засыпь могилы глинистая. Ни малейших признаков костей в могиле не оказалось. Под левой стеной, немного выше дна, обнаружены в неповрежденном состоянии два узкогорлых одноручных кувшина с шаровидным корпусом, покрытым красным лаком, и одноручный горшочек бледнокрасной глины. (Рис. 1.) Под СВ стенкой (в головах?) обнаружены два раздавленных узкогорлых стеклянных флакона с шаровидным корпусом. (Рис. 1.) Между этими группами сосудов, на дне могилы, найдена бронзовая римская монета II—III вв. (№ 12).

Могила № 7. В насыпи, с двумя погребениями, ориентированными головой на СВ. Погребение верхнее (7,1) на глубине 0,65—0,7, вытянутое, череп на левой стороне. Руки согнуты в локтях: левая с кистью на тазе, правая от сгиба—наискосок груди с кистью, подогнутой под острым углом, на правой стороне груди. Остов ширококостный с широким тазом—женский (?). Над его черепом, в насыпи, найден угловой обломок известняковой стелы с частью фронтона и левым акротерием, с рельефным изображением женской головы, оббитой снизу и справа поднятой руки. Погребение нижнее (7,2) найдено на глубине 0,75—0,80 м, почти на скале. Вытянуто немного наискосок к верхнему, его череп расположен на правой стороне—неподалеку от верхнего, на одном с ним уровне. Руки согнуты в локтях, кистями к черепу (локтевые и лучевые кости лежали на плечевых). Стопы обрублены (при положении верхнего покойника). Остов подобно верхнему—ширококостный. Посыпан угольками. Между ног и возле правой голени обнаружены кости овцы (позвонки и берцовая). Под ними—обломки массивного железного кольцевидного предмета. Положение рук костяков (ср. скорченные погребения 1936—37 гг.)¹, погребение в насыпи, почти полное отсутствие вещевого инвентаря, обильная посыпка углем и кости жертвенного животного, обнаруженные у нижнего погребения делают вероятным допущение, что оба погребения могилы № 7 принадлежат туземцам-беднякам (?).

¹ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. Симферополь, 1938 г.

Его же, Отчет о раскопках в 1937 г., Архив ГХМ.

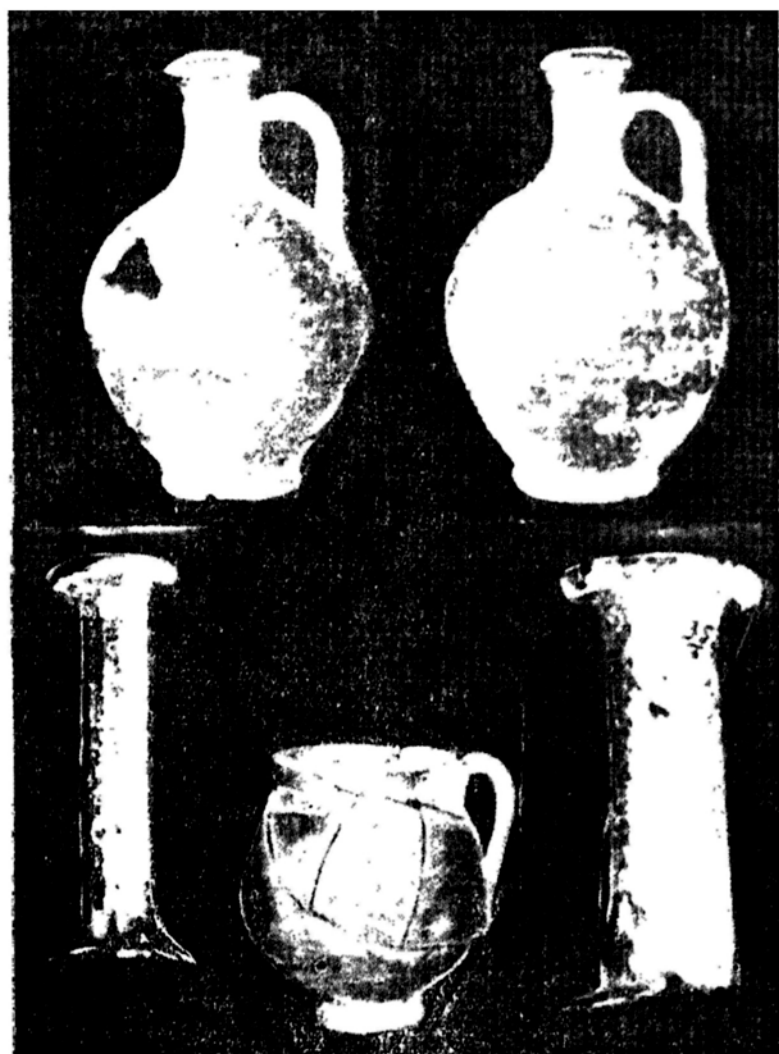

Рис. 1. Краснолаковые и стеклянные сосуды из вырубной могилы № 6.

Могилы № 8. Вырубная, под насыпью толщиной 0,50—0,60 м. Прямоугольных очертаний, широкая, с выгнутой наружу ЮВ стенкой, размером 2,10 × 0,80—0,85 м, глубиной 0,60—0,70 и 1,10 м. в СВ конце. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Засыпь глинистая с крупной щебенкой. Могилы остались неиспользованными.

Могилы № 9. Ограбленная. Вырубная, под насыпью толщиной 0,65—0,75 м. Была перекрыта плитами, из которых сохранились не потревоженными две, над ЮЗ половиной, неправильной формы, с розовой известковой заливкой и забутовкой по швам. Третья, разбитая грабителями, лежала внутри могилы в СВ ее конце. В на-

сыпи, над перекрытием, были найдены фрагменты узкогорлой амфоры зеленоватой глины, большого кувшина красной глины и кувшина с острым выступом на ручке, вероятно, выброшенного из могилы грабителями. Могила прямоугольных очертаний с расширением к ЮВ. Размер 2,00 × 0,55—0,65 м, глубина—около 1,00 м. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Засыпь землистая, почти сплошь забитая камнями в СВ половине, под снятой плитой. Здесь на разной глубине попадались кости крупного животного. Кости двух человеческих остовов, взрослого и ребенка, найдены в полнейшем беспорядке в наскальном слое насыпи. В ЮЗ углу обнаружены (не на месте) высокий краснолаковый светильник с ленточной ручкой и многолепестковой розеткой на щитке (фрагментирован), разбитая мисочка под плохим красным лаком с куском лигнита возле нее, фрагменты двух бронзовых проволочных детских браслетов с перевытыми концами, обломки бронзового узкогорлого флакончика, обломки железного стригиля, около 30 коротких железных подбойных (?) гвоздей с массивными широкими шляпками.

Подбойная могила № 10. Вырубная, под насыпью толщиной 0,30—0,50 м. Неправильных прямоугольных очертаний. Размер—2,15 м × 0,70 м, глубина—1,40—1,60 м. Ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ, отделка грубоватая. Подбой вырублены в глинистом пласте во всю длину боковых стенок и поперечной, северной. Входная, южная, с приступкой высотой 0,35 м, вырублена на глубине 0,65 м от края выруба. Подошвы подбоев немного выше дна могилы и поднимаются в глубь скалы. Верх западного подбоя профилируется в стенке ломаной линией, восточного и северного—шевронами. Высота западного—0,45—0,55 м, восточного—0,40—0,60 м, поперечного—0,65—0,80 м, глубина соответственно—0,55—0,70 м; 0,65—0,80 м; 0,15—0,20 м. Засыпь могилы землистая с крупной щебенкой.

На глубине 0,15 м от края выруба в СВ конце найдена кость ноги крупного животного. На глубине 0,70—0,90 м в могильной насыпи обнаружено 3 человеческих остова взрослых покойников. Вероятно, они были в гробах, так как при них обнаружены гвозди. При всех покойниках найдены угольки и кости жертвенных животных.

Погребение верхнее—10/1. Женское. Вытянутое, головой к ССВ, с раздавленным черепом. Позвонок искривлен, левая рука слегка согнута в локте с кистью на тазе, правая, вытянута вдоль туловища. Кости плохой сохранности. В области шеи и груди найдено 26 бус: сине-стеклянных дисковидных—20 штук, одна розово-стеклянная шестигранно-призматическая, 4 штуки перламутровых трапециевидных и одна сине-пастовая шаровидная, с белыми глазками (часть их найдена при выявлении среднего погребения). В области груди (правая половина, низ) найдены обломки бронзового медальона или зеркала. Под левой стенкой—два железных гвоздя. Вдоль всего остова лежали угольки.

Погребение среднее—10/2. Мужское (?). Череп лицом вверх, непосредственно под верхним, немного сплюснен и смещен с оси вправо. Торс значительно приподнят на земляной подушке. Позвонок искривлен влево. Руки вдоль туловища слегка согнуты в локтях с кистями ниже таза. Кости удовлетворительной сохранности. В области таза обнаружены обломки свиной челюсти. Под восточной стенкой найдены три массивных четырехгранных железных гвоздя с широкими шляпками и обломки железной ручки от гроба. (?) Покойник (или его ложе) был посыпан угольками,

Погребение нижнее—10/3. На глубине 0,90—1,05 м в обратном положении—головой к ЮЗ, немного наискосок к оси могилы. Череп в ЮЗ углу на левой стороне, немного смещен с оси. Торс слегка приподнят на насыпи. Кости предплечья частично находятся под тазовыми. Над левым плечом—эпифиз пожной кости крупного животного. Левое бедро смещено, левая малая берцовая кость отодвинута к правой. Кости удовлетворительной сохранности, принадлежат старику: черепные швы заросли, зубов мало и они истерты. У стоп остова лежала круглодонная кружка с плоской ручкой и зонально-желобчатой поверхностью, в ней—уголек; у правой плечевой—оселок с отверстием, под ним—бронзовая желобчатая втулка, рядом—подковообразная дужка для подвешивания оселка. Под восточной стенкой были найдены три железных гвоздя. Засыпь под этим остовом глинистая с крупной щебенкой, камнями, керамическими и другими остатками, попадавшимися как в могиле, так и в подбоях. Среди них: фрагменты железных гвоздей, два доньшка стеклянных сосудов, фрагменты высокобортной черепицы, амфоры красной глины, рифленного кувшина, высокой краснолаковой миски, одноручного горшочка и др. Помимо разрозненных фрагментов отмечена компактная группа, заходящая в восточный подбой,—обломки большого тонкостенного кухонного сосуда с плоской ручкой, покрытого копотью, разбитого, повидимому, при захоронении. Приблизительно на его уровне, в подбое обнаружены разрозненные кости детского остова с черепом на ССВ конце и обломки челюсти в области таза. Одно бедро, видимо, этого же остова, найдено в западном подбое; здесь же обнаружены кости животных: коровы, овцы, кабана, собаки (обломки черепа). Поперечный подбой никаких культурных остатков не дал. Можно думать, что детское погребение восточного подбоя было основным, снабженным богатыми погребальными дарами, помещенными отчасти в западном подбое (кости животных, керамические фрагменты).

Подбойная могила № 11. Ограбленная, детская. Вырубная, под насыпью толщиной 0,70—0,80 м. Неправильных прямоугольных очертаний. Размер: 1,25×0,50 м, глубина—0,65—0,75 м. Ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ. Засыпь глинистая, со щебнем. В правой стенке в глинистом прослое скалы обнаружен подбой без культурных остатков. Подошва подбоя выше дна могилы на 0,20 м, высота—0,30 м, глубина—0,25—0,30 м. В засыпи (почти у дна) были найдены: обломок кости, разбросанные фрагменты красноглиняного кувшинчика и одноручного горшка.

Могила № 12. Крематорий. Вырубная, под насыпью толщиной 0,55—0,60 м. Прямоугольная, неглубокая. Размер 2,15×0,60 м, глубина—0,35 м—0,40 м. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В средней части заполнена рыхлой углистой массой в окружении землистой засыпи, перемешанной с углистой. Стенки в этой части обожжены от обреза до дна. Попадавший в засыпи щебень—черный. В центре углистой массы обнаружены фрагменты жженной кости, обломки бронзового стригиля и другие, неопределенного характера. В ЮЗ конце могилы, в чистой землистой засыпи у дна был найден растрескавшийся от жары одноручный горшочек и расплавленный кувшинчик, оба красной глины, но с темной поверхностью (от огня). Возле них, на скале—бронзовая херсонесская монета, элевтериальная, пол. II—пол. III вв. (№ 13). В разных точках могилы найдено несколько массивных железных гвоздей. Таким образом,

могила № 12 является местом кремации и захоронения одновременно, могилой—крематорием¹. Наличие гвоздей позволяет предположить, что покойник был сожжен в гробу. В выкинутой из могилы и размытой дождями земле найдена бронзовая римская монета (№ 14) императора Тита (79—81 г.).

Могила № 13. Вырубная, под насыпью толщиной 0,45—0,60 м. Прямоугольных очертаний. Размер: 1,10 м × 0,60—0,70 м, глубина—1,20—1,25 м. Ориентирована по линии ВЮВ—ЗСЗ. В северо-восточной стенке проступает широкий пласт глины. Оштукатурена розовой „цемянкой“ различных оттенков, от беловатого до лилового. Засыпь глинистая, с кусками обвалившейся штукатурки. У края выруба, под СВ стенкой, найден большой железный гвоздь, а на глубине около 0,10 м, в ЗСЗ конце—бронзовая монета (испорчена).

На глубине 1,00 м—1,10 м обнаружен остов, вытянутый головой на ВЮВ, плохой сохранности. Череп раздавлен большим куском штукатурки и смещен влево. Руки вытянуты. На безымянном пальце левой руки—железный перстень с овальным камнем—геммой: женская голова в венке влево. Предплечье правой руки отсутствовало, правая тазовая кость и правая голень—также. На остове и воле него изредка попадались угольки. В области шеи был обнаружен раздавленный стеклянный флакон. В ногах (чуть выше)—два фрагмента крупной отделанной перламутровой раковины с бронзовым штифком на одном и отверстием для запора на другом и два фрагмента стеклянной витой туалетной палочки². У „входной“ стенки (в ногах) была расположена группа из 4 сосудов: двух краснолаковых одноручных кувшинчиков с шаровидным корпусом, краснолаковой конической чашки и простого одноручного горшочка с куском лигнита в нем взамен уголька (сравни с могилой 9). Тут же лежала бронзовая монета херсонесская, элветериальная, пол. II—пол. III вв. (№ 15). При удалении костей, под тазом были обнаружены кости раздавленного детского черепа, принадлежавшего плохо сохранившемуся остову, вытянутому на ЗСЗ, ногами ко входу в могилу. Ему, повидимому, принадлежали обломки двух стеклянных флаконов, обнаруженных под флаконом верхнего погребения, и бронзовая херсонесская монета конца I в. до н. э.—половины II в. н. э., найденная на глубине 1,10 м, приблизительно в области таза (?). Нижний остов лежал почти на скалистом дне могилы.

Могила № 14. Вырубная, под насыпью толщиной около 1 м. Прямоугольная, мелкая. Ширина—2,00 × 0,65 м, глубина—0,25—0,30 м. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В северном углу, на краю выруба,—остаток плиты покрытия на месте, на цемянке и куски ее—в земляной засыпи могилы. Могила потревожена.

Кости трех остовов—двух взрослых и одного детского—перемешаны. Сохранились остатки двух черепов: в СВ конце череп взрослого, в ЮЗ—ребенка и куски челюстей в разбросе. По положению костей ног можно установить, что одно погребение взрослого (I) ориентировано головой на СВ, другое (II) в противоположном направлении, детское первоначально было, повидимому, расположено в СВ половине могилы (под первым погребением). В засыпи могилы, у ее боковых стенок, обнаружено около десяти железных гвоздей.

В СВ конце могилы найдены два одноручные горшочка: один простой—с угольками, другой—краснолаковый; один краснолаковый

¹ Ср. мог. № 1070, ОАК за 1901 г., стр. 44.

² Ср. склеп № 784, ОАК за 1896 г., стр. 194, рис. 572.

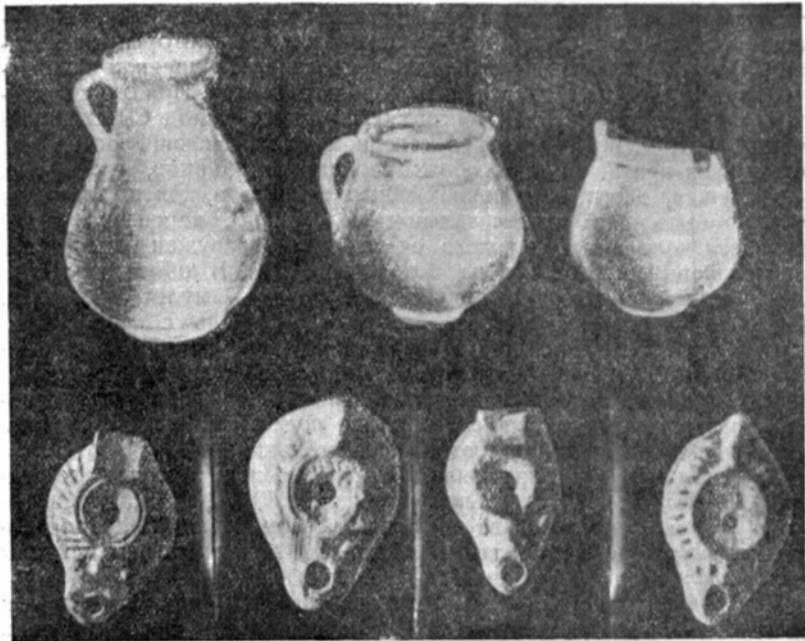

Рис. 2. Сосуды и светильники из могилы № 14.

кувшинчик (под черепом), четыре глиняных светильника, орнаментированных рубчиками на плечиках, два из них буролаковые (рис. 2) и бронзовая херсонесская монета, 76 г. н. э. (№17). В средней части могилы найдены: обломки стеклянного флакона, бусы лигнитовые—большая сегментовидная рубчатая, большая веретеновидная и семь округлых рубчатых малых; сине-стеклянные: четыре дисковидные и одна биконичная; семь пастовых округлых. Большая часть их найдена у правой стенки, возле пальцев руки, повидимому, от наборного браслета. У левой стенки найден железный широкий нож с костяной ручкой и бронзовая боспорская монета II в. н. э. (№ 19). В ЮЗ части могилы найдены две бронзовые монеты: херсонесская пол. III в. н. э. (№ 18) и неопределенная (испорчена).

Могила № 15. Крематорий. Расположена в насыпи толщиной 0,70 м. Дно было врублено в скалу на глубину 0,05—0,10 м. Сильно разрушена траншеей строителей. По небольшому остатку могилы, максимум, 1,00×0,15 м, можно установить ее ориентацию с ССВ на ЮЮЗ. Выруб в скале заполнен углистым слоем толщиной 0,07—0,08 м, с мелкими обломками жженных костей, в центре лежал распавшийся горшочек красной глины с плоской ручкой и обгорелой пепелистой поверхностью¹.

Могила № 16. Вырубная, под насыпью толщиной 0,60—0,80 м. Прямоугольная. Размер: 2 м×0,60 м, глубина—0,45—0,55 м. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Стенки и дно оштукатурены розовой „цемянкой“. Насыпь земляная.

¹ Ср. мог. №№ 1323, 1392—94. ОАК за 1891 г., стр. 42.

В могиле лежали три вытянутых остова головами на СВ, нижний — на дне (III). Первый, верхний остов лежал рядом со вторым на нижнем (III) в правой половине могилы в несколько нарушенном положении: череп перевернут, правая рука отброшена вправо. При его положении кости второго верхнего остова были смещены под СВ стенку и перемешаны, череп остался в северном углу. Нижний остов был потревожен при положении обоих верхних покойников, его правая рука смещена вверх, позвоночник сильно искривлен, колени сдвинуты (должно быть при первоначальном положении), череп — на левой стороне. Около головы первого остова был обнаружен одноручный краснолаковый кувшинчик на боку (распался). В области левого плеча найдена бронзовая подвесная трубочка — амулет и уголек. Над черепом второго остова — костяной гребень с полукруглым выступом наверху, скрепленный бронзовыми штифтиками. У правой голени нижнего остова — красноглиняный светильник с ленточной ручкой, длинным рожком и дополнительным отверстием у его основания наверху. В верхнем слое засыпи, под стенками и посередине могилы найдены железные гвозди (4) и угольки.

М о г и л а № 17. Ограбленная. Вырубная, под насыпью толщиной 0,30—0,35 м. Прямоугольная. Размер: 2,30×0,60 м, глубина — около 1,00 м. Ориентирована по линии восток—запад. Плитное покрытие разрушено грабителями; в земистой засыпи могилы найдены обломки плит и комки „цемянки“ — промазки швов.

Под ними, на глубине 1,40—0,55 м от обреза могилы — остатки вытянутого остова (левое бедро, берцовые кости) в смещенном к северной стенке положении, головой к западу (череп у южной стенки). В различных точках засыпи найдены: железный гвоздь, фрагменты иглы бронзовой фибулы, обломки стеклянного сосуда с желобчатой поверхностью, светильник желтой глины под бледнокрасным лаком с рельефным изображением канфара. В западном конце могилы — куски железного шлака.

П о д б о й н а я м о г и л а № 18. Вырубная, под насыпью толщиной 0,25—0,35 м. Прямоугольная. Размер: 2,15×0,70, глубина — 1,40 м. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Оштукатурена кирпично-красной „цемянкой“. Нижняя часть могилы врублена в подстилающий скалу светложелтый глинистый пласт. Подбой вырублен в пласте глины на уровне дна могилы, во всю длину ее южной боковой стены с удлинением в оба конца около 0,50 м. В средней части, на высоте до одного метра подбой углубляется под необработанный накат скалы, который профилируется в стенке могилы неправильно — уступчатой аркой высотой 0,50—0,80 м. В СВ конце подбой был закрыт прислоненной к нему прямоугольной штучной плитой с закругленным верхом, размером 0,90×0,50 м, которая стояла на засыпи на 0,40 м от дна. Засыпь землистая, с большим количеством крупных камней. С высоты 0,40 м в могиле и подбое обнаружено 12 остовов, расположенных несколькими ярусами; в могиле головой на СВ—4, на ЮЗ—2; в подбое на СВ—2, на ЮЗ—4. При этом некоторые остовы локализованы частью в могиле, частью в подбое и ориентированы не совсем по оси могилы. Остовы удовлетворительной сохранности находились в более или менее нарушенном положении в результате либо неоднократных труположений, либо „хозяйничания“ грабителей, на что, возможно, указывает большое количество крупных камней в засыпи от плит перекрытия могилы (?). Наиболее потревожены верхние: таз среди черепов в ЮЗ конце подбоя, тоже в СВ конце

могилы и т. д. (возможно, при последнем труположении в подбое, сопровождавшемся установкой закладной плиты). Наименее потревожены нижние погребения могилы (одно) и подбоя (два), ориентированные головами на СВ. Первое, судя по костям (широкий таз при узкой груди и тонких руках) и вещам — женское, с левой рукой от сгиба на тазе. При нем в области груди обнаружены две лигнитовые веретенообразные бусины и одна пастовая буроватая круглая (рис. 3); в области таза найдена синяя стеклянная бусина бочонковидная с белой пастовой инкрустацией в елочку (рис. 3) и 27 лигнитовых пропизей от наборного браслета (рис. 3) в виде полукруглых пластинок,

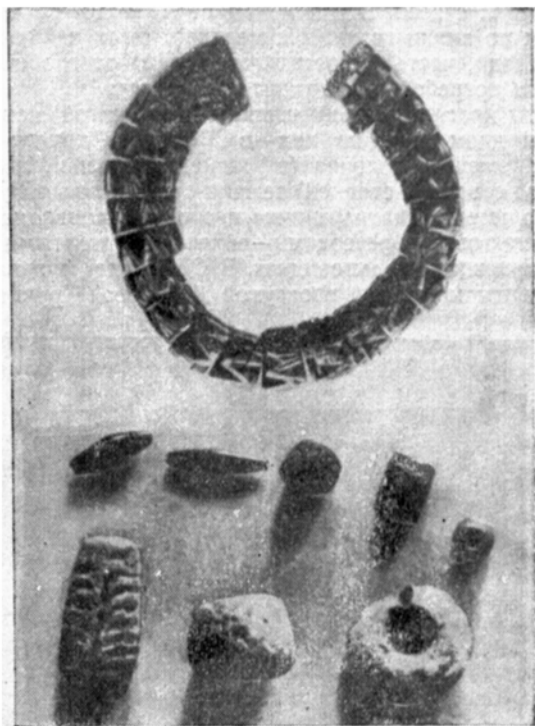

Рис. 3. Бусы и лигнитовый браслет из могилы № 18.

утончающихся к диаметру (0,028), „расчеканенных“ по шаровой поверхности рельефными зигзагами. В каждой — две поперечные дырочки у концов для нанизывания на шнурок. Нанизанные, они укладываются по окружности диаметром 0,06—0,08 м. Резьба в целом образует стилизованный узор спинки змеи. У кисти правой руки (под стенкой) найдена бронзовая херсонесская элевтериальная монета пол. II—пол. III вв. (№ 21). На уровне этого погребения и выше найдено несколько железных гвоздей, главным образом, под стенками.

При двух оставах в подбое, расположенных один на другом, в головах лежали: полураздавленный стеклянный бальзамарий и свинцовая сферически-сегментарная ножка сосуда с круглым углублением

и основой стержня посредине. У правой руки нижнего остова были найдены две бронзовые херсонесские элевтериальные монеты пол. II—пол. III вв. (№ 22 и 23), фрагмент железного ножа с остатком матерчатых ножек и сточенный четырехгранный оселок с отверстием для подвешивания. В глинистом выкиде из-под костей нижнего остова (из области груди) были обнаружены четыре золотые индикации, более или менее фрагментированные и деформированные; на одной из них хорошо сохранился штамп в виде лучистого круга. В ЮЗ конце подбоя, в головах обратно ориентированных верхних остовов обнаружено два светильника: один под черепом верхнего остова с рельефным изображением зрота, другой—под выступом поперечной стенки с изображением быка. На подошве подбоя, главным образом по линии границы с могилой, были найдены массивные железные гвозди, частью с остатками дерева от гробов.

К верхним погребениям могилы относятся:

Фрагменты красноглиняной чашки с желобчатой поверхностью и округленным дном (один из них—в СВ конце, другие—посредине); фибула серебряная проволочная (с фрагментированной пружиной). Вместе с ней (под северной стенкой) лежали сердоликовая бусина в форме уплощенного четырнадцатигранника, пастовая шаровидная темносиная бусина с зигзаговыми разводами—поясками, желтыми и голубыми, и бусина стеклянная кольцевидная. В СВ конце могилы были найдены фрагменты массивной изогнутой бронзовой ручки сосуда (?),

Рис. 4. Лепной горшок и красноглиняный кувшин из могилы № 19.

круглой в поперечном сечении. Под северной стенкой, повыше фибулы—римская бронзовая монетка II пол. IV в. Она относится к одному из верхних погребений, датирует его и дает верхнюю дату для нижележащих. В могильной засыпи, выше слоя погребений, обнаружены фрагменты амфор с гладкими и желобчатыми ручками, фрагменты толстостенного стеклянного сосуда (0,005—0,006 м) и

фрагменты оселка. В выкинутой из могилы земле—янтарная цилиндрическая бусина.

Могила № 19. В насыпи толщиной 0,80—0,90 м дно незначительно врублено в скалу на 0,20—0,25 м. Прямоугольных очертаний, суженная и закругленная в СВ конце. Размер 1,75 × 0,50—0,35 м. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Засыпь землястая.

На дне найден узкокостный остов средней сохранности, головой на ЮЗ. Череп на левой стороне сплюснут от тяжести земли. Руки—вдоль туловища, правая согнута в локте. Стопы сдвинуты. В головках—красноглиняный одноручный кувшинчик с широким дном и кухонный лепной горшочек темной глины с нагаром (рис. 4). Возле черепа справа—клинок железного ножа, длиной 0,13 м. Погребение, судя по инвентарю, туземное.

Могила № 20. Ограбленная. Детская. В насыпи толщиной 0,25—0,35 м. Дно незначительно врублено в скалу (на 0,20—0,35 м). Трапезиевидная. Размер: 1,00 × 0,45—0,35 м. Ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ.

Без костей. В западном углу обнаружен желтоглиняный светильник без орнамента, под плохим бурым лаком, с лепочной ручкой и длинным рожком.

СКЛЕП № 1—4

Склеп № 1. В траншее для фундамента дома, на глубине 0,50—0,60 м обнаружено покрытие дромоса из двух больших тесаных четырехугольных известняковых плит, размером 1,20 × 0,80 × 0,10 м и 1,20 × 0,96 × 0,10—0,15 м, соприкасающихся длинными сторонами. Отверстие между плитами было заложено бутовыми камнями на известковом растворе. С краями дромоса плиты покрытия были скреплены также известковым раствором с крупнозернистой керамической примесью. Под плитами дромос оказался свободным от засыпи на глубине 0,60—0,65 м от верхнего края закладной плиты. Дромос трапезиевидный, ориентированный с СЗ на ЮВ. Длина—1,15 м, глубина—1,35—1,40 м. СЗ стенка, с двумя ступеньками,—0,70 м и ЮЗ, со входом в склеп,—0,80 м. Боковые стенки дромоса, до глубины 0,50—0,55 м от края, выложены бутовым камнем на розоватом растворе с частично плитным навершием (3 стены). Ниже—выруб в скале. Задняя ЮВ стенка дромоса до той же глубины заложена большой тесаной плитой с накладкой из небольших камней и плитняка. Под ней—входное трапезиевидное отверстие в склеп, 0,60—0,55 м ширины, 0,75—0,80 м высоты, закрытое тесаной известняковой закладной плитой, 0,75 кв. м, с кромкой с внутренней стороны по всем краям, кроме нижнего. Его порог расположен ниже подошвы дромоса на 0,10 м. Правую сторону образует тесаная плита—косяк, примазанная к вырубам розоватым известковым раствором. Её ширина, равная 0,40—0,35 м, составляет глубину входного отверстия. Левая сторона входного отверстия покрыта такой же известковой обмазкой. Верхний край отверстия расположен в плоскости потолка склепа. В склеп ведет треугольная в плане, высотой 0,30 м, ступенька, которая находится на 0,70 м ниже порога. Склеп грубо иссечен в скале в виде прямоугольной камеры (4 × 3 м, высота—1,75—1,80 м) с закругленными углами. По трем сторонам вырублены погребальные сооружения: лежанка в левой стене, могилообразная усыпальница в правой и такая же против входа. Длина каждого сооружения—2 м,

ширина—1 м. Толщина бортов усыпальниц—около 0,20 м. Высота над уровнем подошвы склепа—0,90 м. Глубина правой—0,60 м и против входа—0,80 м¹. На стенках усыпальниц—штриховые следы обработки киркой. Верхние углы склепа скруглены. По верху левой стены и смежной с ней части передней, на 0,30 м ниже потолка, сохранилась лента розовой известковой мелкозернистой обмазки, шириной около 0,30 м, закрепляющей слабый прослой скалы. Остатки такой же обмазки сохранились на наружной стороне борта правой усыпальницы. Потолок склепа, частично обвалившийся, имеет волнистую поверхность с прогибом посередине. Правый угловой пилон между усыпальницами обвалился. На полу—слой (0,20 м толщины) слежавшихся продуктов разрушенного потолка и стен. У входа—глинистый наплыв, покрывший ступеньку и образовавший наклонный спуск в середине склепа. Обвальный и натечный слой сырой, особенно у входа. После очистки пол оказался почти ровным, с небольшим возвышением от ступеньки к северо-восточному углу и с понижениями по ее сторонам. В склепе обнаружено тринадцать погребений.

Погребение на лежанке. Почти истлевший остов взрослого человека в вытянутом положении на спине, головой на СЗ. Сохранились верхние части бедер, фрагменты черепной крышки и другие мелкие остатки.

Погребения в усыпальнице против входа. Три остова взрослых в вытянутом положении, головами на ЮЗ. Под стеной склепа, приблизительно посередине усыпальницы, кучка костей. Среди них и в левом конце усыпальницы—детские. Погребения в ящичке не одновременны. Два нижних остова расположены рядом. Третий—на первом, под стеной склепа, и частью на втором, под бортом усыпальницы. При этом, вероятно, кости нижних были частью сдвинуты с места (бедра и голени первого), частью разбросаны или сброшены в кучку под стену. Обвал потолка и стены усилил нарушение в положении костей остовов. Удовлетворительно сохранились крупные кости конечностей. Найдены фрагменты челюстей трех погребений и остатки черепных крышек, отчасти в ЮЗ конце, отчасти в кучке костей под стеной.

Погребения в правой усыпальнице. Четыре детских остова в вытянутом положении, головами на СЗ. Все ложе покрыто обвалом потолка и стены. Погребения не одновременны. Два верхние отделены от нижних слоем натечной глины, положение остовов частично нарушено, под стенкой склепа обнаружена кучка костей. По снятии камней обвала выявилось правое бедро, тазовая кость и фрагменты черепной крышки детского остова в СЗ половине усыпальницы, и кости конечностей слабой сохранности (без эпифизов) другого погребения в ЮВ части. По снятии глинистого слоя обнаружены кости конечностей еще одного остова в ЮВ части и детские кости (в разбросе) в восточном углу. Найдены остатки двух-трех черепов (среди них двух-трех челюстей). †Один деформированный детский череп найден был на полу, под усыпальницей. †Возможно, что он был выброшен из нее при более позднем труположении. В средней части усыпальницы найдены два железных четырехгранных гвоздя с широкими шляпками и с остатками дерева от гроба, в восточной—бронзовый проволочный браслет диаметром 0,033—0,35 м с заходя-

¹ Ср. Склепы №№ 2787, 2053, 2114, Херсонесский сборник, II, стр. 175, ИАК, 25. стр. 105—106 слл. и 123.

щами друг за друга утолщенными рубчатыми концами при костях детской руки, покрытых окисью¹. В западной части найдена бронзовая сережка, диаметром 0,016—0,017 м, с утонченными не сходящимися концами и утолщением с противоположной стороны.

Погребения на полу склепа. Четыре погребения—три слева от входа и одно справа, все в вытянутом положении, головой ко входу. Левая группа погребений по взаимному положению аналогична группе в усыпальнице против входа. Два остова расположены рядом, третий—сверху. Все крупные кости конечностей хорошей сохранности. Кости первого торса, положенного на скале у лежанки, частью перемешаны, частью истлели. Череп перевернут, в углу. Второй остов, более позднего погребения, рядом и несколько наискосок от первого, лежал на слое глинистого напльва, толщиной около 0,05 м. Кости торса (грудная клетка и позвонки) истлели. В области отсутствующего черепа обнаружены угольки. Часть черепной крышки оказалась ниже таза, найдены фрагменты лучевой кости и фаланги пальцев между колен. Погребение частично нарушено при положении верхнего. Последний лежал на первом и отчасти на втором. В области левого плеча первого остова обнаружена нижняя челюсть.

Погребение, найденное справа от входа, под правой усыпальницей, расположено на скале под слоем глины и извести, толщиной 0,10—0,25 м, хорошей сохранности, но частью в нарушенном положении. Бедрa сдвинуты влево. Локтевая кость левой руки, согнутой в локте и с кистью у головы, оказалась на лучевой в положении крест на крест, таз сдвинут вверх и влево. Возможно, что это—аномалия, присущая покойнику, на одном бедре которого, у головы, отмечен ненормально большой выступ. В области торса и головы обнаружены угольки. Череп—на правой стороне. Длина остова—1,75 м. В глинистом напльве, в области груди, найдены два черепка: рифленый и буролаковый. Несколько мелких красноглиняных черепков найдено в напльве у ступеньки, среди них—один рифленый и один краснолаковый венчик чашки.

Склеп № 2. Дромос, прямоугольный в плане, опущен в скалу, выступающую на поверхность; спускается двумя маршами—уступами с севера на юг, с глубины 0,85—1 м до глубины 1,80—2,00 м, ко входу в склеп. Нижний уступ вырублен в подстилающей скале глине. Между верхней и нижней площадкой—одна ступенька. Длина дромоса—2,10—2,20 м, ширина—1,00—1,15 м. Более или менее ровно вырублена лишь стенка над входом в склеп, примыкающая к ней часть левой стены и правый угол. Засыпь дромоса—землистая, с почти сплошным завалом камней над входом в склеп. В завале—фрагменты черепицы—острорботные, амфорные ручки и другие керамические обломки, кости и рога крупных животных, между прочим, коровьи. На глубине 0,75 м раскопан овальный валун 0,35—0,20 м, под которым найден череп на левой стороне и поврежденный раскопкой человеческий остов, лежавший головой на запад. Вход в склеп был неплотно закрыт тесаной известняковой подпрямоугольной плитой размером 0,70 × 0,65 × 0,07—0,15 м. Входное отверстие вырублено в светложелтой глине и укреплено трапециевидной рамой из трех тесаных плит и двух стоячих косяков, перекрытых плитой с нависающими концами. Плита эта треснула под тяжестью камней

¹ Ср. ИАК, 20, стр. 85—86, № 1595 и ИАК, 25, стр. 105—106, №№ 2052, 2053.

заклада отверстия между ней и накатом скалы. Вверху, слева от входа—большой выбой в скале, заложённый камнями. Размер входа—0,60 и $0,57 \times 0,65 \times 0,30$ м (глубина).

Склеп квадратный в плане, размер $2,00 \times 2,10$ м, высота—около 2,00 м, грубо вырублен в слоистой скале с мощным прослоем глины в верхней части; сырой, заваленный камнями и глиной с полуобрушившегося потолка и засыпанный натечной землей до уровня входа. Вдоль задней и боковых стен—три высокие лежанки, размером $2,00 \times 1,00$ м, высотой 1,50 м. Боковые стены покрыты толстым слоем осыпи. В склепе обнаружено 14 погребений.

Погребения на лежанке против входа. В левой половине лежанки обнаружены кости ног двух остонов, лежавших рядом, головами к правой лежанке, на СЗ. По краю лежанка обрамлена бортом высотой около 0,15 м из нескольких камней, не доведенным до южного угла на 0,70 м. На крайнем камне слева, размером $0,30 \times 0,20 \times 0,15$, грубо иссечены кресты: на верхней стороне—четырёхконечный, на нижней—такой же в рамке. Под бортом собраны в кучку обломки костей третьего, детского, остова. После очистки правой половины лежанки от осыпи обнаружены полуистлевшие кости двух черепов и детская челюсть.

Погребения правой лежанки. Два остова плохой сохранности расположены рядом, головами на ЮЗ, третий—над ними под стенкой, головой ко входу, на СВ.

Погребения левой лежанки. Четыре потревоженных погребения плохой сохранности. Два нижних расположены рядом, головами к задней лежанке, на ЮЗ, два других—сверху, над первыми. Один из них с бронзовой сережкой возле куска черепа лежал головой ко входу. Серьга имеет вид кольца с несходящимися концами сбоку и блочковидным утолщением внизу¹. Второй остов—детский, невыясненной ориентации. В заднем конце лежанки, у края, найден серебряный перстень низкой пробы, с вытянутым вверх коронообразным о четырёх лапках гнездом для выпавшего камня.

Погребения на полу склепа. В мокром и вязком землистоглинном слое, заполнявшем камеру, весьма неудобном для выявления костяков, отмечены три потревоженные раскопкой остова: под левой лежанкой—головой на ЮЗ, под задней—с черепом против входа, под правой—детский, с черепом в правом заднем углу. На самом дне камеры, под правой лежанкой обнаружен потревоженный остов, головой ко входу, узкокостный, с деформированным черепом, посыпанный редкими угольками.

Склеп № 3. Большой четырехугольный дромос, грубо вырубленный в выступе скалы, выходящем на поверхность. Размер: $1,70—1,75 \times 1,25—1,30$ м, глубина— $2,10—2,15$ м. Спуск в СЗ углу, ступенчатый, в три уступа. Дно—неровное с уступом и приступочкой справа. Вход в склеп, расположенный в восточной стенке дромоса, неправильной формы—арочный сверху, с расширением посередине, трапециевидный внизу, вырублен в легко крошащейся породе, не дающей четких очертаний. Порог ниже дна дромоса на 0,10 м. Высота входа— $1,20—1,30$ м, ширина посередине—около 1,30 м, внизу—0,50 м, глубина—0,45 м. Его необычная высота и форма объясняются, повидимому, тем, что пол склепа ввиду все новых труположений и натёков с потолка постоянно повышался, что вызывало необходимость повышения входного

¹ См. ИАК, 19, таб. XII, 5. ОАК за 1893 г. стр. 63, скл. № 343 с монетами IV—нач. V в.

Рис. 5. Сосуды и светильник из склепа № 3.

отверстия одновременно с засыпкой дромоса на соответствующую высоту. Левая половина арки входа с лицевой стороны была обрамлена неглубокой полуарочной выборкой изящного контура, с рельефным боковым обрамлением, не законченным наверху. Правая половина либо разрушена, либо не закончена отделкой вследствие крохотности этого участка скалы. Верх входного отверстия в склеп был заложен двумя крупными четырехугольными камнями, размером $0,70 \times 0,50 \times 0,20$ м. Один был прислонен к кромке входа, второй — к первому. Отверстия по бокам были также закрыты камнями. Под верхними закладными камнями, на глубине 1,40 м, слева, обнаружена груботесанная прямоугольная плита, размер $0,85 \times 0,45 \times 0,25$ м, — вероятно, заклад первоначального входа. Между ней и левой стеной дромоса найден разбитый красноглиняный кувшинчик. Засыпь дромоса землистая, плотная, насыщена камнями, среди которых найдены керамические фрагменты чернолакового блюда с насечкой по кругу, два рога и кости коровы. На глубине 0,70 м, под прямоугольной плитой, размер $0,60 \times 0,30 \times 0,10$ м, найден разрушенный раскопкой человеческий остов, ориентированный головой на СВ, корошкой челюсть и обломки амфоры, попадающиеся и выше.

Склеп — квадратный в плане, размером $2,25 \times 2,10$ м, высотой 1,65—1,75 м, с тремя нишами-лежанками, грубой работы. Пол неровный, со ступеньчатым уступом под восточной и южной лежанкой и в СВ углу. Потолок без следов обработки, — с частично обвалившейся поверхностью. Лежанки вдоль боковых и задней стены, короче их: 1,90 м — боковые, 2,10 м — задняя. Высоты и глубины: левой — 0,50 и 0,60 м, правой — 0,60—0,70 м и 0,50—0,55 м, задней — около 1,00 и 1,00 м. Ложа боковых лежанок приподняты по направлению к задней стене. Задняя лежанка, вследствие плохих свойств породы, сработана весьма неряшливо и частично недоработана. Задняя стена, потолок и правый уступ частично обвалились. Ложе — ровное, ниже боковых на 0,20—0,25 м. Ниша — выше и глубже. В склепе обнаружено 17—18 погребений.

Погребения на полу склепа. Склеп засыпан выше уровня порога. Засыпь двухслойная, толщиной около 0,50 м. Верхний слой, покатый к задней лежанке и плотно слежавшийся, образовался из земли, проникшей через вход и из каменисто-глинистой осыпи потолка. Нижний — глинистый с камнями, желтого цвета, — вероятно, результат искусственной засыпи пола до уровня его нижних уступов, толщиной около 0,40 м. В землистом слое засыпи обнаружено 17 черепов и кости остовов неплохой сохранности, расположенных в несколько ярусов в изрядном смещении и беспорядке и в различных направлениях вдоль лежанок (главным образом, правой и задней) посредине и у входа. Наиболее цельную картину дает остов под правой лежанкой, лежащий головой ко входу, на запад. Черепа расположены в одиночку, в различных точках слоя и группой в шесть экземпляров слева от входа, в переднем углу. Два черепа, оба из верхнего слоя, слабо деформированы. В разных уровнях погребального слоя обнаружено около шестидесяти железных гвоздей и незначительные остатки перегнившего дерева от гробов, девять сосудов (главным образом, у черепов, рис. 5); пять одноручных красноглиняных горшочков, один красноглиняный, одноручный, грушевидный кувшинчик, один сероглиняный одноручный кувшин-кубышка, одна красноглиняная миска и один красноглиняный горшок с горизонтальной ручкой; фрагменты амфоры красной глины с желобча-

той поверхностью, цилиндрическая ножка амфоры желтой глины, фрагменты двух одноручных и одного двуручного кувшинчика, один светильник красной глины с рубчатым орнаментом, фрагменты стеклянного флакона и оконного стекла (главным образом, в верхнем горизонте слоя у входа), фрагменты бронзовой сережки у деформированного черепа, семь бронзовых монет (№ 4—10), пять из которых римские II и второй половины III века (Аврелиана и Северины) найдены в верхнем горизонте, под правой лежанкой в заднем конце ее и две херсонесские, времен элевтерии (II—III вв.) найдены в среднем горизонте, одна под правой лежанкой посредине, вторая— в левом заднем углу.

Погребения на левой лежанке. Два потревоженных остова подростков, один на другом, головами на запад. Кости очень плохой сохранности, черепов нет. На краю ложа, у бедра, найдена одноручная кружечка красной глины под плохим красным лаком (рис. 5, нижний ряд, правая).

Погребение на правой лежанке. Потревоженный остов подростка плохой сохранности, головой на запад, ко входу. Черепа нет. Найдены два гвоздя от гроба.

Погребение на задней лежанке. Потревоженный обвалом остов головой на юг, деформированный череп разбит. У ног слева—одноручный грушевидный кувшинчик под плохим бурым лаком и одноручная разбитая кружечка с желобчатой поверхностью красной глины (рис. 5, нижний ряд, слева). Два гвоздя от гроба.

Склеп № 4 (см. план и разрезы, рис. 6). Свод склепа осел внутрь. Сохранилась лишь правая, задняя часть над подбоем лежанки. Свод, толщиной максимум 0,40 м, разрушен двумя вырубными могилами, пробившими его насквозь. Первая—над правой половиной склепа, с тремя потревоженными остовами поверх основных погребений склепа; из них двое взрослых и один детский. Череп одного лежал над тазами нижних погребений, на СВ. Череп другого, слабо деформированный,— под другой стеной, над бедрами остова в вырубке. Вторая могила расположена частью над входом в склеп, частью в дромосе. Могила, повидимому, использована лишь в половине, попавшей в дромос, где обнаружены погребения. Дромос—в насыпи, со слабым углублением в материк (0,20—0,30 м). Глубина—1,15—1,20 м. Неправильно четырехугольный в плане, он продольной осью (1,80 м) ориентирован с СЗ на ЮВ. Перед входом, поперек него, найден вытянутый остов головой на СВ; левая рука—вдоль туловища, правая согнута, с кистью на тазе. Узкокостный старик (черепные швы срослись). Сохранность слабая. В насыпи—два железных гвоздя от гроба. Для захоронения покойника дромос расширен узкой вырубкой в направлении ног, на ЮЗ. Вход в склеп с СЗ, на уровне подошвы дромоса, ширина 0,90 м, глубина—0,35 м. По краю, со стороны склепа бортиком возвышается порог, высотой около 0,10 м, шириной 0,10—0,12 м.

Склеп прямоугольный в плане (размер 1,90 × 1,10 м). Продольной осью ориентирован по линии СЗ—ЮВ. Пол склепа—ниже подошвы дромоса на 0,50—0,55 м. Вдоль стены со входом—ступенька высотой 0,10—0,18 м, шириной—0,25—0,30 м. По сторонам склепа, на высоте 0,85—0,90 м расположены три лежанки: левая—вдоль склепа, правые—в поперечном направлении, разделенные узким проходом, шириной 0,30 м. Левая лежанка тоже имела проход, разделяющий ее

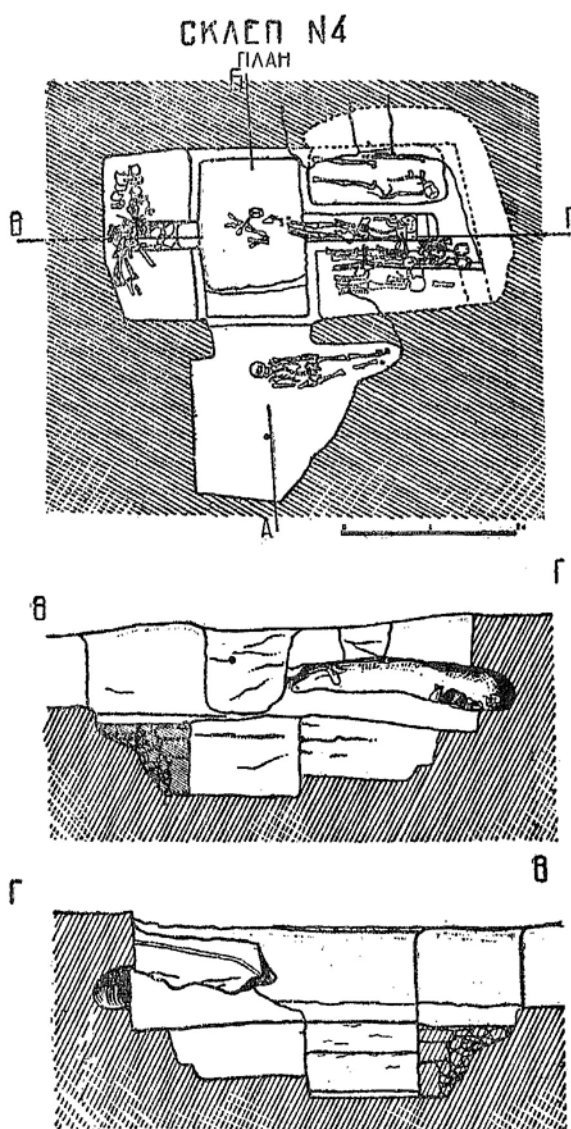

Рис. 6. План и разрез склепа № 4,

на две половины, но он был заложен камнями на извести и щебенкой вплоть до уровня лежанки. Образовавшееся пространство было использовано для положения покойника. Наружные стенки правых лежанок оштукатурены розовым известковым раствором. По краям все лежанки обрамлены бортиками (0,10×0,10 м). Над правыми лежанками, под потолком склепа, в ЮЗ и ЮВ стене вырублена лежанка подбойного типа, высотой около 0,50 м. На полу склепа — плотная, быть может, утрамбованная желтоглинистая засыпь, в которой попадались разрушенные детские кости, кости животных (коровьи) и обломки сосудов: миски с красно-бурой облицовкой и рубчатым орнаментом по борту, стеклянного бокала, обломки оконного стекла, оселка и один каменный терочник. На засыпи, прижатой осевшим сводом, два потревоженных остова взрослых, головами к левой лежанке, на СВ, один — детский. Аналогично заполнен правый выруб с вытянутым остовом наверху, между бортами лежанок. Кости остова не потревожены, исключая череп, несколько сдвинутый вправо.

Погребения на левой лежанке. Четыре остова головами на ЮВ со смешанными костями, за исключением одного, который сохранился в относительно ненарушенном положении. Среди черепов, лежавших в ЮВ конце вместе с тазовой и другими костями, один деформированный.

Рис. 7. Кувшин и горшок сармато-славянского типа из подбойного погребения.

Погребения на правой задней лежанке. Остов средней сохранности головой на ЗЮЗ с черепом, смещенным влево. Под остовом — темное вещество — остатки подстилки. Среди костей — угольки. В южном углу, над изголовьем нижнего погребения найдены остатки ислетового детского костяка. При них — две пастовые зеленовато-желтые бусины: малая — круглая и покрупнее — биконичная.

Погребения на правой передней лежанке. Два

вытянутых остова хорошей сохранности, один на другом, с черепами в ЮЗ конце. Под ними, в ногах, разрозненные детские кости.

Погребения в боковом подбое. В подбое над правыми лежанками найдены два остова в смешении, ориентированные в противоположные стороны; верхний—головой на ВСВ, нижний—на ЗЮЗ. Возле головы нижнего—красноглиняный одноручный кувшинчик (рис. 7), кухонный сероглиняный горшок, с густорифленой поверхностью, волнистым орнаментом под венчиком и рельефным клеймом снаружи на дне в виде крестовой розетки (рис. 7 и 8), сплюсненно-шаровидное прясло и железный нож. Инвентарь указывает на женское погребение.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ И ПОГРЕБЕНИЙ ПО ОСНОВНЫМ ПРИЗНАКАМ

Раскопками обнаружено четыре склепа (№1—4), четыре подбойные могилы (№ 5,10,11,18), одна грунтовая (№ 7), шесть могил в нижней части более или менее врубленных в скалу (№ 4,12,15,16,19,20) и девять вырубленных в скале, всего—двадцать четыре погребальных сооружения.

С к л е п ы. Все склепы имели дромосы. В одном (№ 1) боковая и задняя стенки были укреплены кладкой на известковом растворе. Этот же дромос имел плитное перекрытие на таком же растворе. Дромосы вырублены в материковой скале. Для спуска в короткой стенке против входа в склепы они имели уступы—ступени. Входы склепов ориентированы на запад (№ 1,3), север (№ 2) и северо-запад (№ 4); в зависимости от рельефа скалы. Входные отверстия—неправильной четырехугольной формы. В склепе №3, при позднейшем использовании, первоначальный вход был, очевидно, засыпан и вырублен новый, являющийся продолжением первого. В склепах №1 и № 2 отверстия укреплены тесаными плитами. Кроме разрушенного (№ 4), все склепы имели закладные плиты, а плита склепа № 1—запечки. Вырублены склепы киркой в материковой скале, ее глинистой и более слабой прослойке. В плане они четырехугольной формы с лежанками и ящикообразными усыпальницами (склеп № 1) вдоль боковых и задних стен. Конструктивно выделяется склеп № 4 с лежанками только по боковым сторонам, причем с правой стороны они расположены не вдоль, а поперек; с проходом между ними и с подбойной нишей под потолком склепа вдоль правой и задней его стенки. Все склепы оказались в большей или меньшей мере засыпанными обвалами потолков, стен и натечной землей через входы. Погребения в склепах совершались неоднократно. Покойников клали на лежанки, в ящикообразные усыпальницы и прямо на пол. Остова сохранились в вытянутом положении, частью в гробах. Повторность погребений, при которой нарушалось положение костей предыдущих, плохая сохранность костей от сырости, обвалы и затеки не всегда позволяли точно установить общее количество погребений и их ориентацию. В склепе № 1 зафиксировано тринадцать погребений, в склепе № 2—14, № 3—около семнадцати—восемнадцати и № 4—пятнадцать, а всего около шестидесяти погребений. Склеп № 1, по времени обнаруженных в нем сережки и браслета, одним из моментов своего существования может быть сближен с преобладающей датой могильных погребений (пол. II—пол. III вв.). Наличные пред-

меты из склепа № 2: серьга, перстень и камень с крестами относятся к позднейшим погребениям и определяют время его повторного использования, приблизительно, ранне-христианской порой (IV—нач. V в.). Время функционирования склепа № 3, на основании найденных вещей и монет охватывает полтора—два столетия, с пол. II в. до начала IV века. Наконец, наличные вещи, найденные в склепе № 4, относятся только к поздним погребениям в подбое под потолком. Возможно, что подбой с погребениями относится ко времени после засыпки камеры склепа (?). Инвентарь этого погребения носит относительно поздний характер, не выходя, однако, из рамок поздне-античной эпохи. Таким образом, по конструкции и инвентарю склепы не представляют однообразия. Общим для них являются лишь повторность использования и приблизительно одно время существования.

Подбойные могилы размещены следующим образом: две могилы с подбоями в боковых и одной поперечной и две—в одной боковой стене. Могилы № 5 и № 18 имели плитное перекрытие (?), последняя, кроме того, —остаток заклада подбоя. В могиле № 5 обнаружено 10—11 разновременных погребений, из них четыре с деформированными черепами и монета пол. II—пол. III вв., устанавливающая датировку подбойных. В могиле № 10—четыре погребения—три в могиле и одно, детское, в подбое. Могила № 11—детская—ограбленная. Могила № 18—имеет двенадцать погребений. В нижнем погребении могилы найдена монета пол. II—пол. III вв., а в верхнем—второй половины IV в.

Могилы вырубные в скале и грунтовые. Из 16 могил две указывают на обряд трупосожжения (№ 12 и № 15), двенадцать—труположения. В первом случае кремация совершена в самих могилах. Одна могила (№ 8) не использована, а вторая (№ 6) представляет редкий случай совершения обряда погребения без самого покойника при наличии сравнительно обильного погребального инвентаря: три глиняных и два стеклянных сосуда и одна монета. Семь могил потревожены грабителями. Из тринадцати могил в девяти засвидетельствованы одиночные захоронения, из них—четыре детские. В могилах № 7 и 13 найдено по два последовательных захоронения, в могилах № 9, 14 и 16—по три захоронения. В большинстве могил (кроме № 7 и 19) обнаружены следы захоронения в гробах и посыпка покойников угольками. В трех могилах этот обряд заменен помещением угольков в горшочках в головах покойников,

Рис. 8. Клеймо на дне горшка сармато-славянского типа из склепа № 4.

а в могилах № 6, 9 и 13 древесный уголек заменен лигнитом. В некоторых погребениях обнаружены кости жертвенных животных, обычно коровы (№ 7, 9, 10). Нижнее погребение подбоя могилы № 18 дало четыре золотые тонколистные индикации круглой формы, на одной из которых хорошо сохранилось изображение лучистого круга. В семи могилах, включая подбойные № 5 и № 18, при двенадцати погребениях найдено шестнадцать монет: херсонесских—десять, времени элветрии (пол. II—пол. III вв.) или близкого к нему—одна монета (I в. до н. э.—II в. н. э.), затем боспорские (II в.) и римская (второй пол. IV века). В насыпи некрополя—две херсонесские: 1) I в. до н. э.—II в. н. э. 2) I в. н. э. и одна татарская.

Весьма важен результат раскопок для установления этнического состава погребенных. В подбойной могиле № 5 обнаружены погребения с деформированными черепами, в могиле № 19 найден лепной горшочек, нижнее погребение могилы № 7 и погребения могилы № 9 и № 10— все с костями жертвенных животных. В большинстве из них (не подвергшихся разрушению) отмечено наличие древесных угольков. Дата этих погребений, по данным инвентаря, не выходит из превалирующей даты погребений в могилах некрополя (II—III вв.). Все эти погребения составляют выразительное туземное меньшинство некрополя, придавая ему смешанный греко-туземный характер, который значительно усиливается погребениями в склепах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В общем, расследованный в 1937 г. участок Херсонесского некрополя находит ближайшие аналогии в материалах раскопок прошлых лет как по характеру погребальных памятников, так и по их содержанию и датировке. В частности, материалы данного участка представляют следующее своеобразие и новизну:

1. Конструкция склепа № 4.
2. Фиксация закладной плиты подбоя в могиле № 18¹.
3. Не отмечавшиеся прежними исследователями, но несомненно имевшие место и в раскопанных ими погребениях особенности погребального обряда: а) Освящение могил и покойников огнем (углем), в частности, положение углей в сосуды и замещение их кусками лигнита. б) Захоронение покойников в вырубных могилах в деревянных гробах (гвозди?)². в) Нахождение костей животных при погребениях, повидимому, принадлежащих туземному населению.
4. В инвентаре погребений, в общем обычном, выделяются: а) Неизданная монета херсонесская, конца I в. до н. э.—нач. II в. н. э.³ б) Лигнитовый наборный браслет хорошей сохранности из могилы № 18. в) Лепной горшочек из могилы № 19. г) Густо рифленый горшочек с волнистым орнаментом и крестоцветным клеймом. Находится в Херсонесе. По ряду признаков, материалу, технике (гончарный круг), общей форме и основному орнаменту горшочек может

¹ Ср. заклады в Ольвийских подбойных могилах. ИАК, в. 13, СПб—1906. стр. 111.

² „В открытых в настоящее время в Херсонесе гробницах (могилах. А. Т.) совершенно отсутствовали хотя бы малейшие остатки гробов, что заставляло думать, что погребения в гробницах производились без гробов“. К. К. Косцюшко-Валюжинич. „Некрополь „крестовидного“ храма в Херсонесе“. ИТУАК, № 47, Симферополь 1912, стр. 125.

³ Определение Л. Н. Беловой-Кудь. См. приложение, монета № 16.

быть сближен с херсонесской керамикой конца античности—начала средневековья и, так сказать, суммарно, по составным элементам, может быть признан типично херсонесским. Однако, по некоторым деталям формы (венчик, отсутствие ручки), весьма грубой технике, по наличию и характеру клейма он уводит, с одной стороны, к сармато-алацским керамическим комплексам¹, с другой—к славяно-русским клейменым горшкам поздне-языческого времени². Подойное погребение склепа № 4, к которому относится этот сосуд, заслуживает самого пристального внимания.

5. Наконец, значительный интерес представляют ранние погребения с деформированными черепами из подбоев могилы № 5 и, возможно, погребение задней лежанки склепа № 3, которые датируются эпохой пол. II—пол. III вв.

¹ Археологические исследования в РСФСР 1934—36 гг. М—Л, 1941, стр. 240—241, таб. XXXIX, рис. 3, 5 (Моздок). М. В. Покровский, Пашковский могильник № 1, Сов. Арх., № 1 М—Л, 1936 г., стр. 165.

² В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. МАР, № 28, Вып. 1, Спб. 1907, стр. 101—114, В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губ. 1901 г. Труды XII Арх. съезда, т. I, Харьков, 1902, стр. 212; ОАК, 1894 г., Спб., 1896, стр. 19—20, рис. 15,

Л. Н. БЕЛОВА

О П И С А Н И Е

МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА В 1937 году¹

№№ пп	Описание монеты	Количество	Место и время находки	Примечание
1	Лицевая сторона. Бюст вправо, на голове венки, впереди лира. Надпись стерта. Оборотная сторона. Дева в рост в башенной короне, пускающая стрелу вправо. Впереди надпись—ΕΛΕΥ. Слева олень. Все в точечном кругу. Сохранность хорошая. Диаметр—2,3 см. Пол. II—пол. III вв. н. э.	1	Могила № 1, под черепом. 27. I	Бурачков, таб. XVI, 101
2	Л. ст. надпись ХΕΡΣΟΝΕΣΟΣ. Дева, поражающая лань, влево. Об. ст. Бык, бодающий влево. Сохранность средняя. Диаметр—2,1 см. Пол. II—пол. III в. н. э.	1	Могила № 1, 27. I	
3	Л. ст. Голова мужская вправо, впереди змея. Сзади сокращенное название города ΧΕΡ. Под обрезом шеи год ΟΙΛ (76). В точечном кругу. Об. ст. Крылатая Ника с венком идет влево. Впереди—монограмма ΙΛ. Сохранность хорошая. Диаметр—1,6 см. 51—52 год н. э.	1	В насыпи, между могилами № 1 и № 2. 28. I	Орешников стр. 60, таб. II, 37. Инв. № 6203
4	Л. ст. ΙΜΡΑΥΡΕΛΙΑΝΥΣΑΥΓ. Бюст императора	1	Склеп № 3, на полу 5. III	

¹ Монеты бронзовые, за исключением № 24—татарской серебряной.

№№ пп	Описание монеты	Количе- ство	Место и время находки	Примечание
5	Аврелиана в лучистой короне, вправо. Об. ст. RESTITVTOR EXERCITI. Юпитер подает сферу императору. В обресе XXI. Сохранность хорошая. Дdiam. 2,1 см.	1	Там же. 5. III	
6	Л. ст. IMPAVRELIANV-SAVG. Имп. Аврелиан в лучистой короне, вправо. Об. ст. CONCORDIA AVG. Богиня согласия, сидящая влево. Сохранность хорошая Дm. 2,4 см.	1	Склеп № 3, на полу. 9. III	
7	Об. ст. IOVI CONSERVATORI. Юпитер подает сферу имп-ру. Сохранность хорошая. Дm. 2,0 см.	1	Там же. 9. III	
8	Л. ст. SEVERINA AVG. Бюст имп-цы Северины в диадеме, вправо. Об. ст. CONCOR[DIAM]-SITVM. Испорчена окисью. Под чертой—XXIO. Обломана. Сохран. средняя. Диаметр 2,3 см.	1'	Там же. 10. III	
9	Л. ст. Испорчена окисью (голова римского императора вправо). Об. ст. Марс (?) влево, вокруг неясная надпись. Сохранность плохая, края обломаны. Дm. 1,9 см. Римская III в.	1	Склеп № 3, на полу. 10. III	Бертье-Делагард, стр. 21, № 9
10	Л. ст. [EΛEYΘE] PAC. Бюст в венке, вправо, впереди лира. Об. ст. XEPCON[HC0V]. Дева в башенной короне пускает стрелу, вправо. Сохранность средняя. Дm. 2,2 см. Пол. II—пол. III в. н. э.	1	Там же. 11. III	Бертье-Делагард, стр. 11, № 5

№№ п/п	Описание монет	Количе- ство	Место и время находки	Примечание
	и сокращенное название го- рода—ХЕР. Об. ст. ЕΛΕΥ—ΘΕΡΑΣ. Дева, пускающая стрелу вправо, слева лань. Сохранность средняя. Дм. 2,2 см. Пол. II в. н. э.			
11	Л. ст. [ХЕР]—СО—NH— CC[ΟΥ] Дева, поражающая лань влево. Об. ст. [ΕΛΕΥ—ΘΕ—ΡΑΣ Бык, бодающий влево. Сохр. хорошая. Пол. II—пол. III в. н.э.	1	Могила № 5, 15. II	
12	Л. ст. Испорчена окисью и стерта. Бюст римского императора вправо. Об. ст. Богиня с рогом изобилия в левой руке. Стер- та и испорчена окисью. Сохр. плохая. Дм. 2,5 см. Римск. II—III в.	1	Могила № 6, 15. II	
13	Л. ст. Дева, поражающая лань влево, внизу сокращен- ное название города ХЕР. Об. ст. Бодающий бык вле- во, под чертой ΕΛΕΥΘΕΡ [ΑΣ].. Сохранность хорошая. Д. 2 см. Пол. II—пол. III вв. н. э.	1	Могила № 12, 22. II	Бурачков, тб. XVI № 102, Бертье-Де- лагард № 3.
14	Л. ст. Испорчена окисью. Голова римского императо- ра вправо. Об. ст. Крылатая Викто- рия, идущая вправо. Сохр. плохая. Дм. 2,8 см. I—II в. н. э. Римская.	1	Там же, 5. III	
15	Л. ст. [ХΕΡСΟΝΗCΟΥ] Дева, поражающая лань влево. Об. ст. ΕΛΕΥ—ΘΕΡΑΣ. Бык, бодающий влево. Пол. II—пол. III в. н. э. Сохран- ность средняя. Дм. 2,2 см.	1	Могила № 13, Верхнее погребение. 26. II	
16	Л. ст. Мужская голова в венке влево, впереди ветка. Все в точечном кругу.	1	Там же, ниж- нее погребение. 28. II	Не издапа Инв. № 6217.

№№ пп	Описание монеты	Количе- ство	Место и время находки	Примечание
	<p>Об. ст. Дева в башенной короне вправо. Правой рукой она пускает стрелу, в левой—опущенной—держит ключ. Слева сокращенное название города ХЕили ХЕР. Сохранность хорошая. Дм. 1,9 см. Кон. I в. до н. э.—полов. II в. н. э.</p>			
17	<p>Л. ст. Голова мужская вправо, впереди змея. Сзади сокращенное название города ХЕР. Под обрезом шеи год ОΛ (76) в точечном кругу.</p> <p>Об. ст. Крылатая Ника с венком идет влево. Впереди монограмма ΙΑ. Сохран. плохая. Дм. 1,7 см.</p>	1	Могилы № 14, 2, III	Бурачков, тб. XVI, 89—90.
18	<p>Л. ст. Дева, поражающая лань влево.</p> <p>Об. ст. Бодающий бык влево. Вверху сокращенное название города ХЕР. Сохранность плохая. Пол. III в. н. э. Дм. 1,5 см.</p>	1	Могилы № 14, 2. III	Бурачков, тб. XVI, 103—104.
19	<p>Л. ст. Бюст боспорского царя вправо. Надпись стерта.</p> <p>Об. ст. Венок, в нем МН. Стерта. Сохранность плохая. Дм. 2,3 см. Боспорская, II век нашей эры.</p>	1	Там же, 2. III.	W. Wroth Catal. of grek coins, pl. XIII—XIV.
20	<p>Л. ст. Голова мужская в венке, вправо.</p> <p>Об. ст. Стерта (Ника с венком влево, впереди клеймо в виде 6-тилепестковой розетки). Сохранность плохая. Дм. 1,5 см. Поздне-римская? III—IV вв.?</p>	1	Могилы № 18, верхнее погребение. 15. III.	
21	<p>Л. ст. Бюст в венке вправо, впереди лира. Надпись стерта.</p> <p>Об. ст. Дева, пускающая стрелу вправо, у ног ее лань.</p>	1	Там же, дно. 16. III.	Бертье-Деллагард, № 9.

№№ пп	Описание монеты	количе- ство	Место и время находки	Примечание
22	<p>Надпись стерта, сохранность плохая. Дм. 2,1 см. Пол. II.—пол. III вв. н. э.</p> <p>Л. ст. Бюст в венке вправо, впереди лира и надпись. Об. ст. Дева в башенной короне, пускающая стрелу вправо. Впереди ΕΛΕΥ Слева олень. В точечном кругу. Сохранность хорошая. Дм. 2,3 см.</p>	1	Могилы № 18, подбой. 17. III.	Бурачков, тб. XVI, 101.
23	<p>Л. ст. Дева, поражающая лань, влево. Об. ст. Бодающий бык влево, вокруг [ΕΛ]Ε.ΥΘΕΡΑΣ. Сохранность средняя. Дм. 2,1 см. Пол. II—пол. III вв. н. э.</p>	1	Могилы № 18, подбой, на дне. 17. III.	
24	<p>Монета серебряная. Л. ст. и об. ст. имеют надпись. Восточная. Сохранность хорошая. Д. 2,0 см.</p>	1	В насыпи, при скале. 22. II.	

С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

РАСКОПКИ 1939 ГОДА У КАРАНТИНА ВБЛИЗИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В первых числах марта 1939 года у Карантина в обрезах и подошве траншей, вырытой в связи с производившимся там строительством, было обнаружено наличие культурных слоев, вырубы в скале, одна могила и человеческие кости в выбросе. Дирекция Государственного Херсонесского музея поручила автору этого отчета детально обследовать указанный участок, организовать исследование обнаруженных памятников и осуществить необходимые мероприятия по их охране. Сначала были предприняты небольшие раскопки разведочного характера для выяснения назначения вырубов в скале и времени погребений. Раскопки велись под руководством автора отчета, при активном участии старшего научного сотрудника музея А. К. Тахтаем и экскурсовода С. А. Граповского, которым были выполнены обмеры памятников. Фотографировал С. Ф. Кузиков—фотограф музея.

Работы велись в километре к юго-востоку от Херсонеса, на возвышенности, ограниченной с севера вершиной Карантинной бухты, с юга—шоссе из города в Стрелецкую бухту, с запада—Карантинной балкой и с востока—крайним домом Загородного проспекта Карантинной слободки Севастополя. Исследование велось в трех направлениях: 1) раскопки двух хозяйственных сооружений—кладовых эллинистической эпохи; 2) раскопки некрополя; 3) обследование всего участка. Кроме этого, А. К. Тахтаем осуществлена самостоятельная разведка древнего водопровода у слободки Вакулипчака (бывш. Туровки)¹.

РАСКОПКИ КЛАДОВЫХ

Раскоп № 1. (Рис. 1, план и разрез). Раскоп находится в западной части обследованного участка. Поверхность относительно ровная, с выходами материковой скалы сарматского известняка, с легким уклоном к западу и к северу, в сторону Карантинной балки. Траншеей обнаружены противоположные края выруб в расстоянии 6,75 метра друг от друга вдоль траншей. По обоим обрезам, вдоль всей траншеи, четко прослеживаются два слоя: верхний—почвенный, от 0,05 до 0,30 м, и нижний—культурный, с большим количеством каменной разной величины, обломков сосудов и черепицы. Наслоению удалены в два приема: сначала отдельно почвенный слой и затем уже—культурный слой, заполнявший выруб в скале. В итоге обнаружена кладовая полуподвального типа, вырубленная в скале, в плане прямоугольной формы со слегка округленными углами. Длина помещения—6,10 м, ширина—до 4,50 м, наибольшая глубина выруб—

¹ Отчет о разведке см. ниже.

0,85 м, причем по южной стороне—0,10—0,30 м, по северной—в среднем 0,70 м. В подошве кладовой вырублены две цистерны, девять углублений для установки амфор, одно для пифоса и одно, позднее, вырубленное после уничтожения сооружения—начатый и незаконченный дромос. Амфоры были расставлены тремя параллельными рядами: четыре вдоль южной стороны кладовой (в этом же ряду, у западной стены, стоял пифос), три амфоры стояли вдоль северной стороны и две посредине (рис. 2).

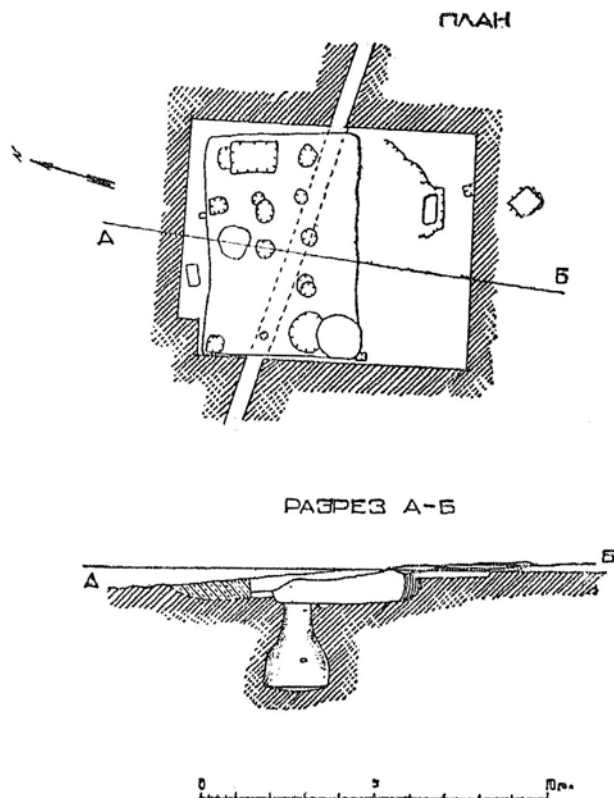

Рис. 1. План и разрез кладового помещения № 1.

Цистерна № 1, вырубленная у середины северной стороны, была перекрыта большой четырехугольной плитой (рис. 2). Отверстие—неправильной округлой формы. В разрезе цистерна имела грушевидную форму с почти плоским дном, слегка углубляющимся к центру (рис. 1). Работа тщательная. В стене вырублены три углубления с целью облегчить вылезание наружу. Отсутствие штукатурки на дне и стенках не позволяет предполагать, что цистерна могла служить для хранения воды. Расположение ее в подвале (кладовой) заставляет думать, что она служила для хранения зерна или подобных ему продуктов. Глубина по центру—2,50 м. Верхний диаметр по отверстию до

1,00 м, по дну—1,80 м. На дне лежал культурный слой (такой же, как и в кладовой) толщиной до 0,50 м. В остальной своей части, на высоту 2,00 м цистерна была пустой. Органических остатков как на стенках, так и на дне не обнаружено.

Рис. 2. Общий вид кладовой № 1. Устья двух цистерн и вырубь для установки амфор и пифосов.

Цистерна № 2, в противоположность цистерне № 1, была до самого верха заполнена землей, камнями, обломками сосудов эллинистической поры. Находилась в юго-западном углу кладовой. В плане — круглой формы с расширяющимися книзу стенами. Дно плоское. Глубина по центру—2,10 м. Диаметр отверстия—1,25. Диаметр у дна—до 2,00 м. Работа менее тщательная, чем цистерны № 1. Судя по срубленному краю углубления под пифос, сделана несколько позже его и углублений под амфоры, а также цистерны № 1. Однако, пользование ею как и цистерной № 1 и всем помещением закончилось, примерно, в одно время, судя по тому, что один из обломков амфоры синопского происхождения из цистерны № 2 склеился с подобным же обломком из цистерны № 1. Весьма вероятно, что две небольшие прямоугольные вырубки в южной стороне кладовой, находящиеся по сторонам цистерны, могли служить для укрепления крышки. Так же как и в первой цистерне, на стенках и на дне не было обнаружено ни штукатурки, ни органических остатков. Относительно характера использования сохраняют силу те же предположительные выводы, что и для первой.

Выруб „б“. Кроме вырубов явно хозяйственного назначения, в подошве кладовой в северо-восточном ее углу находился прямоугольный выруб длиной 1,30 м, шириной до 0,85 м, глубиной до 0,50 м. И по характеру вырубки, и благодаря тому, что северная его сторона почти наполовину уничтожила углубление для установки

амфоры можно считать несомненно его более поздним сооружением. Большое сходство с дромосами близлежащего некрополя у загородного крестообразного храма и неоднократно засвидетельствованные раскопками некрополя случаи недоконченных и брошенных в таком виде могил и дромосов позволяют высказать предположение, что в данном случае мы имеем подобный незаконченный дромос. К сожалению, найденные в нем обломки сосудов настолько нехарактерны, что не позволяют сделать хотя бы приблизительную датировку выруба.

На этом разведывательные раскопки были закончены, если не считать расчищенной небольшой площадки к югу от кладовой, шириной 3,20 м, покрытой тонким слоем почвы, а местами — только дерновым слоем. Никаких стен по краям выруба со всех четырех сторон не было обнаружено. Тонкий культурный слой и близость скалы позволяли во все последующие эпохи после гибели сооружения беспрепятственно пользоваться остатками строительного материала, который и был целиком разобран.

НАХОДКИ. Материал, найденный в раскопе № 1, соответственно слою и отчетливо ограниченными элементами сооружения распределяется на пять групп.

1. **Почвенный, и амывной слой** дал небольшое количество находок смешанного характера, принадлежащих различным эпохам, в основном, обломки керамической посуды. Среди находок: 3 свинцовые штуцерные пули и 2 осколка бомб времени обороны Севастополя 1854—55 гг., 5 обломков амфорных ручек, вероятно всего, средневекового времени, дно остроконечной амфоры первых веков нашей эры, обломок дна сосуда неопределенного времени и 2 обломка закраин лутериев эллинистического времени. Кроме этого здесь же собрано 67 обломков стенок сосудов, весьма нехарактерных и по форме, и технике, и хронологическим признакам, а поэтому оставленных на месте раскопок.

2. **Культурный слой в кладовой.** В эту группу вошли находки, найденные на всей площади кладовой, за исключением находок из обеих цистерн и выруба в северо-восточном углу. Материал совершенно однороден, относится к эллинистическому времени (III—II вв. до н. э.) и распределяется на три группы: а) сосуды хозяйственного назначения — подавляющее количество находок; б) обиходные сосуды — очень небольшое количество; в) обломки соленов. Среди сосудов хозяйственного назначения — обломки амфор и лутериев; закраины горл амфор, донышки, ручки, две ручки с плохом выполненными клеймами, возможно, херсонесских астиномов и обломков горла с частью клейменной ручки (рис. 3), (сохранился только край клейма); большой фрагмент лутерия в двух обломках, фрагмент второго лутерия со сливом также в двух обломках, и обломки доньев. К обиходной посуде относятся закраины сосудов, в том числе закраины небольшого сосуда с плоской ручкой, 4 обломка тонкостенных сосудов, 6 обломков чернолаковых сосудов и одно дно т. н. рыбного блюда, очень грубой работы. На всей площади кладовой найдено 73 мелкобитых обломка соленов, в подавляющем большинстве херсонесского производства, и несколько, несомненно, синопского.

3. **Цистерна № 1** по форме, технике и времени материалов аналогична предшествующей группе. Хорошо представлены в обломках: амфоры, пифосы и лутерии различных форм, размеров и произ-

подставных центров (рис. 3), кухонная посуда, тонкостенная, простая, среди которой интересна нижняя половина небольшой амфоры, украшенной по корпусу спиралевидно обвивающей ее полоской, выполненной красной краской (рис. 3). Характерно почти полное отсутствие чернолаковой посуды. Здесь же обнаружено небольшое количество обломков соленов херсонесского и синопского производства.

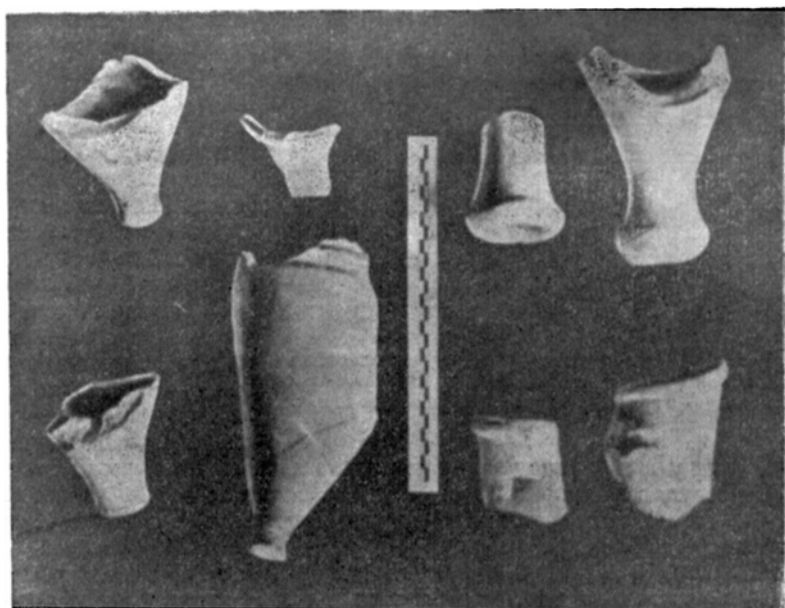

Рис. 3. Обломки амфор из кладовой № 1. Левая группа синопского, правая—херсонесского производства, II в. до н. э.

4. Цистерна № 2 совершенно аналогична по материалу цистерне № 1. Аналогия эта еще больше подчеркивается обнаружением обломков одних и тех же сосудов в обеих цистернах. Среди обломков сосудов цистерны № 2 интересен обломок стенки краснофигурного кратера IV в. до н. э. (рис. 4). На обломке сохранилось изображение женской головы (амазонки) и головы грифона, выполненное белой краской. Судя по сюжету и технике выполнения, обломок кратера относится к многочисленной группе подобных сосудов первой половины IV в. до н. э.¹

Все сосуды кладовой, за исключением вышеописанного краснофигурного обломка кратера, по технике и форме не выходят за рамки эллинистической эпохи, точнее III—II веков до н. э. и находят полную аналогию в материале эллинистического слоя Херсонеса.²

¹ W. Wrede, А. М. кн. 49, 1924, стр. 212—215, рис. 15. Здесь же указаны многочисленные аналогии в различных музеях и литература.

² Г. Д. Белов.—Раскопки Херсонеса в 1934 г. Симферополь, 1936 г., стр. 12, рис. 6, стр. 14, рис. 7 и 8; Г. Д. Белов.—Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. Симферополь, 1938 г., стр. 13, рис. 7; 21, рис. 13; 22, рис. 14; 223, рис. 63; 225, рис. 65 238, рис. 84; 244, рис. 85а; 247, рис. 90,

Рис. 4. Обломок краснофигурного кратера из цистерны № 2 кладовой № 1 с изображением амазонки и грифона. Первая половина IV в. до н. э.

Таким образом мы, несомненно, имеем кладовую полуподвальныйю типа, вырубленную наполовину в скале и составляющую одно из помещений сооружения. За первое говорит полуподвальный характер сооружения, углубления для установки амфор и пифоса, обе цистерны, большое количество грубой хозяйственной посуды и небольшое количество дорогой, чернолаковой. За второе — ряд вырубков в скале вокруг этого помещения — несомненные следы постройки, — а также аналогия с кладовым помещением 2-го раскопа.

5. Выруб „б“. Как уже говорилось выше, немногочисленные обломки сосудов засыпи выруба столь незначительны по своей величине и столь нехарактерны, что не позволяют определить даже приблизительно их датировку.

Раскоп 2-й (рис. 5, план и два разреза). Раскоп расположен на расстоянии 91 м от раскопа № 1, к востоку, вдоль траншеи. Поверхность имел ровную, с небольшим уклоном к северу, в сторону Карантинной бухты. Почвенный слой сохранился хорошо. Северная сторона и СЗ угол выруба в скале выходят на поверхность. По обрезах траншеи строительства прекрасно устанавливается стратиграфия слоев; верхний — почвенный — до 0,20 м толщиной и нижний — культурный слой — 0,70—0,80 м. Последний резко отличается от соответствующего ему в первом раскопе и состоит из чистой земли желтого цвета без камней и видимых культурных остатков. На восточном обрезе выруба траншеей разорвана стена, толщиной 0,70 м, сложенная по краю выруба. Наслоения удалены в четыре приема; почвенный слой — раздельно с одной и другой стороны траншеи и культурный слой — тем же порядком, причем, ввиду значительной толщины, он был снят тремя штихами. В итоге обнаружена кладовая полуподвального типа, вырубленная в скале, в плане четырехугольной формы. Длина помещения — 8,40 м, ширина — до 3,55 м, наибольшая глубина — до 0,90 м. В подошве помещения вырублено несколько углублений (рис. 5). Одно — Г-образной формы вдоль юго-западного угла кладовой, два, тщательно сделанные, — в середине помещения для установки пифосов, одно — прямоугольной формы в северо-западном углу, одно небольшое — под северной стеной и два полукруглых — под восточной. Вдоль восточного и южного края выруба сохранились остатки стен в 1—2 ряда камней. Восточная стена с южной стороны раскопа, уходящая за его границу, была разорвана траншеей строительства. Толщина восточной стены — 0,70,

южной—поперечной—0,50 м. Стены сложены из неотесанного камня разной величины. Вход в помещение, судя по площадке и ступенькам, находился в юго-западном углу. Трудно сказать, что слу-

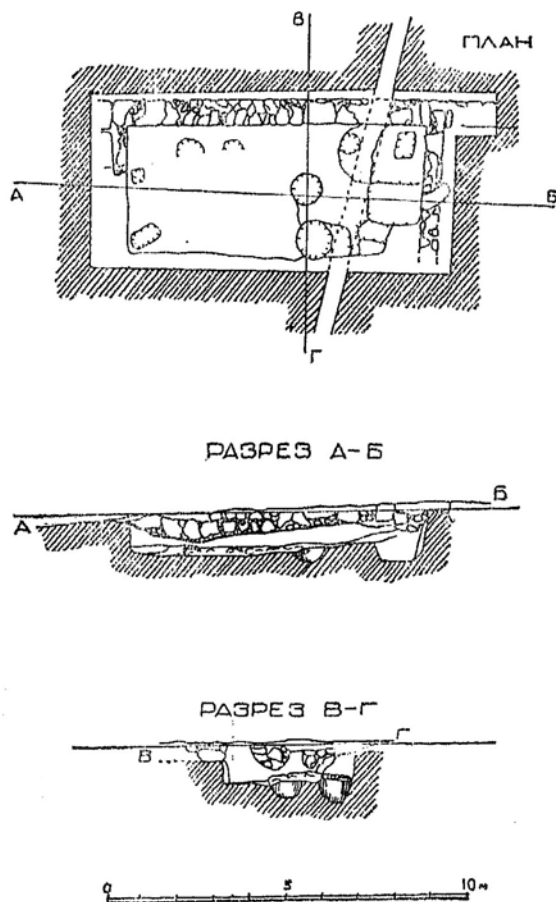

Рис. 5. План и разрезы кладового помещения № 2.

жило входом—люк сверху или дверь в западной стене. Технически грамотнее и вероятнее первый вариант.

НАХОДКИ. Материал соответственно слоям распределен на две группы:

1. Почвенный слой. Дал небольшое количество мелких обломков сосудов, весьма не характерных и не позволяющих высказать более или менее твердой датировки. Здесь же были найдены штукатурная пуля и осколок бомбы эпохи первой обороны Севастополя 1854—55 гг.

2. Культурный слой. Прежде всего обращает на себя внимание структура слоя, необычная для Херсонеса и вообще для культурных слоев городищ горного Крыма. Слой, целиком заполняющий выруб в скале, исключительно чистый. Земля—желтого цвета, однообразной мелкозернистой структуры, без особого труда поддается лопате без предварительного разрыхления киркой. На значительной площади раскопанной кладовой найдено всего 9 камней и сравнительно небольшое количество других находок. Напрашивается вывод, что этот слой образовался путем постепенного заполнения выруба натечной землей. Вследствие этого к датировке раскопанного помещения необходимо подходить очень осторожно. Однако, обнаруженные находки совершенно аналогичны материалу из кладовой раскопа 1, датируются эллинистическим временем (IV—II вв.) и распадаются на те же группы: а) сосуды хозяйственного назначения; б) обиходные сосуды как простые, так и чернолаковые; в) солены. К этому нужно прибавить три монеты, один наконечник стрелы, грузило, четыре обломка кремня и одну створку устрицы.

а) Сосуды хозяйственного назначения представлены обломком венчика амфоры и ручками, на одной из которых херсонесское (?) клеймо.

б) Обиходные сосуды представлены 3 ручками, 11 закраинами, 2 обломками „кухонных“ сосудов, обломком стенки сосуда, украшенным параллельными горизонтальными полосками, сделанными красной краской, и 8 обломками чернолаковой посуды. На одном (дно чаши) графити ВА, другой обломок солонки—„буролаковый“.

в) Соленов найдено свыше 110 обломков, из них подавляющая масса херсонесского производства, остальные—синопского¹.

Монеты²: 1) Обломок медной монеты. Лицевая сторона—квадрига с возницей вправо. Обратная сторона—воин, присевший со щитом влево (пол. IV в. до н. э. херсонесская) (Бур. XV, 68). Дл. 0,017 м, инв. № 6711. 2) Медная монета. Лицевая сторона—грифон, летящий влево. Обратная сторона—ГА. Дева, присевшая с луком и стрелой вправо. Внизу—сокращенное название города ХЕР, IV—III вв. до н. э. (Бур. XIV, 31) дл. 0,023 м, инв. № 6710. 3) Медная монета. Лицевая сторона—Дева, поражающая лань влево (внизу—сокращенное название города ХЕР). Обратная сторона—бодящийся бык, влево, на палице. Имя стерто. Край слегка обломан. III в. до н. э., инв. № 6709.

Помимо этого найдены: трехгранный бронзовый наконечник стрелы, обломок рыболовного грузила, четыре кремневых осколка.

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ

Раскоп 3-й. Раскоп заложен на расстоянии 32 метров к востоку, вдоль траншеи от раскопа 2-го. Поверхность ровная, с легким уклоном к северу, в сторону Карантинной бухты. На подошве траншеи, под южным обрезом обнаружился выруб в скале, перекрытый плитами. Это обстоятельство определило разведки на этом участке. Длина раскопа—5,50 м с запада на восток и 4,00 м с севера на юг. Раскопками исследовано шесть погребений, в том числе и обнаруженное строительством (№ 3).

¹ Аналогии у Г. Д. Белова—указанные отчеты, рисунки те же.

² Очищены и определены Л. Н. Беловой-Кудь.

Погребение № 1. Погребение обнаружено на значительной высоте над погребением № 3, на глубине 0,40 м от поверхности. Могила была обложена камнями, сохранившимися в ногах костяка. От верхнего края камней обкладки до поверхности земли— всего 0,20 м. Покрытие отсутствовало. Погребение впущено в культурный слой. Костяк плохой сохранности лежал на спине головой на восток, в вытянутом положении. Кости сильно истлели и в значительной степени уничтожены. Последнее, по видимому, произошло вследствие неглубокого залегания от поверхности земли и от расхищения каменной обкладки могилы. Каменная обкладка южной стороны могилы находила на перекрывающие плиты погребения № 2. Вещей не обнаружено.

Погребение № 2. По удалении погребения № 1 были сняты покрывающие плиты погребения № 2, в виде больших плоских камней, плохо отесанных. Щели между ними были заложены мелким камнем. Под плитами находилась могила длиной 2,17 м; ширина у головы— 0,45 м, в ногах— 0,25; глубина— до 0,40 м. Южная сторона могилы вырублена в скале, резко поднимающейся к поверхности земли, северная— выложена из камней, поставленных на ребро. Могила была до краев заполнена мелкой и рыхлой землей желтого цвета. Костяк хорошей сохранности лежал на спине головой на восток. Ноги вытянуты, руки сложены накрест на груди. Череп наклонился к левому плечу. Правая ключица— у правого бедра. Кости сильно истлели. Вещей не обнаружено. В засыпи было найдено несколько очень мелких обломков красноглиняных и краснолаковых сосудов и ручки чернолакового канфара. Учитывая опыт раскопок некрополя Херсонеса в предшествующие годы, когда из-за отсутствия вещей в могилах и небрежного отношения к находкам в перекрывающих и подстилающих погребения слоях невозможно было даже приблизительно датировать погребения, мы собрали все обломки сосудов из перекрывающего слоя. Найденные обломки амфор, закраина лутерия, обломок „солонки“ и горла лекифа позволяют говорить о дате не позже II в. до н. э.

Погребение № 3. Могила обнаружена при рытье траншеи строительства в одном ряду с погребением № 2, к северу от него. Вырублена в скале на глубину 0,75—0,80 м от поверхности земли и покрыта необработанными плитами сарматского известняка крупных размеров, толщиной 0,15—0,20 м. Щели между плитами были заложены мелким камнем. С восточной стороны у изголовья сохранилась часть надмогильного сооружения из крупных камней в два ряда. Могила четырехугольной формы, длиной 2,20 м; ширина в ногах— 0,50 м, у головы— 0,55 м; глубина— 0,60—0,70 м. Засыпь— земля такая же, как и в погребении № 2. Костяк хорошей сохранности лежал на спине, головой на восток, в вытянутом положении. Длина костяка— 1,85 м. Фаланги пальцев левой руки находились на тазу. Среди них обнаружен железный перстень с большим железным щитком без вставки (возможно, печать). Между бедряными костями, ближе к правой ноге был найден железный нож. У левого колена, между ногой и вырубом могилы — глиняный амфориск, горлышком к ногам. Кости сильно истлевшие. На основании найденных предметов погребение скорее всего может быть датировано поздне-классическим или ранне-эллинистическим временем. Железный нож и перстень мало характерны, тем более важен амфориск, найденный при погребении (рис. 6). Амфориск, высотой 0,135 м,

снаружи облицован белой глиной с зеленоватым оттенком. Украшен ленточным орнаментом, спиралевидно обвивающим сосуд на горлышке и по плечу в пять витков и по тулову — в три. Орнамент выполнен красной краской. И по технике, и, главное, по чистоте формы, он не может быть отнесен к подобным сосудам позднего эллинизма, принимающим удлиненную форму горла, тулова и ножки. В Херсонесе, на северном берегу¹, имеются многочисленные аналогии подобных сосудов в обломках из наскального слоя некрополя IV в.

Рис. 6. Амфориск из погребения № 3, IV—III вв. до н. э.

Погребение № 4. Через все погребение, в длину, строительством проложена траншея. Погребение имеет могильный выруб, глубиной 0,30 м, лишь в ногах. К голове скала немного приподымается. Костяк был расположен на скале, на глубине 0,10 м от дна траншеи, в вытянутом положении, на спине, головой на восток. Длина от ног до плечей — 1,50 м. Костяк потревожен работами строительства. Череп отсутствует. Кости плохой сохранности. Вещей не обнаружено.

Погребение № 5. На глубине 0,55 м от поверхности земли, в одном ряду с погребением № 4, с южной стороны его. Костяк на скале, на глубине 0,80—0,85 м от поверхности земли. На спине в вытянутом положении, головой на восток. Длина — 1,55 м. Был обложен крупными камнями, а сверху завален камнями с землей. Скала под костяком к голове поднимается. Костяк хорошей сохранности. Кости сильно истлели. Вещей не обнаружено. В ногах погребения, на камнях, покрывающих костяк, обнаружено значительное

зольное гнездо с обгорелыми, мелко битыми фрагментами трех или четырех сосудов. Это, повидному, следы погребального обряда.

Из слоя над погребениями № 4 и № 5 взят следующий материал: донья амфор, закраины и ручки, из которых одна с клеймом (?), закраины лутериев, обломки соленов, из них один каменный; обломок так называемого рыбного блюда, рыболовные грузила и обломок известнякового эллинистического надгробия. Все находки, включая и обломки из зольного гнезда, датируются временем не позже II в. до н. э.

Погребение № 6 (рис. 7). Находится в одном ряду с погребениями №№ 1, 2, 3. На глубине 0,60 м обнаружено надмогильное четырехугольное сооружение из небольших, нетесанных камней.

¹ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг., Симферополь, 1938, стр. 234, рис. 74, стр. 247, рис. 90.

Длина сооружения 2,30 м, ширина 1—1,10 м. Западная сторона полностью разрушена. Возможно, что здесь находилась надгробная стена. Внутри каменная обкладка надмогильного сооружения была заполнена плотно утрамбованной землей с мелкими камнями. После удаления этого заполнения обнаружены плиты, перекрывавшие могилу, вырубленную в скале (рис. 7). Могила совершенно аналогична погребению № 3. Плиты больших размеров, толщиной 0,08—0,15 м, сделаны из сарматского известняка. Щели были заложены мелкими камнями. Могила — четырехугольной формы, на глубине 1,00—1,5 м от поверхности земли. Длина — 1,75 м, ширина 0,50—0,55 м, глубина в ногах — 0,60 м, у головы — 0,50 м. Была заполнена мелкой землей. На скале на дне могилы, в вытянутом положении на спине лежал костяк хорошей сохранности, длиной 1,50 м, головой на восток, ногами вплотную к западному обрезу могилы. Кости сильно истлевшие. Вещей не обнаружено.

Рис. 7. Погребение № 6. Каменная обкладка могилы на поверхности и плиты перекрытия до удаления. Справа остатки аналогичной обкладки могилы № 3.

Таким образом, всего было обнаружено шесть погребений, относящихся к трем группам: 1) погребение № 1, несомненно, более позднее, судя по тому, что оно находилось над погребениями № 2 и № 3; 2) погребения № 2, № 4 и № 5 и 3) погребения № 3 и № 6. Последние две группы, вероятно, относятся к одному времени, несмотря на различный тип могил. За это говорит и обряд захоронения, и расположение погребения № 2 в одном ряду с погребениями № 3 и № 6. Все погребения были расположены двумя параллельными, правильными рядами, что позволяет предполагать продолжение их в обе стороны — к югу и северу. находка человеческих костей и дальше к востоку от раскопа, вдоль траншеи, несомненно свидетельствует о продолжении этого некрополя на значительное рас-

стояние. Различие в типе могил погребений № 2, № 4 и № 5, с одной стороны, и № 3, № 6, с другой, вероятнее всего свидетельствует не о разновременности их, а о различной степени состоятельности погребенных. Судя по обряду захоронения, все погребения относятся еще к античной поре Херсонеса, а амфориск из погребения № 3 дает возможность более твердо уточнить эту датировку IV—III вв. до н. э.

Весьма интересно расположение некрополя в отношении Херсонеса. Все предшествующие раскопки некрополя Херсонеса отчетливо устанавливают, что ранние его погребения примыкают непосредственно к городу. Это установлено раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича, Р. Х. Лопера и Г. Д. Белова. Одновременно, раскопки некрополя у загородного крестообразного храма (район наиболее удаленный от города) за редким исключением в основном обнаружили погребения либо средневековые, либо первых веков н. э. Указанные обстоятельства, а также несомненные следы небольшого поселения на обследованном нами участке, установленного как раскопками, так и внешним осмотром (см. ниже), твердо показывают, что мы имеем самостоятельный небольшой некрополь, поздне-классического и эллинистического времени, который перестал существовать вместе с гибелью самого поселения не позже II века до н. э.

ОБСЛЕДОВАНИЕ УЧАСТКА ВОКРУГ РАСКОПОК

Помимо раскопок, тщательному обследованию был подвергнут весь участок вокруг раскопок. Эта работа подтвердила результаты раскопок и выявила целый ряд древних сооружений.

№ 1. Виноградная давилня (?). На крайнем западе обследованного участка, на склоне Карантинной балки, непосредственно на западном конце пешеходной тропы, сокращающей путь от крайних домов Карантина к шоссе-мосту через Карантинную балку, был обнаружен интересный двойной выруб в скале в виде двух смежных четырехугольных углублений, разделенных тонкой перегородкой, выработанной в той же материковой скале. Южное углубление, расположенное выше по склону балки, большего размера; северное, смежное с ним—значительно меньше. По виду сооружение весьма напоминает давилни Гераклеийского полуострова, замеренные Скубетовым¹ и изданные Е. Г. Суоровым в его работе „К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом“². Это обстоятельство позволило нам усмотреть в сооружении именно одну из таких давилен.

№ 2. Сооружение неизвестного назначения. На противоположной, восточной стороне участка, непосредственно у крайнего дома Карантина, были обнаружены многочисленные остатки стен сооружения или сооружений неизвестного назначения. Вероятнее всего усматривать в них жилые и хозяйственные постройки поселка, аналогичные кладовым, раскопанным нами. Подъемный материал совершенно аналогичен находкам из раскопных кладовых.

№ 3. Сооружение неизвестного назначения. Находится за пределами обследованного участка, к востоку от него, между крайними домами Карантина и обрывом к Карантинной бухте,

¹ Архив ГХМ, дело № 250.

² Е. Г. Суоров, уч. раб. Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, т. XXVIII, кафедра истории древнего мира, вып. I, М., 1941, стр. 116—118.

у ее вершины. Возможно, что и эти остатки относятся к обнаруженному поселку, хотя не исключена возможность усматривать в них остатки развалин т. н. гераклейской башни.

Кроме того, юго-восточнее раскопа № 1, в выходах материковой скалы обнаружен угол еще одного вырубца, повидимому, аналогичного таковым в раскопах № 1 и № 2. В обрезах ям для установки столбов электросети вдоль шоссе не найдено никаких признаков культурных напластований. На северной стороне участка и вдоль обрыва к Карантинной бухте обнаружена древняя дорога в Херсонес. Профиль ее и обочина отчетливо просматриваются. Частично, в верхней своей части, эта дорога была использована в прошлом столетии, что установлено, с одной стороны, остатками вымостки дорожного полотна, а с другой — точными картами этого района, снятыми в конце прошлого столетия.

Несмотря на весьма скромную затрату времени и труда (30 человеко-дней) и исключительно плохие метеорологические условия работы, раскопки принесли интересные результаты, позволяющие сделать некоторые выводы:

1. Раскопки двух кладовых, многочисленные остатки различных сооружений, скученно расположенные на значительном участке, установление культурного слоя на протяжении всей траншеи на этом же участке, расположение обнаруженных сооружений у самой дороги в Херсонесе, непосредственное соседство одновременного некрополя — все это позволяет достаточно обоснованно утверждать наличие небольшого пригородного поселка Херсонеса.

2. Раскопки некрополя всех предшествующих лет, за редким исключением единичных погребений, констатируют отсутствие древнейших погребений на далеком расстоянии от города и, как правило, непосредственное соседство их со стенами города. Настоящий факт указывает на самостоятельность некрополя у Карантина. Отсутствие непосредственной связи с Херсонесом эллинистического времени в свою очередь подтверждает наш вывод о наличии пригородного поселения у Карантина, над вершиной Карантинной бухты.

3. Как поселение, так и некрополь, несомненно связанные между собой, относятся к эллинистическому времени. Находка монет половины IV в. до н. э. в кладовой, обломок краснофигурного кратера IV в. до н. э. в цистерне № 2 и ранняя форма амфориска погребения № 3 позволяют отнести эту датировку к середине, а возможно, и к началу IV в. до н. э. Конец существования поселка, а также, повидимому, и некрополя не позже II века до н. э.

4. Наличие значительного поселка, просуществовавшего до II в. до н. э. без оборонительных сооружений и на значительном расстоянии от городских стен, позволяет предполагать мирное сожительство Херсонеса с окружающим населением.

5. Учитывая очень скромные размеры наших раскопок, необходимо весьма осторожно подходить к датировке начала существования поселения и некрополя. Большие практические удобства и отсутствие цельного некрополя Херсонеса эллинистического времени, очевидно подчеркивают важность дальнейших раскопок на обследованном нами участке для изучения не только обнаруженного поселка, но и, не в меньшей степени, самого Херсонеса.

А. К. ТАХТАЙ

РАЗВЕДОЧНАЯ РАСКОПКА ДРЕВНЕГО ВОДОПРОВОДА
В ОКРЕСТНОСТЯХ СЛОБОДКИ ВАКУЛИНЧУКА

8 марта 1939 года мною была произведена разведочная раскопка древнего водопровода, перерезанного траншеей строительства, к югу от слободки Вакулинчука (бывш. Туровки, ориентир на школу), в полукилометре от нее. Обследование места находки дало следующие результаты.

Водопровод расположен на горе над Туровским участком Херсонесской балки, по левую сторону от нее (к западу от шоссе на „Омегу“). Траншея, шириной 0,50—0,60 м, глубиной 0,85—1,00 м, прорезала грунт до скалы в направлении ЮЗ—СВ, снижаясь по рельефу местности в этом направлении. Скала—сарматский известняк неровного выбоистого рельефа, местами выступает на поверхность. Почвенный покров—темнобурая глина, насыщенная крупной и мелкой щебенкой, мощностью на ближайших к раскопу участках около 0,40—1,00 м, с растительным слоем около 0,10—0,15 м. В стенках траншеи, на глубине 0,35—0,40 м профилируются обломанные обрезы гончарного лотка, перекрытого в СЗ стенке каменной плиткой; рядом с лотком—гончарные обломки другого типа, потоньше. Ось обрезов проходит наискосок к траншее—с юга на север. Длина разрушенной траншей части лотка—0,80—0,90 м. Выброшенные за борт траншеи гончарные обломки оказались двух типов: потолще—ровного и угловатого профиля и потоньше—выгнутые, с рифленой поверхностью.

Разведкой заложены и раскопаны частью до скалы два квадрата по обе стороны траншеи, вплотную к ней. Первый квадрат—к ЮВ от нее, площадью 1,5 кв. м с добавочным квадратом в южном углу 0,5 кв. м и второй квадрат—к СЗ, площадью 1 м × 0,70 м. Раскопки велись слоями: в 0,50 м (III), 0,10 м (IV), 0,15—0,20 м (V—толщина лотка), 0,35—0,40 м (VI—под лотком). В результате раскопок обнаружено продолжение лотка по обе стороны траншеи.

Вскрытый отрезок, общим протяжением (считая и траншейный) около 4 м, представляет собой массивный гончарный жолоб, выложенный из отдельных, суживающихся к одному концу, звеньев прямоугольного сечения с округленными углами, длиною каждое 0,58 м, глубиной (канала) 0,11—0,12 м, шириной в узком конце 0,08—0,09 м, в широком—0,125—0,14 м, при толщине стенок и дна—0,03 м. На площади раскопа обнаружено семь звеньев, два из которых частично разрушены траншеей, два частично уходят в несытую почву, а остальные три выявлены целиком и взяты в музей. Из взятых в музей—одно с частично выбитой в древности стенкой (см. рис. 1). Стенки и дно узкого конца каждого звена в целях удобства соединения утончены наружной „выборкой“ на 0,01 м. Звенья соединяются таким

образом, что широкий конец одного подкладывается под узкий (с утончением) другого. Это дает снижение каждого следующего по направлению водобега звена в месте стыка на 0,02 м. К тому же звенья уложены не горизонтально, а с небольшим уклоном по направлению тока воды, в среднем на 0,02 м каждое. Таким образом, водобег имеет падение с юга на север.

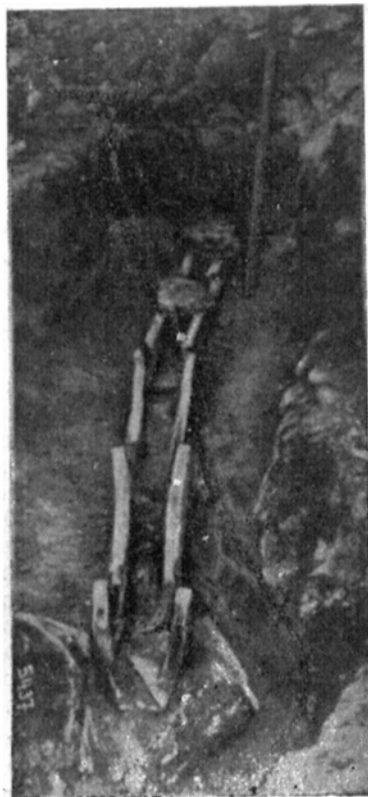

Рис. 1. „Лотковый“ водопровод раннесредневековой поры из гончарных жолобов с перекрытием из каменных плиток.

и подстилавшей раскопанный жолоб, с несомненностью удостоверяет водопроводную функцию последнего.

Отрезок аналогичного гончарного жолоба (без перекрытия) был обнаружен в 1902 г. в Херсонесе при раскопках акрополя (с западной стороны собора). К. К. Косцюшко-Валюжинич принял его за водосток: „пять гончарных труб от древнегреческой канализации, впервые встречаемой формы“, отметив, однако, „осадок от воды“ на них (свойственный водопроводным трубам) „вышиной 0,06 м“². В этом (ошибочном) определении сыграли роль: 1) аналогия „впервые встре-

Швы соединения звеньев изнутри залиты крепким известковым раствором. На стенках канала и особенно на дне имеются отложения известкового осадка, достигающие (на дне) до 0,01 м толщины с натеками до 0,025—0,03 м. Перекрыт жолоб плитками из бутового камня, следов скрепления которых со стенками жолоба и между собой не обнаружено¹. Стенки жолоба местами укреплены в почве камнями, жолоб уложен на насыпной (?) глине (с мелкой щебенкой) мелкокомковатой структуры с белесоватым налетом плесени, вероятный результат действия просачивавшейся в почву воды.

Характерной особенностью почвенной среды разведанного отрезка водопровода является наличие в ней, по всей ее толще, обломков гончарных водопроводных труб обычного в Херсонесе и на Гераклеийском полуострове типа с рифленой и отчасти гладкой поверхностью. Несколько таких обломков найдено и в слое, подстилающем жолоб. Не может быть сомнений в том, что это остатки трубного водопровода, проходившего на месте раскопанного жолобового (лоткового), который заменил его на данном участке. Наличие обломков трубного водопровода в качестве культурной среды, облекавшей

¹ Нужна дополнительная раскопка для подтверждения их отсутствия.

² ИАК, 9, Спб, 1904, стр. 60—61, рис. 37.

чаемой формы" гончарных жолобов с каменными жолобами древнегреческих водостоков у крепостных ворот раскопок 1899 г.¹ и 2) общее у тех и других: отсутствие перекрытий, на что и ссылается К. К. Косцюшко-Валюжинич². Но жолобовая форма каменного водопровода — „канавка из мелкого камня..., покрытая мелкими плитками бутового камня“, — была обнаружена на Гераклеийском полуострове еще в 1881 г.³ Каменные водопроводы подобной формы были открыты в 1898 году близ главных городских ворот Херсонеса (в западной стене) — „два водопровода, входившие в город каналами четырехугольной и яйцевидной формы в разрезе“⁴; и в 1905 г. в самом городе — был открыт — „водобег..., состоящий из цемянкового канала яйцевидной формы, который проходил через очистительный колодец“ — водоотстойник.⁵

Отсутствие перекрытия „пяти гончарных труб“ объясняется либо несовершенной техникой раскопок, производившихся ввиду спешки плантажным способом, либо уничтожением его в древности.

По току воды Туровский водобег направлен на Херсонес и как по румбу, так и по рельефу местности, скорее к нижним воротам (юго-восточный участок), чем к верхним (в западной стене). Возможно, что он является отрезком магистрали Гераклеийского водопровода, прослеженной в 1881 г. на протяжении 4 с лишним километров⁶. Однако не исключена возможность, что он относится к одной из его боковых ветвей. Так или иначе Туровский водобег ставит актуальную и для наших дней проблему водоснабжения Херсонеса и ирригации Гераклеийского полуострова в древности, решенную лишь в самых общих чертах.⁷ Он позволяет (впервые в истории изучения этой проблемы) установить два строительных периода на данном участке водопроводной линии с вероятным распространением этой периодизации и на Херсонес. (Ср. находку 1892 г. на акрополе.) Вместе с тем он даст возможность установить относительную датировку двух типов водопровода — трубного и жолобового, — смену первого последним на туровском участке, наталкивая на допущение подобной и в Херсонесе. Отсутствие ископаемых данных для абсолютной датировки туровских водопроводов, как жолобового, так и трубного, настоятельно требует продолжения разведки в обе стороны от раскопа с целью проследить и датировать линию водопровода, питавшего Херсонес.

Случайно обнаруженный Туровский отрезок водопровода имеет все данные для того, чтобы стать исходным пунктом большой плановой работы Херсонесского музея.

¹ ОАК, 1899, Спб, 1902. Отчет о раскопках в Херсонесе.

² ИАК, 9, Спб, 1904, стр. 60

³ А. Л. Бертъе-Делагард. Раскопки Херсонеса. МАР, 12, Спб, 1893, стр. 21.

⁴ ОАК за 1893, Изв. Отд. Русск. из. и словесности Академии Наук, XIV, кн. 1, стр. 57, 58, рис. 36 и 37. Ср. А. Л. Бертъе-Делагард, „Как Владимир осаждал Корсунь“, 1909, стр. 29, (отд. оттиск) „...перед входом в самый город.. мы нашли не одну, а три различные линии, две из гончарных труб, а одну в виде каменного жолоба; все три вели, повидимому, к одному источнику и, очевидно, работали не сразу, а заменяя одна другую во времени“.

⁵ ИАК, 25, Спб, 1907, стр. 131, рис. 24.

⁶ А. Л. Бертъе-Делагард. Раскопки Херсонеса. МАР, 12, Спб, 1891, стр. 21.

⁷ Один из основных вопросов этой проблемы — датировка возникновения водопровода „римским периодом“ — требует уточнения.

С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

РАСКОПКИ ТАВРСКОГО НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА В 1945 ГОДУ

Раскопки таврского некрополя были предприняты в связи с просьбой Государственного Исторического музея о предоставлении ему черепа из таврского некрополя для реконструкции головы тавра. За черепом специально приехал старший научный сотрудник ГИМ'а Н. В. Пятышева. Вследствие уничтожения черепов в фондах музея в период немецкой оккупации Государственный Херсонесский музей не мог удовлетворить ее просьбу, однако, идя навстречу ГИМ'у, предоставил в распоряжение Н. В. Пятышевой несколько рабочих с тем, чтобы она сама могла путем раскопок получить необходимый материал.

Работы велись с 8 по 13 октября 1945 г. под руководством Н. В. Пятышевой и с 17 по 22 под руководством С. Ф. Стржелецкого. В итоге за двенадцать дней было исследовано восемь погребений. В работах принимали участие сотрудники музея: реставратор О. Л. Склиренко, научный сотрудник М. С. Рыбальченко и фотограф А. М. Михайлова. Обмеры выполнены мною с помощью этих товарищей.

Первоначально мною был указан в качестве места для раскопок некрополь под IX поперечной улицей около бывшей монастырской купальни, между участками некрополя, открытыми Лепером в 1912 году, с северо-восточной стороны улицы и Г. Д. Беловым в 1936 году с юго-западной стороны этой же улицы. Последняя осталась нераскопанной и на выбранном нами участке безусловно должна была содержать нерасследованные погребения таврского некрополя.

Одновременно Государственный Херсонесский музей наметил ряд задач, не решенных предшествующими раскопками, которые могли быть решены попутно и которые представляли для музея значительный интерес: 1) попытка обнаружения могильных обрезов и раскопка могил по этим обрезам; 2) установление датировки (культурного) слоя некрополя, в котором совершались погребения; 3) обнаружение наружной стороны стен эллинистического дома с экседрой раскопок 1936—38 гг., примыкавшего к этой улице; 4) обнаружение стен дома эллинистического квартала раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (1889 г.) и Лепера (1912 г.) с противоположной стороны улицы.

К сожалению, темпы работ по предварительному удалению „тачка“ раскопок 1940 и 1941 гг., частично засыпанного IX улицу, уже через два дня заставили отказаться от решения этих интереснейших задач. 10 октября работы были перенесены на соседний участок, на самый обрыв берега, где после обвала стены рыбозасолочной цистерны первых веков н. э., мною в 1939 году были обнаружены кости двух погребений в обресте некрополя, не исследованного

Косцюшко-Валюжиничем. Раскоп площадью $4,5 \times 2,5$ м заложен с расчетом охвата обоих погребений, обнаруженных в обресе, и почти целиком размещен в северо-западном конце средневекового помещения № 33 раскопок 1889 г. Стены этого помещения, как и большинство стен этой эпохи, уничтожены здесь полностью. В связи с переходом на новый участок, от решения двух последних задач, указанных выше, пришлось отказаться.

* * *

За три дня был удален весь завал с площади раскопа до уровня не тронутых в 1889 г. слоев. Дальнейшие работы показали, что этот слой некрополя, покрытый сверху глинобитной прослойкой у северо-восточной стороны раскопа, — вероятно, пол помещения эллинистической эпохи. Высота пола над скалой 0,30—0,33 м, толщина — 0,05—0,07 м. В восточном углу раскопа до материковой скалы была зачищена большая позднесредневековая яма. Слой некрополя и погребения на ее площади уничтожены полностью. Вдоль северо-восточной стороны раскопа выявилась стена из крупных камней на скале, сложенная на глине. К этой стене примыкал глинобитный пол (?), сохранившийся подле нее. В юго-западной половине раскопа был снят верхний слой некрополя. При этом были зачищены погребения № 1 и № 2 и обнаружен череп погребения № 6. Последнее заставило сделать небольшую прирезку площадью $1,40 \times 1,10$ м в направлении предполагаемого расположения костяка. Прирезка оказалась ограниченной: с севера — южной стеной рыбозасолочной цистерны, с юга — средневековой ямой (второй) и с запада — обрывом скалы. Был удален завал над слоем некрополя этого участка. На этом работы были приостановлены вследствие отъезда Н. В. Пяташевой в Москву.

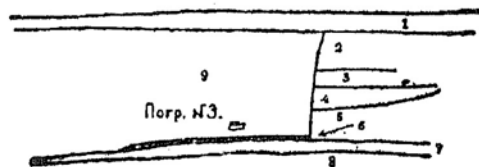

Рис. 1. Схема стратиграфии СЗ обреза средневековой ямы:

- 1—глинобитный пол эллинистической (?) эпохи;
- 2—золистая земля с угольками и черепками;
- 3—слой светложелтой глины с черепками;
- 4—то же, что и 3;
- 5—обычная культурная насыпь некрополя коричневого цвета;
- 6—подсыпка из золы и угля;
- 7—материковая глина;
- 8—материковая скала;
- 9—то же, что и 5.

Однако, не считая возможным оставить неисследованным вскрытый участок некрополя, я снова, после окончания работ по уборке городища, приступил к работе. Прежде всего были зачищены обрезы некрополя вдоль стен рыбозасолочной ванны и позднесредневековой ямы в восточном углу. Высота обреза позднесредневековой ямы с северо-западной стороны на разных участках колеблется от 0,20 до 0,35 м (рис. 1). Насыпь некро-

поля дает три основных слоя: 1-й — наскальный слой материковой глины желто-коричневого цвета с наличием мелких и редких фрагментов керамики и древесных угольков. Толщина слоя колеблется в пределах от 0,00 до 0,05 м. 2-й слой на всем протяжении обреза четко прослеживается тонкой прослойкой угля и цепа, смешанных с землей. Цвет

слоя от интенсивно черного до серо-пепельного, в зависимости от количества угля, пепла и примеси земли. Толщина слоя от 0,01 до 0,04 м; 3-й слой, расположенный поверх второго, идет почти всюду сплошной однообразной массой и является, собственно, насыпью некрополя, в которой производились погребения и которой засыпаны могильные ямы. Цвет слоя грязнокоричневый с сероватым оттенком. Толщина от 0,20 до 0,30 м. Слой состоит из земли со значительным количеством черепков и мелких камней. Верхняя часть насыпи некрополя на неизвестную высоту, повидимому, уничтожена (?) в древности. В северо-западном конце обреза насыпь некрополя перекрывается утрамбованным глинобитным полом (?), примыкающим к стене. В этом же конце обреза наблюдается нарушение описанной стратиграфии насыпи. На расстоянии 0,4 м от стены четко прослежен вертикальный обрез от подошвы глинобитного пола до верхнего горизонта 1-го слоя—материковой глины. Здесь резко обрываются второй и третий слои. Между стеной и обрезом стратиграфия отлична от описанной, обычной в остальных случаях. На первом слое—материковой глине—лежит непосредственно третий слой, над ним—выклинившийся слой с угольками и черепками. Выше слой светложелтого цвета материковой глины с черепками и, наконец, слой, аналогичный лежащему под предыдущим. Слева от вертикального обреза на высоте 0,03 м от 2-го слоя обнаружена нижняя челюсть человека. Вертикальный обрез, угольно-золистая насыпка (2-й слой) и челюсть позволили предположить наличие могилы и погребения, что и было подтверждено дальнейшими работами при зачистке погребения № 3. Кости у западного угла ямы на такой же подсыпке принадлежали погребению № 4.

Высота вертикального обреза ямы с юго-западной стороны (рис. 2) от 0,20 до 0,25 м. На протяжении 0,6 м от западного угла ямы, непосредственно на скале лежал тонкий слой угольно-пепельной подсыпки толщиной 0,02—0,03 м. Над ним—насыпь некрополя (3-й слой) толщиной 0,20 м. Его перекрывает еще раз слой угольно-пепельной подсыпки, на которой лежал костяк погребения № 2. Четвертый слой, перекрывающий это погребение, удаленный в предыдущие дни, достигал 0,15 м. В юго-восточной половине обреза слой нижней подсыпки угля и золы был резко смещен вверх и лежал на слое материковой глины толщиной 0,02—0,04 м. Выше—порядок наслоения тот же. Выше несомненно искусственного разрыва угольной прослойки линию вертикального обреза по зрительному впечатлению установить не удалось вследствие аморфной структуры насыпи некрополя. Однако, на основании культурного напластования справа от нанесенной на схеме пунктирной линии, как будто было рыхлей, чем слева. Указанное обстоятельство, наряду с разрывом угольной подсыпки скалы, позволило предположить наличие могилы и погребения под № 2, что и подтвердилось дальнейшими работами. Толщина насыпи обреза вдоль восточной стенки рыбозасолочной ванны (рис. 3) от 0,20 до 0,40 м. Некоторое утолщение насыпи определяется наклоном скалы к обрыву, в сторону моря. С северной стороны обреза

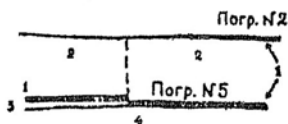

Рис. 2. Схема стратиграфии ЮЗ обреза средневековой ямы: 1—подсыпка из золы и угля; 2—обычная культурная насыпь некрополя; 3 — материковая глина со слабой насыщенностью культурных остатков; 4—скала.

ограничен стеной эллинистической эпохи, с южной— углом цистерны. Горизонт подстилающей материковой скалы ровный, местами с выступами или углублениями. Соответственно наклону скалы к морю углубляется 1-й подстилающий слой материковой глины со щебенкой. Подсыпка угля и золы (2-й слой) сохранила горизонт, соответственный залеганию скалы дальше от края обрыва, соответственно горизонту подошв могил. Как уже указывалось и, как видно по

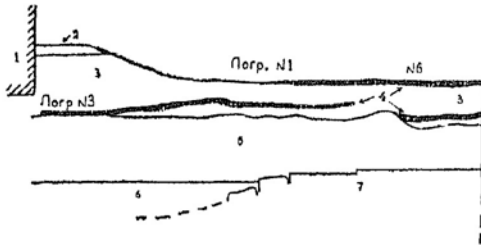

Рис. 3. Схема стратиграфии вдоль восточной стенки рыбозасолочной ванны:

1—кладка эллинистической (?) стены; 2—глинобитный пол эллинистической (?) эпохи; 3—обычная культурная насыпь некрополя; 4—подсыпка из золы и угля; 5—материковая скала; 6—осыпь под обрывом; 7—стена рыбозасолочной ванны.

ной 0,03—0,05 м, слой подсыпки угля и непла—0,01—0,03 м и слой насыпи некрополя (3-й слой) толщиной около 0,30 м. В данном случае слой угольно-пепельной подсыпки оказался связанным с обнаруженными на нем костями ступней ног двух погребений.

Зачистка по горизонту, по плоскости насыпи некрополя, не дала возможности установить обрывов могил даже над безусловно определенными погребениями в вертикальных обрывах. Указанное обстоятельство объясняется бесструктурным характером насыпи, представляющей намывную культурный слой. Тем более важны результаты зачисток вертикальных обрывов, которыми обнаружены пять погребений, дополнительно к трем зачищенным ранее и обнаруженным случайно в ходе работы¹. Наблюдения над обрезами устано-

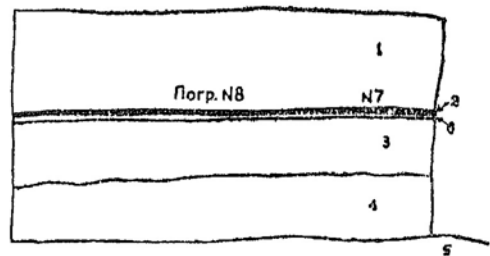

Рис. 4. Схема стратиграфии вдоль южной стенки рыбозасолочной ванны:

1—обычная культурная насыпь некрополя; 2—подсыпка из золы и угля; 3—материковая скала; 4—стена рыбозасолочной ванны; 5—осыпь под обрывом; 6—материковая глина.

¹ Этот метод применен мною благодаря практике на песчаном грунте архаического некрополя Тамани. В этом грунте обрывы могил устанавливаются довольно легко по вертикальным срезам и совершенно несметны по горизонту.

вли под всеми открытыми костяками обязательное наличие „подсыпки“ в виде тонкого слоя угля и пепла, смешанных с землей, но совершенно отчетливо просматриваемой во всех случаях, благодаря интенсивной черноте угля или наличию чистого серого пепла¹. Благодаря установлению слоев, можно будет при последовательном их удалении установить хотя бы относительную датировку отдельных погребений, что особенно важно, поскольку, как правило, при погребениях инвентарь либо отсутствует, либо столь не характерен, что не позволяет установить время самого захоронения. В соответствии с изложенным, материал строго подразделялся на предметы из слоя, покрывавшего погребения (могильная засыпка), предметы, сопровождавшие погребения (там, где они имелись), предметы из слоя, подстилающего погребения (насыпь некрополя) и предметы из наскального слоя, подстилавшего насыпь некрополя.

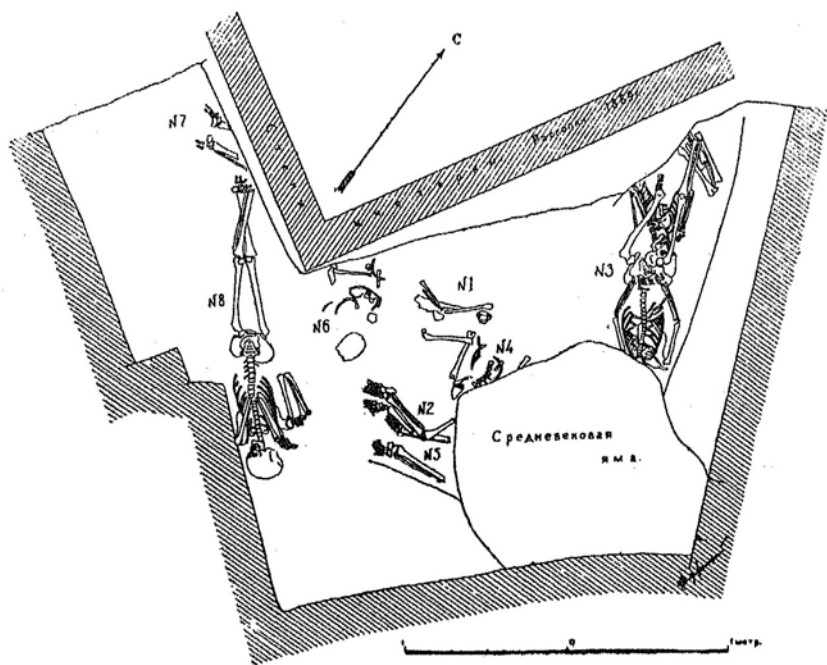

Рис. 5. План раскопа 1945 года.

Опыт работы 1945 г. полностью подтвердил уместность этой методики в условиях Херсонеса на культурных слоях не только некрополя, но и самого городища.

¹ Обращаю внимание еще на одно обстоятельство, облегчающее работы в Херсонесе. Интенсивность цвета слоев и прослоек и градации цвета в огромной степени зависят от влажности этих слоев. Вместе с тем влажные слои обладают гораздо большей силой сцепления отдельных частиц, что устраняет осыпание их, затрудняющее четкое установление границ слоев. Это наблюдение было подтверждено Л. А. Мацулевицем, который указал мне, что именно вследствие этих причин Археологическая комиссия не рекомендовала проводить раскопки в Херсонесе в жаркие и сухие летние месяцы.

Описание погребений

Погребение № 1. Высота погребения над скалой 0,18—0,23 м; найдено в культурном слое, на краю обрыва (см. план, рис. 5), почти целиком уничтожено при постройке рыбозасолочной цистерны а после завала стены последней—вследствие естественного разрушения обреза. Впервые было замечено в 1939 году. Сохранилась левая рука костяка. Костяк лежал, очевидно, в вытянутом положении. Ориентирован головой на СВВ. Положение ног неизвестно. Рука согнута в локте—с кистью, вероятно, на тазу. У плеча—небольшой канфаровидный кубок с двумя ручками, без лака (рис. 6). У локтя—створка большой устрицы. Под локтем половина челюсти дельфина. В засыпи—косточки камбалы, — „жучки“ и морская галька. Кости на подсыпке угля и золы.

Рис. 6. Красноглиняный канфар со светлой облицовочной жидкой глиной. Погребение № 1, III в. до н. э.

Погребение № 2 (рис. 5). Нижняя часть костяка. Положение скорченное. На левом боку. Ориентировано на восток, с отклонением к северу. Погребение уничтожено средневековой ямой в восточном углу раскопа. Сохранились только ноги немного выше колен. Среди многочисленных обломков различных сосудов из слоя непосредственно на костях погребения находились кости животных: кусок челюсти овцы или козы, коровий зуб, лопатка небольшого животного и кости камбалы на подошве могилы. Не исключена возможность, что перечисленные кости—остаток жертвенной пищи. Кости погребения на подсыпке угля и золы¹. Погребение находилось на одном уровне с № 1, при одинаковой с ним ориентировке. Лежало на культурном слое толщиной 0,20—0,25 м, над погребением № 5.

Между погребениями № 1 и № 2, ближе к первому, найдена берцовая детская кость.

Погребение № 3. Коллективное, парное (рис. 5 и 7). Было найдено при скале на тонком слое материковой глины со щебенкой толщиной до 0,05 м. Впервые обнаружено в 1939 году со стороны ног. Со стороны головы в обресе № 1 стенки позднесредневековой ямы. Установлен северо-восточный край могильной ямы. Противоположный край не обнаружен. В могиле лежали два костяка один на другом, головами на ЮВ с отклонением к югу. Верхний костяк—в вытянутом положении, на спине, руки в локтях были немного согнуты, кисти—на тазу. На плечевой кости левой руки обнаружена большая часть чернолакового килика (рис. 8), остальные

¹ Характеристика погребений № 1 и № 2 дана мною на основании собственных обмеров и находок, оставленных Н. В. Пяташевой, после расчистки погребений, а в дальнейшем—на основании полевого дневника.

фрагменты которого были найдены в различных местах могилы. Возможно, что к этим же погребениям относится и кремневый скребок, который явно окатан морем, и кремневый отщеп с очень острыми краями без всяких следов ретуши или какой-либо другой работы. Оба найдены в могильной засыпке, непосредственно над костями погребений. У костяка недостает черепа, уничтоженного позднесредневековой ямой, ступни правой ноги и от колена — левой, уничтоженных рыбозасолочной цистерной.

Нижний костяк лежал под ногами верхнего в скорченном положении. Череп находился непосредственно под тазом верхнего и под его тяжестью был немного повернут на правую сторону. Покойник был положен на спину. Руки сильно согнуты в локтях, кистями к лицу, ноги, сильно скорченные, под тяжестью ног верхнего костяка упали на правую сторону. У костяка недостает только ступней и таза, уничтоженного рыбозасолочной цистерной и естественным разрушением после обнажения, вследствие обвала стены этой цистерны.

Рис. 7. Коллективное погребение.

Оба костяка лежали на подсыпке угля и золы. Мелкие угольки постоянно встречались и при зачистке костей сверху них. В засыпке могилы — значительное количество морской гальки и камбальные косточки — „жучки“. Взаимное расположение костяков, обнаружение их в одной могиле и, самое главное, взаимоположение их костей не оставляют никакого сомнения в том, что оба покойника одновременно захоронены в общей могиле. Заслуживает внимания расположение костей. Кости верхнего туловища лежали на одной подошве с костями скорченного нижнего. Ноги верхнего — вытянутого — лежали непосредственно на костях скорченного, естественно, значительно ниже верха его черепа. Характерно, что правая бедренная кость верхнего лежала в наклонном положении, так как верхний ее конец (тазовый сустав) находился прямо на черепе, а нижний (коленный сустав) — на опавшей грудной клетке скорченного. Особенно наглядно размещение тазовых костей верхнего — вытянутого — костяка. Правая сторона таза (вместе с примыкающей к нему правой бедренной костью) лежала непосредственно на черепе, наверху. В то же время кобчиковая кость и левая часть таза с примыкающей к ней левой бедренной костью и фалангами кистей — внизу, на одном уровне с нижним

горизонтом черепа, на одной и той же подошве могилы. Эта одновременность захоронения обоих покойников отчетливо прослеживается и на плане. В то время как верхний вытянутый костяк—у таза и бедер выгнулся влево, нижний скорченный, лежащий тоже на спине,—имеет череп и шейные позвонки, отогнутые вправо. Указанное обстоятельство произошло под давлением земли, насыпанной сверху во время похорон и сдвинувшей обоих покойников в разные стороны, сохранив правильное расположение костей, связанных еще тканями тела. В противном случае, если отказаться от очевидности одновременного захоронения, нужно признать, что при захоронении верхнего не только точно раскопали могилу нижнего, но к тому же костяк последнего был расчищен по всем правилам археологической методики.

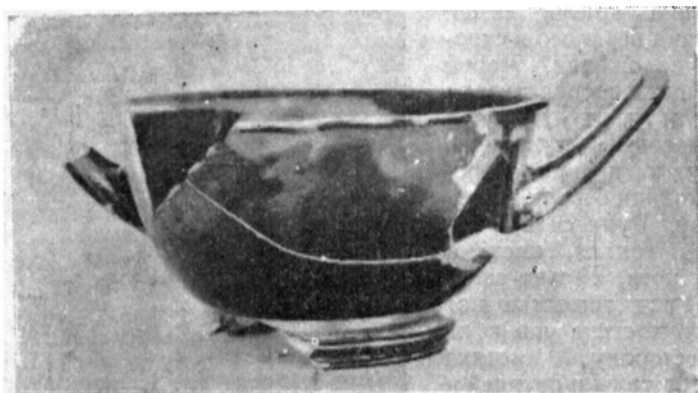

Рис. 8. Чернολаковый килик из погребения № 3. Конец IV, начало III в. до н. э.

Погребение № 4 (рис. 5). Плохой сохранности. Костяк ориентирован головой на юг. Положение скорченное на левом боку. Об этом можно судить по изогнутости позвоночного столба, расположению верхних позвонков на левой стороне, сохранившейся лицевой части черепа, отсутствию ребер с правой стороны позвоночного столба. У левого локтя—пятно рассыпанной красной краски. Здесь же—грубо сработанный кремневый скребок. Костяк лежал почти на скале, на подсыпке из древесного угля и пепла со значительным количеством морской гальки. Верхняя правая часть костяка и, почти целиком, череп были уничтожены позднесредневековой ямой, нижняя часть от грудной клетки—погребением № 1. Погребение находилось на одном уровне с № 3, в одном ряду и с одинаковой ориентировкой.

Погребение № 5 (рис. 5). Под погребением № 2, на скале. Сохранились ноги от колен. Остальной костяк уничтожен той же позднесредневековой ямой. Судя по положению ног, костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Вдоль левой ноги удалось установить обрест могильной ямы. Костяк лежал на подсыпке угля и пепла. После удаления костей в подсыпке на скале среди обломков сосудов были

обнаружены одна медная монета плохой сохранности¹, раковина вида *Cypraea moneta*, с просверленным отверстием для напизывания.

Погребение № 6 (рис. 5). Очень плохой сохранности. Череп обнаружен Н. В. Пятышевой. Костяк лежал на насыпи в скорченном положении (?) на левом боку. Толщина насыпи под головой около 0,05 м, у обреза рыбозасолочной цистерны, вследствие понижения скалы—0,15—0,18 м. Нижняя часть костяка от таза уничтожена при устройстве цистерны. Сверху костяк был потревожен погребением № 1. Прах лежал на подсыпке из угля и пепла и морской мелкой гальке. Среди костей на подошве могилы обнаружены зубы, кусок челюсти и трубчатой кости овцы или козы (?), большой обломок трубчатой кости коровы (?), три птичьих косточки, 19 устричных створок, 2 камбальных косточки и клешня краба; под черепом—фрагмент горла гераклеийской амфоры с английским клеймом (рис. 10, левый нижний), под позвонком—медная, сильно окислившаяся монета.¹ Погребение находилось в одном ряду и на одном горизонте с погребениями №№ 3 и 4, имело с ними одну и ту же ориентировку и, несомненно, относится к тому же времени, что и они.

Погребение № 7 (рис. 5). Почти целиком уничтожено при устройстве рыбозасолочной цистерны. Костяк лежал на тонком слое наскальной глины, толщиной 0,05—0,06 м, на спине, в вытянутом положении, на угольно-пепельной подсыпке, ориентирован головой на восток. Сохранились ступни ног и левой берцовой кости почти до колена.

Погребение № 8 (рис. 5). Прекрасной сохранности. Костяк лежал на тонком слое наскальной глины толщиной 0,03—0,04 м, на спине, в вытянутом положении, головой на ЮВ. Череп на левой стороне, ноги вытянуты, но скрещены ниже колен. Обе руки сильно согнуты в локтях, кистями к лицу. Вероятно, раньше они находились на лице, а при раскопках оказались на правом плече. Покойник был высокого роста. Кости крупные. Кости черепной коробки толстые и массивные, швы еще не срослись. Зубы хорошие². Костяк лежал на угольно-пепельной подсыпке и морской гальке. На подошве могилы найдены медная монета херсонесского чекана IV—II вв. до н.э.³, грубый кремневый скребок на левой стороне таза, трехгранный бронзовый наконечник стрелы, кусок челюсти свиньи, 2 кусочка трубчатых костей свиньи или, может быть, овцы, 2 птичьих косточки, позвонок дельфина, 14 камбальных косточек—„жучков“. Погребение находилось в одном ряду, и на одном горизонте с №№ 3, 4, 6, имело одинаковую с ними ориентировку и, несомненно, датируется тем же временем.

Датировка погребений и насыпи некрополя

Наряду с попыткой выявить могильные ямы погребений некрополя на северном берегу Херсонеса было потрачено не меньше труда, чтобы установить его датировку. К сожалению, предшествующие работы оставляют желать многого в решении этого вопроса. Р.Х. Ле-

¹ При очистке в лаборатории ГИМ'а рассыпалась.

² Несмотря на хорошую сохранность костяка, кости его истлели так же, как и в остальных погребениях. Чтобы сохранить кости и в особенности черепа, необходимо дать им хорошо просохнуть и только после этого извлекать из могил.

³ Определение Ю. С. Крушкел, которой приносим свою благодарность как за определение этой монеты, так и за содействие в очистке монет реставр. лабораторией ГИМ'а. Бурачков № 33, таб. XIV, № 28.

пер, раскалывая в 1913 году участок некрополя около оранжереи и музея, датировал его не позже IV века¹. Г. Д. Белов датирует некрополь V или первой половины IV в.²

Изучая материал погребений, я пришел к выводу, что они могут быть датированы второй половиной IV века и даже началом III века. К сожалению, материал из насыпи некрополя во время раскопок 1936—37 гг. смешан с материалами города эллинистической эпохи, покрывшего этот некрополь. Материал из слоя, подстилавшего погребения, не выделен, и это не позволяет установить хотя бы дату, после которой совершались эти погребения, как правило, не имеющие никакого материала для датировки. В 1945 году было приложено много усилий для устранения этого недостатка. Выбирался весь материал из насыпи, покрывающей погребения, с подошвы могил и, наконец, из подстилающего слоя. В итоге получены следующие результаты в отношении датировки погребений и насыпи некрополя.

Материал из слоя некрополя, перекрывающего погребения

За исключением единичных предметов весь материал состоит из многочисленных обломков сосудов различного типа и назначения. Начнем с группы сосудов хозяйственного назначения и простой бытовой.

Амфоры (рис. 9/2 и 5), судя по глине, из которой они сделаны, распадаются на 4 группы по месту производства: гераклейскую, херсонесскую (?), фазосскую и синопскую. Наиболее многочисленна первая группа, представленная закраинами горла, обломками горл с ручками, стенками и донышками (рис. 9/5). Три обломка горл с английскими клеймами (рис. 10, правая группа). Одно из них датировано по эстампажу Л. А. Ельницким и И. Б. Зеест началом III в. до н. э. Закраины горл по профилю И. Б. Зеест определила, как ранние, после IV в.³ Полная аналогия профилям деталей этого типа амфор с ранее датированными и изданными определенно говорит за IV—III вв. до н. э.⁴

Херсонесская (?) группа представлена меньшим количеством обломков: фрагмент горла с ручкой и характерная ножка ширококорпусной амфоры позволяют говорить определенно о типе IV—нач. III вв. до н. э.

Фазосская и синопская группы, представленные 2—3 фрагментами, позволяют все же по типу массивных ручек говорить об этом же времени.

Кувшины. Среди фрагментов обнаружено: 4 обломка донышек на кольцевой подставке. Глина красная. Лишь один фрагмент снаружи облицован жидкой глиной светлого, почти белого цвета. 4 фрагмента ручек, из которых две сверху имеют глубокое про-

¹ ОАК за 1913—1915 гг., Спб., 1918, стр. 60.

² Г. Д. Белов. Раскопки в Херсонесе в 1935 и 1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 194.

³ Приношу свою благодарность указанным товарищам за любезную помощь.

⁴ М. Ebert. Ausgrab. auf d. Gute Maritzyn. Präh. Zeit. 1913 г. стр. 27, рис. 28 (г) Б. Н. Граков—Английские клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор, Труды ГИМ, 1, М 1926, табл. 1, 1, 2 Ср. Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской и т. д., где указанная группа амфор вошла в комплексный материал II и III слоя городища, мастерски разрабатанного и датированного указанным автором второй половиной IV и III вв. Из истории Востора, Известия ГАИМК, 104 М. Л. 1934, 133. См. также В. Ф. Гайдукевич и др. Раскопки северной и западной частей Мирмекия. МИА СССР, № 4, М. Л., 1941, стр. 124, рис. 20—два правые амфорные днища.

дольное углубление, расчленяющее их на две части. Одна из них покрыта светлой облицовкой и по внутренней части венчика горла орнаментирована полоской темносерого цвета. По типу обе ручки, очевидно, принадлежали кувшинам с ручками, приподнятыми над горлом сосуда¹. Третья ручка — плоская, толстая, с глубокой продольной

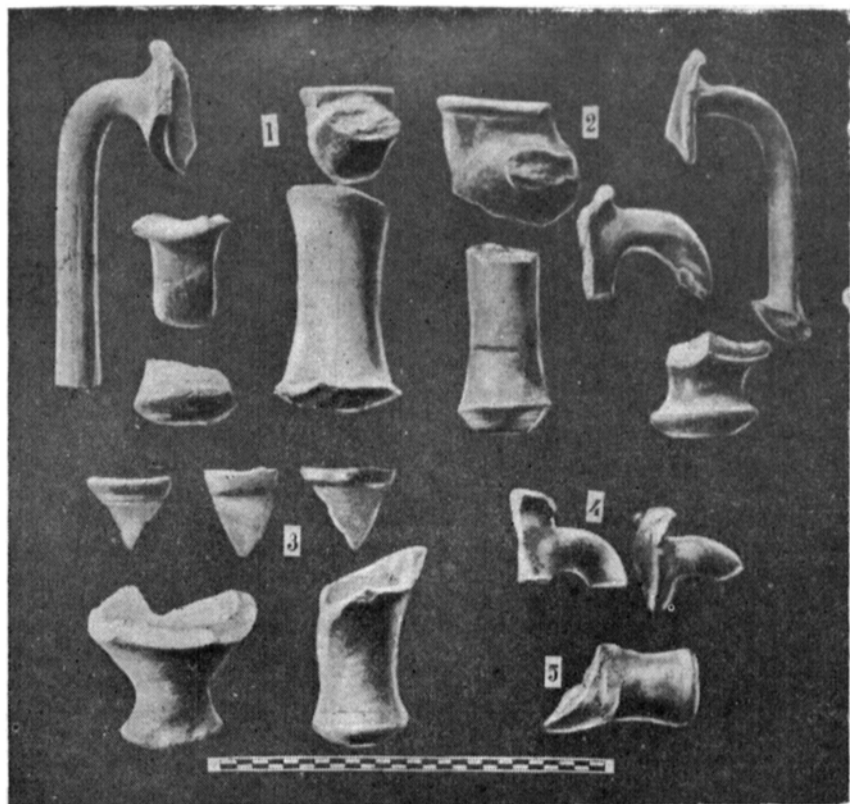

Рис. 9. Обломки амфор из насыпи некрополя IV, нач. III в. до н. э.

прорезью; четвертая — полуовальная, с белой облицовкой, с орнаментом в виде сегментов выпуклостью вверх, исполненных коричнево-бурой глазурью. Один фрагмент венчика с закраиной, отогнутой наружу, и следами прикрепления ручки к закраине. Наконец, три фрагмента стенок, орнаментированных параллельными полосками и два фрагмента стенок, покрытых снаружи облицованной не то глазурью, не то жидкой глиной более яркого цвета.

По типу деталей — закраины, ручки, днища — можно определенно датировать эти фрагменты не позже начала III в. и в основном, тем же IV — III вв.²

¹ Ср. с типом ручки кувшина из Ольвии, ИАК, 8 Спб. 1903, табл. V, 43.

² Ср. ниже в настоящем сборнике — «Камышевский клад античных моет», где мною прослежена эволюция формы кувшинов и их датировка.

Бальзамарии. Представлены двумя фрагментами. Один — небольшой обломок плеча со следами обычного орнамента — цветными полосками и второй — часть плеча с основанием горла. Резко выраженный профиль плеча в обоих и тщательность работы свидетельствует о типе бальзамария с широким пухлым корпусом. Это в свою

Рис. 10. Обломки горл гераклейских амфор с клеймами, IV, нач. III в. до н. э.

очередь позволяет смело говорить о более ранней форме, предшествовавшей позднеэллинистическим образцам¹. Аналогичные сосуды изданы Б. В. Фармаковским, с огульной датировкой которого мы не можем согласиться². Наши фрагменты относятся к бальзамариям раннеэллинистической эпохи и датируются не позже конца IV — нач. III в.

¹ Ср. нашу датировку целого бальзамария из некрополя в верховии Карантиной бухты, выше в сборнике „Раскопки в 1939 году и т. д.“.

² ИАК, 8, Спб. 1903, табл. V, 19—23 и 35, 36. Несомненно, что его датировка (II в. до н.э.) бесспорна только для сосуда табл. V, 36 и полностью согласуется со всем комплексом материала могилы. В отношении остальных сосудов вопрос датировки остался открытым. Обращаем внимание на бальзамарий, изображенный на таб. V, 35. Происходит из склепа № 85, датировка которого II в., судя по всему комплексу материала, вовсе не оправдывается (там же, стр. 89). Большие того, в этом же склепе найдены килики (стр. 89, стр. 39—40, рис. 35). По форме и технике они ни в коем случае не II века и датируются, самое позднее, началом

Лутерии. Единственный фрагмент закраины подобного сосуда не дает никаких признаков для датировки.

Чашки на кольцевых подставках, тонкостенные. Два фрагмента закраины с остатками ручек, горизонтальных, дугообразных, типа ручек у скифосиф и ранних киликов. Покрывается красной облицовкой, вероятно, глазурью. Два фрагмента донышек еще двух чашек со следами орнамента по центру дна, с внутренней стороны, в виде колец, выполненных жидкой глазурью черного цвета.

Как мы уже отметили, на основании формы первой чашки и, главным образом, ее ручек, решаемся говорить о IV, может быть даже III, однако отнюдь не II веке.

Чашечка на высокой ножке. Сохранилась значительная часть чашечки до пожки: тонкостенная, изящного профиля, тщательной выделки, край ее сверху полоской, а наружная поверхность целиком, покрыта коричнево-красной глазурью (?). Через равные промежутки, поверх глазури, белой краской нанесены поперечные полоски, сужающиеся на-нет к центру чашки. Не имея под руками необходимой литературы, не могу точно указать датировку, тем не менее полагаю, что наш фрагмент может быть датирован V—IV вв. и сближается по форме и орнаментации с архаическими типами.

Позволим себе сделать небольшое замечание о назначении чашечек этого типа. Т. Н. Книпович, не решаясь окончательно определить их назначение, высказалась против использования этих сосудов для приготовления или потребления пищи и предположила, что в них скорее всего растирались для чего-то краски¹. Целиком соглашаясь с первым ее положением, обращаем внимание на принципиальную идентичность формы этих чашек (в особенности таб. XXXV, 7) с формой жертвенника 9 см высоты, выточенного из известняка, найденного в Херсонесе в эллинистическом доме².

Одновременно, на выборку, нами было проверено место находки подобных чашечек в Херсонесе. Все проверенные нами сосуды входят в комплексы материала первых веков н. э. За исключением одного случая—все из некрополя. Так, например, в 1892 году в гробнице № 276 найдена одна чашечка³, в 1894 г.—в склепе № 452—четыре⁴, в 1910 г.—в могиле № 98⁵—три, пять в могиле № 106⁶, три—в склепе № 115⁷, в 1911 г. в могиле № 47—три⁸, в могиле № 17—одна⁹, в могиле № 31—четырнадцать¹⁰, в насыпи некрополя—двенадцать¹¹. На городище, так же как и в Ольвии¹², в 1909 году в наскальном

или первой половиной III в. Датировка Б. В. Фармаковского дана на основании аналогии с подобными же, из могил, в которых были найдены монеты II века. Правда, автор допускает, что эти килики старше остальных вещей могил (см. стр. 40, прим. 3). Однако, остальные вещи отнюдь не доказывают, что склеп № 85 можно датировать II веком.

¹ Т. Н. Книпович, Керамика местного производства из раскопа „И“, Ольвия; т. I, Киев, 1940 г.; стр. 149, тип 32 а, б, табл. XXXV, 6, 7.

² Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1925—1936 гг., Симферополь 1938, стр. 205, рис. 52.

³ ОАК за 1892, Спб. 1894 г., стр. 117. Хранится в Гос. Эрмитаже—X. 1892. 69.

⁴ ОАК за 1894, Спб. 1896 г., стр. 65. Одна хранится там же—X. 1894. 14.

⁵ Архив ГХМ, дело № 103, полевой номер 1735.

⁶ Там же, полевой номер 1973.

⁷ Там же, полевой номер 2698, 2699, 2728.

⁸ Архив ГХМ, дело № 104, полевой номер—2871—3.

⁹ Там же, полевой номер 2928.

¹⁰ Там же, полевой номер 3239—3244.

¹¹ Там же, полевой номер 3276 и 3277.

¹² Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 149.

слое найдено несколько экземпляров, в одном комплексе с многочисленными светильниками и люстрами. Интересно, что над этим местом была построена христианская часовня. Совокупность этих признаков позволяет усматривать в этих чашечках культовые сосуды.

Тарелки. Фрагмент плоской тарелки, по форме закраины т.н. рыбного блюда. Сверху покрыт либо облицовкой красного цвета; либо глазурью, либо глиной (?).

Кухонные сосуды—горшки. Эта группа представлена сосудами с крышками (несколько закраин и ручек), тонкостенной миской без крышки и большим шаровидным горшком с широким низким горлом. Закраина и наружная поверхность последнего тщательно заглаженная, почти лощеная. К сожалению, эта весьма обильная группа сосудов в материалах из раскопок поселений до настоящего времени не изучена и в пределах эпохи до нашей эры еще не может быть датирована более конкретно.

Глазурованные сосуды:

1. Килики. Все довольно многочисленные обломки принадлежат киликам на низкой подставке, глубоким, с петлевидными ручками. Большинство, судя по качеству лака, профилю закраин и подставок, безусловно, принадлежит к первосортной посуде и при этом скорее всего привозного аттического и малоазийского характера. Штампованный орнамент на двух доньшках—в виде пальметок и ов, тщательность их выполнения позволяет совершенно определенно отнести эту группу ко времени не позже IV века, а единичные экземпляры даже к V веку. К последним относится одно дно, профилю подставки которого аналогичны килики, изданные Е. И. Леви¹ и по орнаменту Б. В. Фармаковским². К этому же времени, восходящему к V в., относятся три или четыре фрагмента закраин. Один из них—типа глубоких киликов с краснофигурной живописью и растительным орнаментом, исполненным белой краской по лаку на внутренней стороне. Для второй половины IV века характерны два фрагмента закраин глубоких киликов с петлевидными ручками, канфоровидной формы³. Об этом же времени свидетельствует и качество лака, на одном из них уже серого, графитового цвета. Ко второй половине IV—началу III вв. относится два доньшка со штампованным и врезным орнаментом⁴. К этому же времени, вероятно, принадлежат три фрагмента закраин, лак на которых уже тусклый и на одном—с красным пятном. В целом группа представлена минимум 14 различными сосудами.

2. Чаши. Представлены в обломках 4 сосудов. Из них один—фрагмент чаши с краем, загнутым немного в середину, по форме относится к типу сосудов, характерных для эпохи эллинизма, в особенности 2-й ее половины. Однако, несмотря на это, а также на упрощенный профиль подставок, именно незначительное количество этих фрагментов позволяет усматривать в них сосуды ранне-эллинистической эпохи, конца IV—нач. III в. Этому не противоречит и качество лака, хотя и худшего качества, однако не имеющего характерных признаков III—II вв.

¹ Ольвия, т. I. Киев, 1940, стр. 114, табл. XV, 1.

² ИАК, 13, Спб, 1906, стр. 139—140, рис. 84—86.

³ ИАК, 40, Спб. 1911, стр. 68, рис. 6.

⁴ Ольвия, т. I. Киев, 1940, стр. 114—115, табл. XVI, 1, 4. Профиль подставки одного дна—табл. XVI, 2; XVII, 3.

Наряду с большими найдены фрагменты двух маленьких чашек, так называемых солонок. Одна — цилиндрической формы, обычно датируется V—IV вв.¹ и вторая, с расширяющимися кверху стенками, но без загиба в середину и утолщения у края, по качеству лака и, пожалуй, форме IV века.

3. Канфары. Представлены двумя фрагментами закраин с ручками. У одного закраина пустотелая, у второго, меньшего — такого же профиля, но массивная. Характер ручек, приземистые пропорции сосуда и профиль закраины свидетельствуют о ранней форме этих сосудов, датируемых второй половиной IV — началом III веков. Качество лака подтверждает эту датировку. Между прочим, меньший канфар по форме скорее всего относится ко второй половине IV века, лак уже с красноватым оттенком и красным пятном.

4. Рыбные блюда. Найденный фрагмент стенки по лаку хорошего качества, оливкового оттенка, может быть датирован IV веком.

5. Сосуд закрытого типа. Вероятно, нижняя часть небольшого кувшинчика, возможно аска, на низкой, тщательно профилированной подставке. Лак только с наружной стороны. Основание подставки (нижняя половина) оставлено в цвете глины. Лак черный, однако, уже с графитовым оттенком. Судя по профилю подставки, лаку и приземистой форме, сосуд относится к IV веку до н. э.

6. Горшочек одноручный. Фрагмент горла с венчиком, ручкой и плечом от горшочка с широким горлом и реберчатым приземистым корпусом. Венчик отогнут наружу. Ручка двойная. Лак черный с оливковым оттенком, переходящим в красноватый. Совершенно аналогичный целый сосуд найден Шкорпиллом в Керчи в 1902 г. в могиле № 21. По всему комплексу материала могилы, не говоря уже о форме горшочка, он датируется IV веком².

7. Сосуды с глазурью красно-бурого, коричневого тона. Фрагмент закраины чашки с вертикальным бортом и второй, загнутый в середину, фрагмент дна чашки на низкой кольцевой подставке, два фрагмента горла и закраины кувшина со следами ручки, прикрепленной к краю венчика, в одной с ним плоскости. По типу и по характеру лака сосуды, несомненно, относятся уже к эллинистической эпохе, что не исключает их принадлежности к рубежу IV—III вв. или началу III века.

8. Сосуды серой глины с черной глазурью. Эта группа довольно многочисленна. Представлены фрагменты кувшинов: доньшки (все три на кольцевой подставке); три закраины горл, на одном из которых сохранились следы ручки, прикрепленной прямо к краю; три фрагмента ручек, из которых верхний конец одной (сохранившейся) тоже прикреплен к краю венчика; фрагмент закраины килика на низкой подставке с горизонтальной ручкой. По типу, несомненно, принадлежит V—IV вв. Чашки разных типов: два фрагмента, принадлежавших, вероятно, грубым киликам, один — чашке с краем, загнутым в середину, и один — стенке с закраиной от глубокой чашки больших размеров. Из рыбных блюд найдено несколько фрагментов закраин и многочисленные мелкие обломки без харак-

¹ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики и т. д. Известия ГАИМК, в. 104, М.—Л., 1934, стр. 143, рис. 36, 7. Тут же ссылка на целый ряд аналогий IV в.

² ИАК, в. 9, Сиб. 1904, стр. 78, 177, рис. 63.

терных признаков хотя бы типов сосудов. Глазурь черная, графитового тона и тусклая. Работа, как правило, грубая, небрежная. Вся группа, несомненно, относится к наилучшему сорту глазурованной посуды и поэтому навряд ли импортировалась в Херсонес. Я думаю, что это целиком продукция местного, херсонесского производства. При датировке этой группы низкосортных сосудов необходимо придерживаться не столько деталей, сколько основных признаков формы. Исходя из этого, на основании формы горл, прикрепленных ручек и кольцевых подставок днищ кувшинов, а также формы киликов, я отношу и эту группу по времени к IV в. и не позже раннего эллинизма.

Краснофигурные и чернофигурные сосуды. Первая группа представлена четырьмя сосудами: тремя кратерами и одним киликом. Первый кратер—фрагмент стенки нижней части корпуса с поясом меандра, выполненным очень небрежно и схематично. Лак оливкового тона—внутри совершенно красный. Второй—фрагмент стенки верхней части корпуса у места прикрепления ручки. Основание ее было заключено в ободок с небрежно выполненными овами. Справа от нее—часть мужской фигуры в плаще, вправо. Складки плаща даны схематично жидким лаком красного цвета. По сюжету кратер принадлежит к группе *Mantelfiguren*. Лак оливкового тона, на внутренней поверхности—хорошего густого тона. Наконец, третий фрагмент—часть закраины. Снаружи сохранились остатки лаврового орнамента. Профиль закраины нечеткий, орнамент выполнен небрежно, далеко не первосортным лаком. Все три кратера датируются не раньше IV в. и скорее всего его второй половины.

Килик представлен фрагментом закраины с верхней частью стенки. От изображения сохранилась верхняя часть головы мужской (?) фигуры влево. Даже столь незначительно сохранившееся изображение, свидетельствует о небрежной, беглой работе. С внутренней стороны по краю сохранился растительный орнамент, выполненный накладной, белой краской. Аналогичный килик датирован Т. Н. Книпович V веком¹. Несмотря на незначительное изображение, мы бы не решились датировать его старше IV в., тем более, что этот тип глубоких росписных киликов широко встречается на протяжении всего IV в.²

Чернофигурные сосуды представлены фрагментом стенки лекифарибала. Последний был опоясан по тулову веткой плюща, причем веточки были начертаны в виде тонких линий, а листья—кистью, жидким лаком с расплывчатым очертанием.

Сосуды, исполненные без гончарного круга, т. н. ленная керамика. Представлены большим количеством обломков. Характерные признаки: все 5 обломков днищ больших и малых сосудов—плоские, от горшков (рис. 11, 3, верхний). К этому же типу горшков с отогнутым наружу венчиком относятся все обломки закраин. Фрагментов со следами лощения значительно меньше, чем фрагментов без лощения. Цвет наружной поверхности серый, большей частью бурый и красноватый. Несомненный интерес представляют три фрагмента стенок горшков с врезным орнаментом, уводящим к

¹ Опыт характеристики и т. д. Известия ГАИМК, в. 104, М-Л, 1934, стр. 126, 138, стр. 128 рис. 30. 2. Точнее, Т. Н. Книпович говорит „еще V в.“

² Ср. Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. III.

находкам в каменных ящиках горного Крыма и стоянкам Кизил-кобинского типа¹ (рис. 11, 2).

Прочие предметы. Помимо многочисленных обломков керамики, найдены 3 фрагмента терракотовых статуэток. К сожалению,

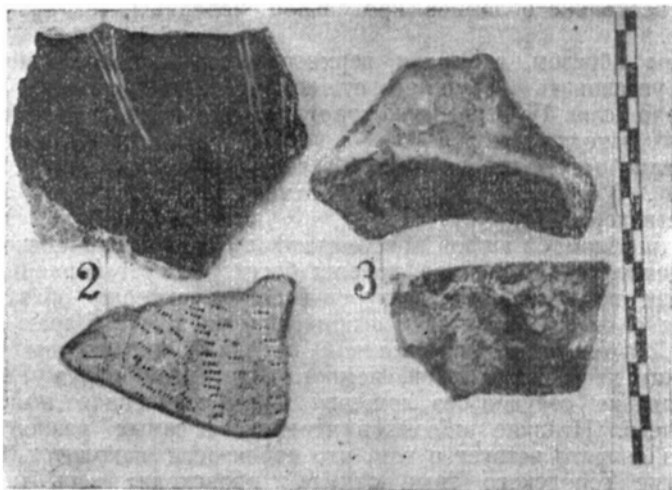

Рис. 11. Обломки лепных сосудов. Насыпь некрополя.

2 из них столь неясны, что не позволяют определить сюжет изображения. Третий фрагмент—часть лица головки (рис. 12, правый). Лоб и левая сторона ее отбиты. На лице—следы белого ангобирования,

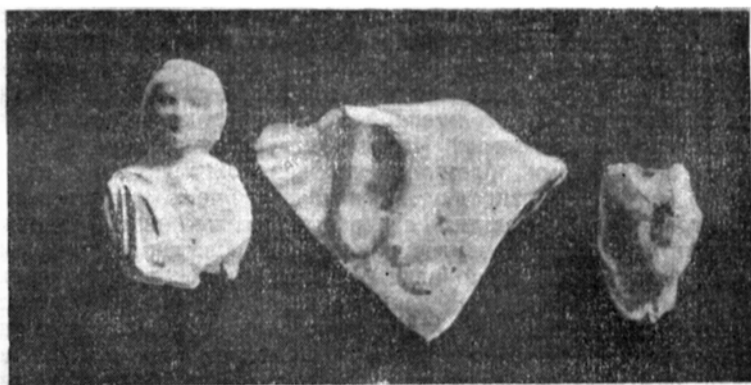

Рис. 12. Обломки терракоты из насыпи некрополя. IV в. до н. э.

на губах—красной краски. Мягкая моделировка черт лица, тяжело-весность подбородка, мягкая улыбка, тронувшая губы, и целый ряд

¹ Совершенно аналогичные по орнаментам и технике обломки представлены в Крымском областном краеведческом музее, в отделе Кизил-кобинской культуры.

других стилистических признаков не позволяют датировать эту статуэтку позже середины IV века. При этом отнюдь не отрицается возможность датировать ее V веком. Вернее, конечно, не ее, а оригинал, с которого была снята форма этой статуэтки.

Кроме терракоты, найдены один фрагмент желобчатого калиптера и несколько обломков кровельной черепицы, так называемых соленов.

Таким образом, материал верхнего слоя некрополя позволяет точно установить время его существования и характер. По времени—это слой IV века, из которого наиболее ранние, единичные предметы заходят в конец V в., а наиболее поздние—к началу III в. Характерно отсутствие предметов и сосудов эллинистической эпохи III—II вв. В частности, интересно отметить целый ряд наблюдений в области керамики.

Среди обломков амфор преобладают амфоры гераклейского происхождения. Для кувшинов, во всех бесспорно установленных случаях, как простых, так и глазурованных характерно обязательное наличие кольцевой подставки и прикрепление ручек к краю венчика горла. Для так называемой лепной керамики характерны горшки с плоским дном и закраиной, немного отогнутой наружу, а также преобладание сосудов без лощения и посредственное выполнение последнего. Наличие обломков черепицы и самых разнообразных сосудов свидетельствует о том, что поблизости находится большое поселение городского типа, откуда и происходит весь материал.

Материал из насыпи могил, непосредственно над костями погребений, и с подошвы могил

Погребение № 2. Обломки трех амфор: днище амфоры херсонесского производства (?) по форме не старше IV в., а скорее середины этого века; 2 фрагмента венчиков амфор гераклейского происхождения; 2 фрагмента стенок кувшинов, один орнаментирован горизонтальными полосками; фрагмент закраины горшка типа кухонных сосудов с крышками, закраина над выступом для крышки высокая, отогнута наружу и с внешней стороны профилирована, что не обычно для этого типа сосудов эллинистической эпохи; фрагменты стенки чашечки с утолщенной закраиной, покрытой глазурью (?) красновато-коричневого тона. Черная глазурованная керамика представлена несколькими обломками киликов. Лак во всех случаях хорошего качества. Датировку, несмотря на очень малые размеры фрагментов, дает обломок дна на профилированной низкой подставке со следами орнамента на внутренней стороне. Полная аналогия ему—ольвийский килик первой половины IV в из коллекции Романченко¹. Второй фрагмент дна с уцелевшим орнаментальным ободком штампованных ов, выполненных небрежно в расстановке, но еще удлиненных пропорций и четких по рисунку, позволяет говорить о IV веке. Наконец, фрагмент закраины характерного профиля с растительным орнаментом белой краской по внутренней стороне датируется V—IV вв. К этому же времени относится и фрагмент реберчатого сосуда (канфара?). Профиль канелюров, качество густого черного лака без всяких оттенков позволяют приблизить его тоже к V веку. Несколько

¹ ИАК, в. 42, СПб. 1911, стр. 140, рис. 1—4. Близкую аналогию представляет килик, отсюда же, изданный Е. И. Леви (Ольвия т. 1, Киев, 1940, табл. XV, 1—2) и датируемый ею V в.

обломков сероглиняной глазурованной посуды и два фрагмента стенок „лепных“ сосудов (один лощеный) не вносят ничего нового в типологию сосудов и еще меньше пригодны для датировки.

Тем интереснее обломок терракотовой женской статуэтки (рис. 12, левый), от которой сохранилась верхняя часть фигуры. К сожалению, левое плечо, грудь и руки отбиты, лицо сильно затерто. Спина и затылок выполнены очень небрежно, грубо сглажены стилем по сырой глине. Прекрасно сохранились складки одежды на правой стороне груди. Черты лица, постановка головы и спокойно переданные складки одежды, несомненно, свидетельствуют о времени не позже IV века. При этом стилистическое выполнение складок скорее уводит к самому началу IV—концу V вв.

Материал с подошвы могилы погребения такой же, как по типу сосудов, так и по хронологии. Черной глазурованной посуды здесь найдено два фрагмента. Первый фрагмент закраина килика по форме относится к IV—III вв, однако, по качеству лака с наружной стороны вернее всего датировать ее концом IV века. Фрагмент дна второго сосуда хронологически тоже не выходит за пределы IV в. Остальные обломки вообще не позволяют говорить о каких-либо узких хронологических рамках и распределяются следующим образом: фрагмент закраины амфоры, 2 фрагмента стенок сероглиняных кувшинов, один из которых с серой глазурью, фрагмент дна на кольцевой подставке очень небольшого кувшина или флакона, снаружи покрытого красной глазурью (?) или глиной и, наконец, три фрагмента стенок лепных горшков.

Погребение № 3. Характер засыпи тот же, что и у предыдущего. Материал распределяется на две неравномерные группы: первая группа—вещи, связанные с погребением: килик и два кремневых орудия, вторая—многочисленные обломки различных сосудов, черепицы и штукатурки. Весь материал состоит из отдельных обломков, не составляющих цельных сосудов или предметов.

Первая группа. Килик на низкой профилированной кольцевой подставке с глубоким корпусом, тонкими стенками и краем, отогнутым слегка наружу (рис. 8). Ручки петлевидные, приподняты над краем килика. Внутри, на дне—орнамент в виде кружка из двойного ряда насечек, внутри которого небрежно отштампованы четыре пальметки крупного размера накрест. Килик полностью покрыт глазурью коричнево-черного цвета с многочисленными крупными пятнами красного цвета. Форма сосуда, тип ручек, техника и качество орнамента и глазури свидетельствуют о времени не старше конца IV века. Полную аналогию нашему сосуду дает килик из женского погребения¹ Р у хутора Марицына, которое датируется Эбертом IV—III в.¹

Вторая группа. 11 обломков амфор, из которых два дна, три ручки и закраина гераклейских амфор IV—III вв.² (рис. 9/3). Днище Синопской амфоры с короткой пожкой и широким туловом—того же времени³, (рис. 9 3). 2 фрагмента закраин и ручка, вероятно херсонесского производства и фрагмент ручки и закраины либо хиосского, либо самосского. 6 фрагментов кувшинов: закраина со следами прикрепления ручки к венчику кувшина, ручка с местом прикрепления

¹ М. Ebert, ук. работа, стр. 29, рис. 32, ¹ Pa.

² Там же, стр. 38, рис. 41, стр. 41, рис. 43, ⁴ Sp, ³ Bc и др.

³ Там же, стр. 27, рис. 28, ¹ Nc; стр. 41, рис. 43, ⁴ Sp. При этом, погреб. ¹ N хотя и датируется Эбертом IV в., однако, целый ряд предметов из него датируется им же IV—III в. Ср. погребение у дер. Петуховки: ³ X, ² V, ⁴ S.

к весичику, дно на кольцевой подставке и три фрагмента плечевой части кувшинов с орнаментом в полосу, краской. Чашки представлены 4 фрагментами. Из них один, с толстыми стенками с горизонтальной дуговидной ручкой, внутри покрытый глазурью (?) красного цвета, по глине и технике исполнения, вероятно, самосского происхождения. По форме и технике не моложе IV в. Вторая, тонкостенная с вертикальным бортом и чуть-чуть оттянутым наружу краем, покрыта внутри и снаружи глазурью скорее желтого, чем красного цвета с коричневыми пятнами. Как по форме, так и по качеству лака она старше III в., если не относится к бракованному или низкоортному экземпляру сосудов IV в.

Черная глазурованная посуда представлена тремя фрагментами киликов: фрагментом ручки—несомненно, краснофигурного килика V—IV вв. Фрагментом стенки килика с закраиной. Тонкие стенки, прекрасно выполненная закраина сосуда, хороший лак густого черного тона и качество глины свидетельствуют об аттическом происхождении сосуда эпохи V—первой половины IV вв. Наконец, фрагментом петлевидной ручки килика IV—III вв.

К группе сероглиняных сосудов с серой же глазурью относится фрагмент закраины кувшина, фрагмент т. н. рыбного блюда и фрагмент чашечки—„солонки“. По форме только последняя может быть хронологически определена и сближается уже с эллинистическим типом этих сосудов. Лепные сосуды представлены 2 обломками стенок, ручкой, 2 обломками вертикальных закраин горшков, слегка отогнутых наружу, и, наконец, фрагментом стенки чаши с закраиной. Чашка—плоскодонная, с расширяющимися кверху низкими бортами. Закраина—плоская, горизонтальная, внутренний ее край немного отянут внутрь. Поверхность внутри и снаружи, если не лощеная, то тщательно заглаженная. Помимо обломков различных сосудов, найден большой фрагмент солена с вертикальным бортом и небольшой обломок стеной штукатурки, окрашенной в желтый цвет.

Погребение № 4. Материал с подошвы могилы очень интересен для характеристики погребального обряда и этнической принадлежности покойника, но ничего не дал для датировки¹.

Погребение № 5. Как указывалось выше, погребение перекрыто более поздним погребением № 2. Вследствие этого материал из слоя между погребениями тщательно выбран для определения датировки того и другого. Амфоры представлены фрагментами стенок, из которых два фрагмента гераклеийской амфоры, один—синопской, два—хиосской или самосской и один фрагмент амфоры хиосского производства, датируемый Н. П. Кивокурцовым 330 г.² Из обломков кувшинов интересно отметить фрагмент дна на кольцевой подставке. Черная глазурованная посуда насчитывает два обломка. Из них один сероглиняный—закраина килика по профилю IV—III вв. однако в связи со специфичностью этой категории сосудов не представляется возможным уточнить его датировку. Второй обломок—придонная часть стенки килика или чашки—по качеству лака не может быть датирован старше второй половины IV в. „Лепные“ сосуды представлены 2 фрагментами стенок, закраиной и плоским дном горшка.

¹ См. описание погребения, стр. 76.

² Р. Б. Ахмеров. Амфоры древнегреческого Херсонеса, ВДИ, I. М.—Л., 1947 г стр. 174.

Материал из слоя непосредственно над костями погребения дал два обломка амфор, повидимому, гераклейского производства, фрагмент плеча кувшина, орнаментированного полосками красной и белой краски, фрагмент центральной части крышки кухонного горшка, Черная глазурованная посуда представлена фрагментами закраины килика с дугообразными горизонтальными ручками IV века, небольшим обломком дна килика (?) на высокой кольцевой подставке того же времени. Носик или сосок детского рожка, покрытого коричнево-бурой глазурью заставляет думать о второй половине IV в., если не о III веке. Кроме того, тут же было найдено дно светильника открытого типа на кольцевой подставке со втулкой в центре для насаживания на вертикальный стержень. Внутри, вокруг втулки—кружок, нанесенный глазурью коричневого цвета. О. Ф. Вальдгауэр датирует этот тип в пределах от VI до III в.¹

Погребение № 6. В подошве могилы погребения найдено несколько обломков различных сосудов. Среди них—фрагмент горла гераклейской амфоры с энглифическим клеймом IV—III вв. (рис. 10, внизу, левый), фрагмент дна чаши на кольцевой подставке, внутри которой на дне—широкая круговая полоска, сделанная красной краской; 4 фрагмента лепных сосудов, среди которых 2 закраины двух горшков, немного отогнутые наружу. Глазурованная посуда представлена одним фрагментом закраины килика, плечевой частью кувшина коринфской глины и одним фрагментом дна чаши на кольцевой подставке, серой глины, глазурь—черная с красным пятном. Даже это небольшое количество фрагментов позволяет говорить о дате не ниже рубежа IV—III вв.

Погребение № 7, почти полностью разрушенное, дало только 2 фрагмента амфоры фазосского (?) производства: дно с расширением на конце и фрагмент закраины горла с широким раструбом, с далеко отогнутым наружу краем. По форме дно и венчик датируются IV веком².

Погребение № 8. В засыпи могилы погребения, под костями, найдены многочисленные предметы и их обломки. Амфоры представлены: гераклейские (2 фрагмента горла с ручками), фазосские (дно² и фрагмент горла) и синопская—фрагмент днища (рис. 9/1). Среди нескольких обломков кувшинов имеются: дно на кольцевой подставке, фрагменты стенок, украшенных в полоску и растительным орнаментом, и 2 фрагмента закраины, покрытые красно-бурой глазурью. Фрагменты четырех чашек на кольцевых подставках, орнаментированных полосками по дну и краям. Кухонная посуда представлена двумя фрагментами закраин. Лепные сосуды, сделанные без употребления гончарного станка, представлены фрагментами стенок двух лощеных горшков. Один из них—с черной блестящей поверхностью. Найдено значительное количество черной глазурованной посуды: обломки киликов, фрагмент венчика пелики, фрагмент дна скифоса и другие мелкие, нехарактерные. Профиль дна скифоса и венчика пелики, штампованные пальметы на дне первого не оставляют сомнения в отношении их датировки IV в. до н. э. Сероглиняной, покрытой плохой черной глазурью посуды найдено три фраг-

¹ О. Вальдгауэр. Античные глиняные светильники, СПб, 1914, стр. 5, таб. 11 № 24.

² В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Левин, Е. Д. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекия, МИА СССР, вып. 4, М—Л, 1941, стр. 123, рис. 20, второе днище слева.

мента: край т. п. рыбного блюда, край чашки и край горла кувшина у места прикрепления ручки. Характерен обломок канфаровидного кубка, внутри покрытого жидкой глазурью коричневого цвета и снаружи орнаментированного полосками этой же глазури. Этого же типа сосуды и их обломки неоднократно встречались в Херсонесе в предыдущие годы и могут быть датированы V—IV вв. Три красно-фигурных обломка принадлежат разным сосудам. Два из них с изображением пальметы, повидимому, принадлежат арибалам. Третий—фрагмент стенки кратера у места прикрепления ручки с остатками изображения жещской (?) фигуры (правое плечо и часть прически). Как стиль пальметок, так и характер складок одежды фигуры кратера не позволяют датировать их старше IV в. Здесь же найдены 2 обломка светильников открытого типа, трехгранный бронзовый наконечник стрелы и медная монета херсонесского чекана IV—II вв. Таким образом, вся совокупность материала совершенно определенно датируется IV в., может быть, с небольшим расширением, как в сторону V, так и в сторону III в.

Наконец, хронологическая характеристика некрольного слоя может быть дополнена данными материала, найденного под погребениями. Материал представлен сравнительно небольшим количеством обломков керамики одного времени и свидетельствует о том, что некрополь этого района возник после образования культурного напластования спустя некоторое время после основания Херсонеса. Конкретно, под погребением № 3 найдены: фрагмент дна кувшина на высокой кольцевой подставке и 3 фрагмента стенок его же, покрытые снаружи жидкой коричнево-бурой глазурью с красным пятном, 2 фрагмента профилированных кольцевых подставок двух киликов. Характер профиля, качество черной глазури и техника выполнения, несомненно, свидетельствуют о времени не позже IV в. Здесь же найден обломок придонной части краснофигурного килика. Интересно, что два других обломка дна этого же сосуда найдены в засыпи могильной ямы погребения № 6, на расстоянии 1,5 м от погребения № 3. Все три фрагмента складываются в один обломок дна с частью стенок килика аттического производства. Кольцевая подставка сосуда отбита. Черная глазурь на внутренней стороне прекрасного черного тона, снаружи при выполнении краснофигурной живописи получила оливковый оттенок. Сохранилась часть пальметы с орнаментальными разводами слева. Дно ее снизу украшено двумя попарно расположенными концентрическими кругами. В каждой паре наружный круг очерчен широкой полоской, а внутренний—тонкой линией, обрамляющей первый. Внутри дно килика украшено штампованным орнаментом. Круг, заполненный примыкающими друг к другу овами, в центре, вокруг маленького кружка, накрест расположены пальметы, соединенные врезными линиями с центральным кружком. Стиль штампованных пальметок и ов, краснофигурного рисунка, орнаментация дна снизу и качество лака позволяют датировать сосуд V—IV вв., однако небрежное выполнение ов, пальметок, сдвинутых с диаметральными осей, и характер врезных линий скорее всего свидетельствуют уже о начале IV в.¹

Сохранившийся паскальный слой к СВ от погребения № 3 дал фрагмент закраины гераклейской амфоры, фрагмент закраины горла

¹ Ольвия, т. I. Киев, 1940, табл. XVI, 1 и табл. XVII, 1, сравнить технику выполнения штампованного орнамента.

кувшина того же самого, что над погребением, и фрагмент дна чашки на кольцевой подставке, орнаментированной двумя концентрическими кругами глазурью (?) красного цвета. В целом весь материал не может быть датирован позже IV века.

В слое под погребением № 4 не найдено вещей с определенными хронологическими признаками. Здесь обнаружены: фрагмент дна кувшина на кольцевой подставке, 2 фрагмента закраин двух других, покрытых коричнево-бурой глазурью, и фрагмент дна плоскодонного лепного горшка.

Под погребением № 5, в тонком наскальном слое, который местами являлся одновременно непосредственной подошвой—подсыпкой этого погребения, найдены: 2 фрагмента доньшек кувшинов на кольцевых подставках, фрагмент профилированной закраины чашечки на высокой ножке, покрытой глазурью красного цвета¹, четыре фрагмента закраин киликов, один сероглиняный, фрагмент придонной части килика со штампованным орнаментом на внутренней стороне. Дно украшено тремя концентрическими окружностями. Площадь внешней окружности до средней была заполнена тесно расположенными кружками, иногда находящими друг на друга, площадь средней окружности—дужками выпуклостью от центра, а внутренний центральный круг был целиком заполнен косой сеткой. Наружный профиль стенки, украшенной двумя рельефными линиями, характер орнамента, качество черной глазури и глина свидетельствуют об аттическом производстве первой половины IV в. Здесь же найден фрагмент нижней части краснофигурного сосуда закрытого типа на плоском дне. К сожалению, от изображения сохранилась столь незначительная часть, что судить о стиле невозможно. Профиль дна и качество глазури свидетельствуют о IV в. до н. э. Среди пяти обломков лепных сосудов—один фрагмент плоского дна и 2 фрагмента закраин горшков, немного отогнутых наружу. Очень интересна находка ракушки „каури“ (*Surgaea moneta*) с просверленным отверстием для нанизывания. Подобные привозные ракушки нечерноморского происхождения² очень часто встречались при раскопках таврских каменных ящиков³. Учитывая очень незначительную толщину наскального слоя, выше отмеченную, можно полагать, что эта ракушка, повидимому, принадлежит погребению № 5. В целом весь материал опять свидетельствует о поре не позже IV—середины IV в. до н. э. В слое под погребением № 6 найдено: фрагмент закраины сероглиняного кувшина, покрытого серой глазурью, фрагмент закраины килика по профилю и качеству черной глазури второй половины IV в., фрагмент дна килика или чашки на кольцевой подставке. Небрежное выполнение профилировки подставки, отсутствие орнамента с нижней стороны дна и штампованных украшений на внутренней, а также характер черной глазури свидетельствуют о второй половине IV в. до н. э. Фрагмент небольшой чашечки, так называемой солонки, с выпуклыми стенками и загнутым в середину краем, просто выполненной небольшой кольцевой подставкой и глазурью серого цвета датируется IV—III вв. Здесь же найден обломок венчика лепного горшка, орнаментированного по наружному краю глубокими

¹ См. стр. 81—82 настоящего сборника.

² За определение ракушки приношу благодарность научному сотруднику Севастопольской биологической станции Академии наук СССР Г. Н. Миронову.

³ Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины, ИАК, в. 30. СПб. 1909, стр. 127 и сл.

косыми насечками (рис. 11/3, внизу). В целом материал не выходит за пределы второй половины IV, рубежа IV—III вв. и хронологически совпадает с материалом с подошвы этого погребения, разобранным выше.

Под погребением № 7, как уже было указано выше, сохранившимся очень плохо, найдены фрагмент закраины гераклейской амфоры и днище второй, неопределенного производственного центра, по типу IV—III вв.

Наскальный слой под последним погребением—№ 8, кроме 3 фрагментов стенок кувшинов и фрагмента ручки килика дал фрагмент дна тарелки или блюда на массивной, гладкой кольцевой подставке. Тарелка была покрыта глазурью черного цвета хорошего качества. С внутренней стороны центральная часть дна вследствие недожиги имела красный цвет. Кольцевая подставка с внутренней стороны по этой же причине имела такой же цвет. Снизу дно орнаментировано кружком. У облома—остатки графити—буква дельта. По профилю, орнаментации нижней стороны дна и качеству лака фрагмент датируется IV, второй половиной IV в. Здесь же найден небольшой фрагмент стенки краснофигурного сосуда закрытого типа (арибала?) с изображением птицы (голубя?), выполненной накладной белой краской с пририсовкой деталей оперения желтой. По стилю росписи фрагмент может быть датирован IV веком.

Наскальный слой к ЮЗ от этого погребения представлен 3 фрагментами гераклейских амфор, из них два с ручками (рис. 9,4) и третий (рис. 10, верхний левый) с энглифическим клеймом; 2 фрагментами стенок кувшина с орнаментом в полоску, выполненным глазурью коричнево-бурого цвета, фрагмент дна чашки на кольцевой подставке с орнаментальным кольцом по центру по внутренней стороне, исполненным красной глазурью (?), и фрагмент закраины, вероятно, этой же чаши. Среди обломков черной глазурованной посуды обнаружены: дуговидная, горизонтальная ручка килика, закраина небольшой чашечки, придонная часть килика с остатками штампованного орнамента в виде ов и, наконец, фрагмент дна скифоса (?) крупных размеров. Второй обломок этого же дна, составляющий с первым одно целое, найден в засыпи могилы этого же погребения № 8. По дну вокруг несохранившейся центральной части размещен ряд пальметок, парно соединенных врезными линиями. Характер орнаментации и профиля обломков, а также качество глазури датирует их IV веком. Здесь же был найден обломок нижней части краснофигурного арибала без остатков росписи на сохранившихся стенках, в центре дна которого просверлено круглое отверстие.

Таким образом выявилась определенная хронологическая картина.

Верхний слой некрополя многочисленными находками датируется IV в. с преобладанием второй его половины и начала III в. Единичные экземпляры конца V и первой половиной IV в.—результат выброса из нижнего слоя при выкапывании могильных ям.

Засыпь могил сохраняет, примерно, тот же характер, с преобладанием более поздних находок, вплоть до начала III века в №№ 3,6 и 8 и более ранних—IV вв. №№ 2, 5 и 7. Это почти совпадает с последовательностью погребений в перечисленных могилах. Наконец, наскальный слой некрополя, подстилающий погребения, дал наиболее ранний материал, если и не V в., то во всяком случае первой половины IV в. Исключение представляет только материал под погребением № 6, который свидетельствует, что в конце IV—начале

III в., возможно, при приготовлении могилы для этого погребения наскальный слой погребения был нарушен.

Относительная и отчасти абсолютная датировка исследованных погребений представляется в следующем виде:

Наиболее позднее погребение № 1, которое датируется канфаровидным кубком III в., перекрывает и частично разрушает нижележащие погребения, датируемые второй половиной IV, рубежом IV—III вв.

Одновременное первое погребение № 2, расположенное с ним в одном ряду, с одинаковой ориентировкой и на одном уровне, также перекрывает нижележащее, которое не может быть датировано раньше середины IV в.

Ко второму, более раннему периоду, относятся погребения №№ 3, 4, 5, 6 и 8. Все они расположены на одном уровне, почти на самой скале. При этом погребения №№ 3, 4, 6 и 8 находятся в одном ряду и одинаково ориентированы головами в одну сторону. Кроме этого, при погребении № 3 найден килик конца IV или рубежа IV—III вв., а в погребении № 6 под черепом—фрагмент горла гераклейской амфоры с клеймом IV—III вв., фрагменты чернолаковой посуды рубежа IV—III вв. и монета, очевидно, херсонесского чекана, который вообще не заходит дальше середины IV века. В погребении № 8, наряду с обломками чернолаковых сосудов IV и конца IV в., найдена еще одна монета херсонесского чекана, суммарно датированная IV—II вв., хотя она не может быть моложе начала III века и старше середины IV в. Погребение № 5 не находится в одном ряду с выше разобранными и ориентировано головой в другую сторону (на восток), но наряду с двумя общими признаками, указанными выше, на основании монеты и обломков керамики в засыпи могилы также не может быть датировано раньше середины IV в.

Погребение № 7, почти целиком уничтоженное при сооружении рыбозасолочной цистерны первых веков II, э., не может быть датировано и отнесено к той или иной группе.

Остановлюсь на итогах и предварительных выводах, вытекающих из раскопок 1945 года:

1. Уточнена датировка некрополя на северном берегу Херсонеса. Начало существования его—не раньше середины IV века и конец—в начале III в.

2. Установлены два периода использования этого участка некрополя: первый—во второй половине и конце IV века, а второй—на рубеже IV—III, начале III в.

3. Зафиксирован, если не ошибаюсь, впервые случай коллективного захоронения (погребение № 3), в свете которого получает совершенно иное освещение целый ряд погребений из раскопок предшествующих лет.

4. Для всех погребений установлено наличие угольно-зольной подсыпки на подошве могилы. Кроме того, наличие морской гальки в погребениях №№ 1, 3, 4, 6 и 8, отсутствие ее в погребениях №№ 2, 5 и 7, от которых сохранились только ноги костяков, позволяет предположить, что галька насыпалась во все могилы, но, возможно, только под корпус покойника.

5. Зафиксированы два примера сосуществования различных видов трупоположения и переходных его форм. Так, в погребении № 3 верхний костяк лежал в вытянутом положении, а нижний—в ногах верхнего, в скорченном, что исключает возможность причисления первого, на основании его вытянутого положения к греческому

населению города. В погребении № 8 мы наблюдаем переход скорченного положения к вытянутому. Костяк полностью вытянут. Однако, древние таврские пережитки сохранены в накрест сложенных ногах и руках, закрывавших лицо покойника. Оба примера вместе с остальными погребениями и погребениями из раскопок 1936—1938 гг. свидетельствуют о развитии погребального обряда тавров—жителей Херсонеса.

6. В результате работ 1945 года можно считать установленным, что этот район некрополя принадлежал аборигенам Крыма—таврам, гражданам Херсонеса. Из восьми погребений пять свидетельствуют о таврском происхождении покойников по скорченному или полускорченному положению костяков (№№ 2, 3, 4, 6, 8). Помимо того, в погребении № 3 найден кремневый скребок и кремневый отщеп, в погребении № 4—кремневый скребок и красная краска, в погребении № 8—кремневый скребок. Грубые формы кремневых орудий совершенно не характерны для жителей цивилизованного города той эпохи. Эти ритуальные предметы, очевидно, не играли никакой роли в практической жизни, что находит полную аналогию хотя бы в погребениях эпохи бронзы Северного Кавказа¹. К сожалению, все находки сделаны, как правило, у костей левых рук, поэтому в погребениях, от которых сохранились только ноги, труднее ориентироваться, если они не скорчены. Тем не менее, при погребении № 5 в вытянутом положении найдена раковина (*Surgrea moneta*), характерная для погребений в каменных ящиках горного Крыма. Для погребений родового строя и эпохи бронзы весьма характерно наличие костей жертвенных животных, которые позволяют установить характер и виды разводимого скота. Естественно, что у прибрежных тавров, знаменитых мореходов и пиратов, рыболовство играло первостепенное значение в их экономике и не уступало скотоводству. Это нашло полное отражение в исследованных погребениях. В погребении № 1—раковина устрицы, челюсть дельфина, панцирные косточки камбалы, так называемые „жучки“; в погребении № 2—кости овцы и коровы и кости камбалы; в погребении № 3—раковины устрицы и мидии и камбальные „жучки“; в погребении № 6—кости овцы, коровы, птицы и 19 устричных створок, 2 камбальных „жучка“ и клешня краба; в погребении № 8—кости свиньи, овцы, птицы, 14 камбальных „жучков“ и позвонок дельфина. Таким образом, все погребения, не говоря уже об общей основе погребального обряда—угольно-зольной подсыпке и морской гальке на подошве могил, одним или несколькими признаками подтверждают вывод о принадлежности их таврскому населению города и в целом находят яркие аналогии в погребениях каменных ящиков горного Крыма.

7. Полученные результаты помогают осветить политическое положение тавров в Херсонесе. Они имели обширное кладбище между стеной города и северным берегом. Ассимиляция таврского и греческого населения еще незначительна, и они имеют обособленные некрополи². Таврский некрополь Херсонеса правильно распла-

¹ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий, — Могильник в г. Нальчике. Описание погребений. МИА СССР № 7, М.—Л, 1941, стр 70—94.

² Г. Д. Белов только на основании труположения подразделял погребения раскопок 1936 г. на соседнем участке на две группы: скорченные—тавры и вытянутые—греки, и весь некрополь считал „по преимуществу греческим“. (Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Крым, 1938 г., стр. 195 и 314). Раскопки 1945 г. заставляют полностью отказаться от этих выводов.

пирован, могилы расположены длинными систематическими рядами, свидетельствующими о постоянном наблюдении за порядком на некрополе. Указанные признаки исключают предположение о зависимом, а тем более рабском, положении таврского населения в городе. Наряду с этим наличие коллективного захоронения (погребение № 3), в свете которого целый ряд погребений из раскопок 1936 года тоже войдут в эту же группу, позволяет предположить, что один из погребенных оказался в могиле в силу культовых обрядов и верований. Это свидетельствует о том, что тавры могли выполнять свой религиозный древний обряд в „греческом“ городе, будучи не только свободными, как думает Г. Д. Белов¹, но и равноправными гражданами Херсонеса. Мало вероятно, чтобы греки, в противном случае, допустили существование этого обряда на территории своего города.

Задача дальнейших раскопок—на опыте раскопок 1945 года со всей научной тщательностью продолжить исследование этого важнейшего исторического памятника Херсонеса, подкрепить полученные выводы массовым материалом и окончательно опровергнуть устаревшие буржуазные установки о „чисто греческой“ культуре Херсонеса.

¹ Г. Д. Белов.— Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Крым, 1938 г., стр. 195.

С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

ЖЕРТВЕННИК ГЕРАКЛУ ИЗ т. н. СТРАБОНОВСКОГО
ХЕРСОНЕСА

По указанию Бертъе-Делагарда, в 1890 г. Косцюшко-Валюжинич предпринял раскопки на перешейке Маячного полуострова в т. н. Страбоновском Херсонесе. Раскопки полностью подтвердили мнение Бертъе-Делагарда о существовании города в указанном месте¹. Во время раскопок на острове в Казачьей бухте среди других памятников была найдена мраморная плита с рельефным изображением. Последнее истолковывалось самым различным образом. В изображении усматривали всадников-варваров, людей (скифов), лошадей и собак. В инвентарной книге ГХМ памятник имеет следующее описание: „Плита мраморная с отбитым одним концом. На малом крае следы орнамента“². В 1939 г. плита была обнаружена в фондах Херсонесского музея и после удаления покрывающего ее известкового раствора дала ясное изображение.

Памятник представляет собой значительный фрагмент плоской плиты жертвенника, посвященного Гераклу, с барельефным изображением на боковой узкой стороне. Наибольшая длина—0,8 м, наибольшая ширина—0,47 м, толщина—0,09 м. Выпуклость барельефа—0,5 см, местами уменьшается до 0,3—0,2 см. Материал—белый среднезернистый слоистый мрамор.

Плита была разбита еще в древности и неоднократно использовалась как строительный камень в монастыре св. Климента, на островке в Казачьей бухте. В последний раз она была вложена в стену, где и была обнаружена раскопками. Об этом свидетельствуют следы извести на всех сторонах плиты. До этого она продолжительное время служила порогом какого-то помещения, что можно заключить по характерной и значительной потертости ее верхней стороны у одного края. В сохранившихся местах на первоначальной поверхности жертвенника наблюдаются явные следы сильного воздействия огня. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что сооружение, в котором находился жертвенник, погибло от пожара.

Нижняя сторона жертвенника довольно тщательно выровнена и имеет ясные следы зубила. Верхняя сторона обрамлена по краю двойной рельефной кромкой, шириной в 6 см. Наружная кромка в виде полувалика, шириной 2 см, более выпуклая, чем внутренняя,

¹ ОАК за 1890, СПб, 1893 г., стр. 36—39; К. К. Косцюшко-Валюжинич. Важное археологическое открытие в Крыму, ИТУАК № 13, 1891, Симферополь, стр. 55—61. А. Л. Бертъе-Делагард. Раскопки Херсонеса МАР № 12, СПб, 8/3, стр. 55—64.

² ОАК за 1890 г., СПб, 1893, стр. 36, Бертъе-Делагард, там же, стр. 64; Косцюшко-Валюжинич, рукописные отчеты; Архив Гос Херсонесского Музея, дело № 1, Архив ИИМК, дело № 26 за 1890 г. Инвентарная книга ГХМ № 45/8.

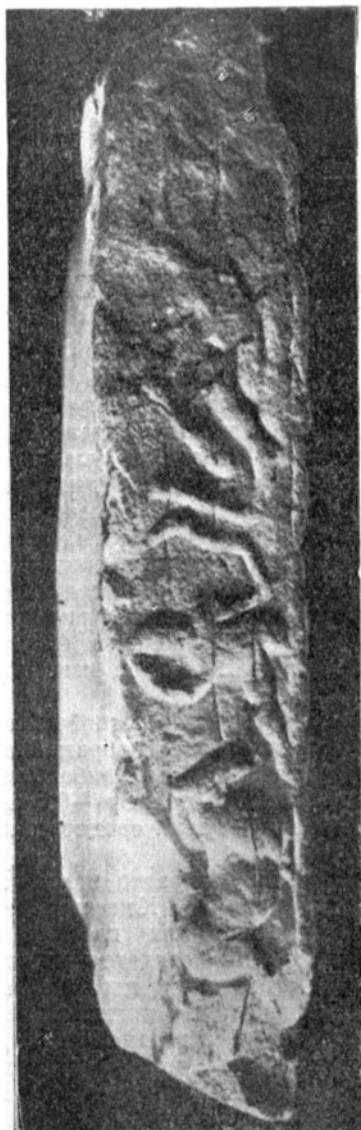

Рис. 1. Барельеф на боковой стороне жертвенника с изображением усмирения кобылиц Диомеда (слева) и отдыхающим Гераклом (справа).

сохранилась с правой стороны и частично с задней, где она стерта ногами во время использования плиты для порога. Левая сторона наискось обломана после упомянутого использования и не обработана. Лицевая сторона обрублена и грубо подтесана, повидимому, при закладке плиты в порог. Задняя сторона сохранила свою первоначальную поверхность. Она небрежно выровнена и у правого края имеет паз для шипа, при помощи которого вся плита прикреплялась к стене сооружения. О первоначальном происхождении этого паза, возможно, свидетельствуют те же следы воздействия огня на мрамор. Наконец, на правой стороне, по ее узкому ребру, находится рельефное изображение (рис. 1).

Барельеф сверху и снизу по краям плиты окаймлен узкой рельефной рамкой 0,8 см ширины. Верхняя рамка оббита. Изображение представляет отдыхающего Геракла и один из его подвигов. С правой стороны композиции изображен отдыхающий Геракл. Он возлежит на левом боку, опираясь левой рукой о скалу. Правая нога полусогнута в колене и свободно лежит на левой. В правой руке Геракл держит навесу палицу. Вся верхняя часть его фигуры откололась, однако скол настолько тонкий, что позволяет свободно установить общие пропорции тела, положение фигуры, правой руки и головы.

Слева от отдыхающего Геракла изображен один из его подвигов — борьба с кобылицами Диомеда. Геракл показан в фас, стоящим на левом колене. Правая нога вытянута вправо. Левая рука отстранена немного от туловища. Правой рукой он замахивается на кобылицу, упавшую перед ним на колени передних ног. Несмотря на потертость, можно установить, что голова Геракла с широкой окладистой бородой и гу-

стой шапкой волос дана в фас. В правой руке Геракл держит предмет, конец которого свесился и слился с головой, создавая впечатление остроконечного головного убора. Однако, асимметричное расположение выступа, образовавшегося над головой, при строгой фронтальности всей фигуры противоречит этому впечатлению

Косцюшко-Валюжинича. В руке Геракл держит плеть на короткой рукоятке, а не палицу. Об этом говорит как форма самого предмета, так и паличие палицы в числе атрибутов, изображенных с правой стороны героя. Свесившийся конец плети создает впечатление остроконечного головного убора. Впечатление это усиливается вследствие сильной изношенности и затертости изображения. Подобная плеть изображена на медальоне из Неаполя, где изумительно хорошо и реалистично выполнена группа: провинившийся младенец Дионис перед сидящим с плетью в руке Силеном¹. Еще важнее паличие подобной же плети в руке Геракла, усмиряющего кобылиц Диомеда, в изображении на постаменте бронзовой статуэтки Геракла-младенца со змеями в руках². Кобылица изображена головой вправо и стоит на коленях перед Гераклом. На барельефе—это лучшее по своей сохранности изображение (отбита только нижняя часть задних ног и хвост). Хорошо переданы гладкие и упитанные формы сильного тела, отчетливо выражены копыто и бабка передней ноги, коротко подстриженная грива и маленькие уши. Мускулатура передана мягко, линии тела округлы и пластичны. Направо от описанной композиции изображены лук и палица—атрибуты, принадлежащие борющемуся Гераклу. Сюжет композиции настолько ясен, что не оставляет никакого сомнения относительно его содержания.

Мы имеем „новый“ памятник с изображением подвигов Геракла, памятник, от которого сохранилась только незначительная часть. Перед нами—верхняя плита жертвенника прямоугольной формы, сверху, по краю, обрамленная двойной рельефной кромкой. С трех сторон, по боковым узким сторонам, жертвенник был украшен изображениями подвигов Геракла. Четвертой, длинной стороной он укреплялся в стене сооружения, о назначении которого мы будем говорить ниже. Несмотря на сильную поврежденность, памятник можно сравнить с другими и провести стилистический анализ.

Среди античных памятников, помимо описываемого, нами прослежено 22 изображения отдыхающего Геракла. По своей композиции они очень близки друг к другу. Во всех случаях, кроме двух³, Геракл лежит на левом боку, опираясь на левую руку, с подогнутой левой ногой под правую—поза наиболее привычная и удобная для человека, возлежащего за столом, и, естественно, воспринятая художниками при изображении отдыхающего Геракла. Однако, при сходстве основы композиции, данный памятник отличается от остальных. Ни на одном из них мы не наблюдаем, чтобы Геракл держал палицу навесу.

Несмотря на сильное повреждение, достаточно отчетливо проступает пластическое выполнение свободно возлежащей фигуры Геракла. На сохранившейся части изображения обращает на себя внимание длинная ступня с подчеркнутой нижней линией (к сожалению, на фотоснимке ступня плохо передана). Подобное выполнение наиболее характерно для ранних памятников греческой скульптуры и стилистически уводит в архаику⁴. В V в. эта черта смягчается, и стилистически ступня на описываемом изображении приближается к памят-

¹ S. Reinach *Répertoire de Reliefs etc.*, Paris, 1912, t. III, p. 66, f. 5.

² *Raccolta de più belli ed interessanti Dipinti, Musei ed altri monumenti etc.*, Napoli, 1871, таблица 34.

³ *Jahr. A. I*, 1933, В. 48, Н. 1—2, s. 87; S. Reinach, *ib.* Paris, 1912, t. II, p. 477, f. I. В этих случаях Геракл изображен влево, на правом боку.

⁴ S. Reinach, *ib.* Paris. 1909, t. I, p. 123. Сокровищница афинян в Дельфах. J. Overbeck, *Gesch. d. griech. Plas.*, В I⁴, Leipzig, 1894, S. 223—архаические рельефы со Фасоса. Они же и еще один у S. Reinach'a, *ib.*, стр. 426.

никам этого времени¹. Подобная же манера выполнения ступни наблюдается в вазовой живописи². Вторая композиция—борьба Геракла с кобылицами Диомеда—близкой аналогии не имеет. Чтобы не измелчить изображений, художник, ограниченный узким пространством боковой стороны плиты жертвенника, поступил очень продуманно. Лошадь и Геракла он поставил на колени и тем сохранил единые размеры изображений на всем памятнике. К сожалению, сильная потертость, воздействие огня и трещины, пересекающие изображение, не позволяют произвести анализ деталей и заставляют ограничиться только общими контурами и пропорциями фигур. Фигуры Геракла и лошади переданы пластично и округло. Особенно хорошо это видно в фигуре лошади, вследствие лучшей ее сохранности. Однако, в изображении Геракла еще сквозит некоторая угловатость. Обращает на себя внимание его фронтальное расположение, строгая вытянутость правой ноги, граничащая со схематизмом. И все же, несмотря на указанные черты, присущие более ранним памятникам греческой скульптуры, основным содержанием фигуры борющегося Геракла является „спокойная простота и безмолвное величие“, черты, присущие памятникам лучшей поры греческого искусства.

Что касается лошади, то ей присущи те же черты, что и обеим фигурам Геракла: пластичность, округленность форм, хорошие пропорции и четкость в передаче отдельных частей тела. Несмотря на покорность и спокойствие, выраженные в постановке фигуры, лошадь полна кипучей, дикой силы, уступающей только силе Геракла. Это хорошо подчеркнуто угрожающим и предостерегающим жестом Геракла в ее сторону. Стилистически лошадь имеет многочисленные аналогии среди памятников V—IV вв.³ Особенно близка к ней лошадь с надгробного памятника Дексилая⁴ и лошади базы надгробной стелы, найденной в Афинах в 1931 г.⁵ Первый памятник датируется началом IV в. (394 г.)⁶, второй—синхроничен первому.

Вся композиция нашего памятника дышит спокойствием и той подкупающей простотой, которые так характерны для греческого искусства лучшей его поры и которые так хорошо подмечены А. М. Горьким⁷.

Мы имеем на сохранившейся части памятника завершение всей композиции изображения подвигов Геракла. Разместив отдыхающего Геракла в правом углу, художник не только отмечает заслуженный отдых после многочисленных трудов, но и удачно заканчивает всю композицию. Подобное расположение возлежащих или отдыхающих

¹ О. Ф. Вальдгауер Эрмитаж, античная скульптура и вазы. См. прил. изображения в Ом также любой альбом с вазовой живописью.

² J. Overbeck. Там же, главы, посвященные рельефам храма Зевса в Олимпии, Парфенона и примыкающим к нему памятникам, храмовым фризам Фигалли и т. д. M. Collignon, G.-sch. d. griech. Plis. I и II том, Strassburg, 1897—1898, главы, посвященные этим памятникам. Любое другое издание.

³ M. Collignon. Там же, т. II, стр. 201, 203, 239, 242, главы, посвященные Парфенону, храму Тесея, Ники. R. Kekule v. Stradonitz, Die Griech. Skulpt., Hand. d. Staat. Mus. zu Berlin. Dritte Auflage, ss. 112, 167, 303 etc. G. Rodenwald, Relief b. d. Griechen. Taf. 34—37, 46, 47, 86, 106. W. H. Schuchhardt. Die Friese d. Nereiden—Monumentes. A. M., 1927, B. LII, ss. 94—161. G. Karo, Archäologische Funde vom Sommer 1930 bis Juni 1931. Arch. Anz., 1931, I/II, ss. 218—222. H. Speier, Zweifiguren-Gruppen in fünften u. vierten Jahrhundert vor Christus. R. M. 1932, B. 47, 1—2, ss. 1—94, Taf. 19/I.

⁴ Collignon, ib., B. II, s. 201, fig. 81. H. Speier, ib., R. M., 1923, B. 47, 1—2, taf. 19/I.

⁵ G. Karo, ib., Arch. Anz., 1931. I/II, ss. 218—222, fig. 1—3.

⁶ H. Speier, ib. s. 91.

⁷ М. Горький. Херсонес Таврический. «Исторический журнал», 1938, 3, стр. 45.

фигур по краям композиции можно указать на фронтонах храмов, на боковой стороне крышки саркофага с подвигами Геракла, где изображен либо отдыхающий, либо сидящий герой и около него — Ника и Афина¹, на боковой стороне крышки саркофага с подвигами Геракла, где начало и конец композиции завершены возлежащими фигу-

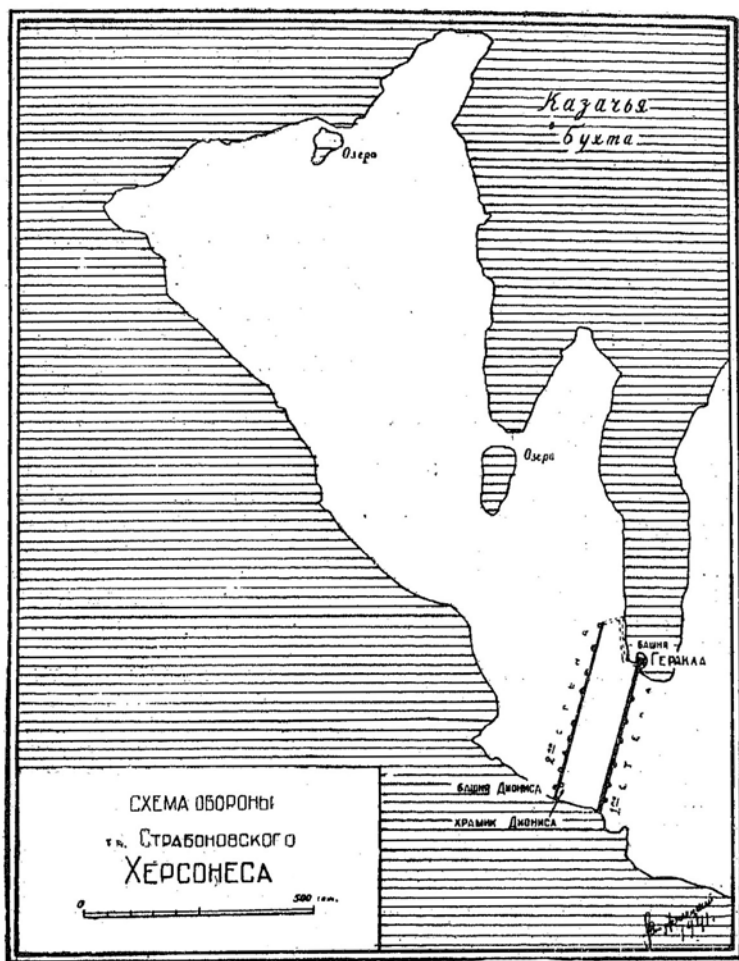

Рис. 2.

рами, одна из которых изображает Геракла². Таким образом, и этот вывод подкрепляет наше положение о типе жертвенника. На основе стилистического анализа мы считаем возможным датировать жертвенник последней четвертью V века и не позже первого десятилетия IV века

¹ S. Reinach, ib. Paris, 1912, t. II, p. 475/1.

² Там же, Paris, 1912, т. III, стр. 342. Оба саркофага издавалъ Robert'ом в его работе „Die antiken Sarkophagreliefs“.

до н. э. В пользу V века свидетельствует целый ряд указанных выше архаизирующих признаков. Судя по выполнению, рельеф является созданием рук хорошего мастера, несомненно, знакомого с лучшими произведениями своей эпохи.

Вернемся теперь к археологической ситуации, сопровождавшей описываемый жертвенник. Последний был найден в средневековом монастыре и использован как строительный материал. Косцюшко-Валюжинич считал, что все мраморы были занесены сюда „из соседних развалин древнегреческого поселения“¹. Однако, сам монастырь построен на развалинах древнегреческой правофланговой башни оборонительных стен т. н. Страбоновского Херсонеса.

Одновременно, по указанию Бертье-Делагарда, велась раскопки по соседству с островком. Раскопками обнаружены две боевые стены, жилые помещения и храмик, посвященный Дионису. Прилагаем схему обороны этого поселения (см. рис. 2), восстановленную на основании описания и цифровых данных в архивных отчетах Косцюшко-Валюжинича², сверенных с планом, изданным Печенкиным³. Храмик Диониса непосредственно примыкает к первой башне (счет со стороны открытого моря) второй оборонительной стены и связан с нею (см. рис. 3). В храмике найден жертвенник, верхняя плита которого имела надпись по узкому ее ребру—ΔΙ—ΝΥΣΙ—. Позади жертвенника—пьедестал для несохранившейся статуэтки бога Диониса. Перед жертвенником—очаг, несомненно, культового назначения, из плит, поставленных на ребро⁴.

Подобный очажок найден в одной из башен этой же стены и в жилом доме⁵. Кроме того, во второй башне этой же стены „в нише, иссеченной в скале, две плиты, поставленные на ребро, покрыты третьей“⁶. Таким образом, мы имеем в одной из башен остаток жертвенника, в другой—культовый очаг; первая башня имела связанный с нею храмик с жертвенником, культовым очагом и пьедесталом для статуэтки бога. Это наводит на вопрос о том, не имели ли подобных жертвенников и остальные башни?

Прежде чем ответить на него, вернемся к храмику, его датировке и датировке раскопанных сооружений. Косцюшко-Валюжинич называет храмик „походным“, „убогим“⁷, „весьма жалким“⁸, но нигде не дает прямой датировки. Бертье-Делагард, характеризую этот храмик в выражениях, обычных для определения памятников Херсонеса, говорит: „...он, конечно, позднейший, вероятно, сделанный какой-нибудь деревенщиной, уже после запустения города...“⁹. Как видно, высказывание его достаточно неопределенно в отношении датировки. В следующей работе, изданной через 14 лет, это „запустение города“ датируется им не раньше I в. до н. э.¹⁰ Несколькo определеннее датировка посвячительной надписи на жертвеннике. В. В. Латышев

¹ Архив ГХМ, дело № 1. Отчет. Архив ИИМК, дело № 26, 1890 г. То же самое.

² Там же.

³ Н. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбоновского Херсонеса ИАК, в. 42, СПб, 1911, стр. 108—126.

⁴ Подробное описание см. в работах и рукописях, указанных в начале статьи

⁵ ОАК за 1890, СПб, 1893, стр. 38.

⁶ Архив ГХМ, дело № 1.

⁷ ИТУАК, № 13, Симферополь, 1891, стр. 60.

⁸ Архив ГХМ, дело № 1.

⁹ МАР, № 12, СПб, 1893, стр. 57.

¹⁰ ИАК, в. 21. СПб, 1907, стр. 207.

датирует ее римским временем, однако, дважды оговаривается:— „Litterarum formae, si quidem recte eas Kosciuszko excerptit, Romanam produnt aetatem“¹ и выше, объясняя причину позднего опубликования ее, говорит, что, когда он специально приезжал в Херсонесский музей в 1899 и 1902 гг. для проверки надписей, он этой надписи не видел². Из архивного отчета мы узнаем, что постамент и жертвенник с надписью, оставленные на месте³, там и погибли. Вследствие

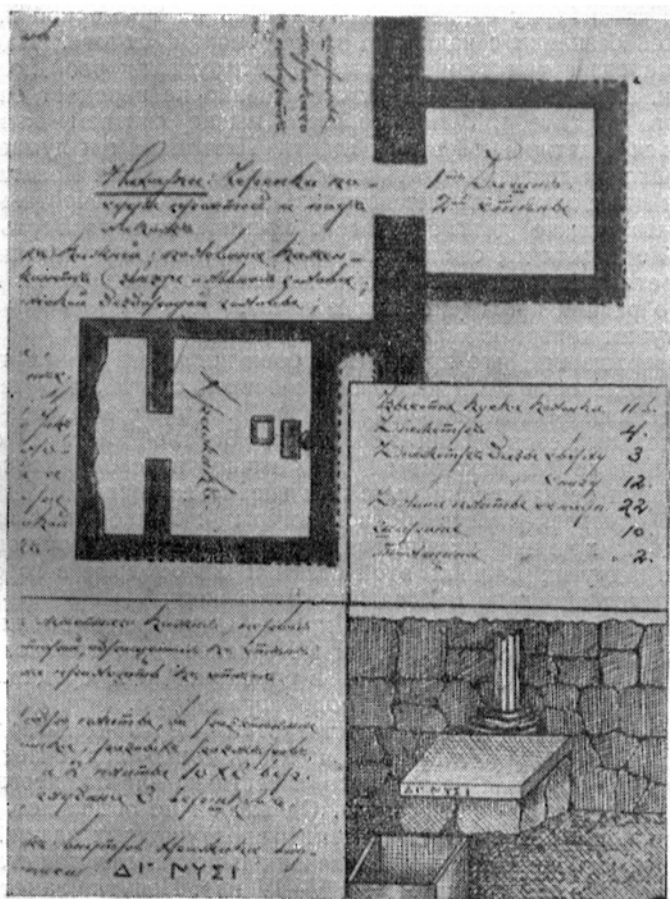

Рис. 3. План храмика и вид его жертвенника. (Репродукция из рукописного отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича 1889 г.).

этого Латышев вынужден был удовлетвориться той записью Косцюшко-Валюжинича, которую нашел в отчете архива Археологической комиссии.

На основании проверки мы утверждаем, что Латышев был введен в заблуждение этой записью. Нами просмотрен целый ряд надписей,

¹ Ios PE, I², № 706.

² Там же.

³ Архив ГХМ, дело № 1,

начертанных Косцюшко-Валюжиничем в его рукописных отчетах и описях материала, и установлена условность греческого шрифта, которым он писал. Надписи, начиная с IV века до н. э. и кончая позднеримскими, передаются одним шрифтом¹. Более того, надписи клейм на амфорных ручках, независимо от происхождения амфор, тоже переданы тем же шрифтом, что и надписи на памятниках. Однако, всем известно значительное, а иногда и очень большое различие в шрифтах родосских, синопских, херсонесских и т. п. ручек². Наконец, на выборку сопоставлена надпись на мраморной плите из Уваровской базилики с надписью в рукописном отчете. Надпись в отчете³ передана тем же шрифтом, но датируется первой половиной II в. до н. э., и, конечно, шрифт совершенно не передает ее действительного характера. Таким образом, мы не считаем возможным согласиться с датировкой этой надписи Латышевым и думаем, что не случайно он дважды оговаривается при ее издании. Полагаем, что при этой датировке Латышев исходил не только из начертания букв, но учитывал также датировку всего храма, данную Бертье-Делагардом; последняя же сделана на основе общего впечатления, а не на конкретном исследовании. В действительности все факты говорят как раз о раннем происхождении храма.

Приступим теперь к анализу этих фактов.

1. Утверждается, что храм построен после запустения города⁴. В действительности же храм связан с боевой стеной, что видно из плана Косцюшко-Валюжинича (см. рис. 3). Эту стену, как и все оборонительные сооружения поселения, Бертье-Делагард считает древней и даже не находит ей аналогичной в новом Херсонесе⁵. В отношении ее датировки мы с ним вполне согласны.

2. На одновременность боевой стены с башней и связанного с последней храма указывает находка таких же культовых памятников в других башнях этой стены и жилом доме в городе. На это обращает внимание и Косцюшко-Валюжинич⁶.

3. Характер кладки стен этого храма (нечто вроде „полигональной“ кладки) (см. рис. 3), известен в Херсонесе для стен конца IV в. и самого начала III в. до н. э. Ни в римском, ни в средневековом периоде мы не знаем ни одного подобного случая.

4. Базу и колонну пьедестала статуэтки Бертье-Делагард датирует как очень ранние⁷. Тут же он очень тонко подмечает, что и одна и другая сделаны из местного известняка — черта, характерная для ранних памятников Херсонеса. Однако, он не объясняет, на каком основании он их считает взятыми из разрушенных зданий. Больше того, по своему стилю и жертвенник и постамент для статуэтки имеют многочисленные аналогии в V—IV вв.⁸. Попутно заметим, что у пьедестала недостает капители — базы статуэтки.

5. Возникает вопрос, как могло случиться, что в храме, который так хорошо сохранился и которым, несомненно, пользовались, не найдено никаких признаков вещей, относящихся к римскому времени.

¹ Архив ГХМ, дело № 17, 18, 19 и др.

² Там же, дело № 35 и др.

³ Там же, дело № 19; *Ios PE I* № 414; *МАР*, № 9, СПб, 1892, стр. 25—26.

⁴ *МАР* № 12, СПб, 1893, стр. 57.

⁵ *ИАК*, в. 21, СПб, 1907, стр. 195.

⁶ См. выше, стр. 102 настоящего сборника.

⁷ *МАР*, № 12, СПб, 1893, стр. 57.

⁸ S. Reinach. *Répertoire des Vases etc.*, t. I, Paris, 1930, p. 358; t. II, Paris, 1931, p. p. 180, 286, 287. Количество аналогий может быть значительно увеличено,

Мы полагаем, что случилось это потому, что в римское время он уже не существовал.

6. И, наконец, все находки этой археологической кампании относятся только к эллинистическому периоду. То же относится и к монетам, которые, судя по их описанию, относятся к IV—III вв. до н. э. Это обстоятельство настолько бросилось в глаза, что было отмечено и Косцюшко-Валюжиничем¹, и в печатном отчете², и Бертье-Делагардом³.

Все выше изложенное заставляет нас пересмотреть датировку и считать, что храмик сооружен одновременно с постройкой боевых стен поселения у Казачьей бухты. По строительной технике, стилю всего памятника в целом и его деталей, на основании всей совокупности археологических находок храмик нельзя датировать позже IV в. до н. э.

На вопрос о существовании жертвенников в других башнях считаем возможным ответить утвердительно. Если же это так, то не принадлежит ли наш жертвенник, посвященный Гераклу, левофланговой башне всей оборонительной системы поселения у Камышевой бухты? И дальше. Не назывались ли башни этого поселения именами тех богов, под покровительство которых они были отданы? Зная обычаи, существовавший в древние и средние века, давать названия башням, на последний вопрос, несомненно, можно ответить утвердительно. Больше того, при проверке этого предположения мы сразу же натолкнулись на поразительную аналогию. В Ольвии фланговая башня на берегу Буга называется Геракловой⁴. Можно смело высказаться за то, что и херсонеситы поручили свою наиболее важную башню покровительству своего заступника Геракла, культ которого был так сильно развит в Херсонесе. Не случайно и то, что вторая фланговая башня на другом конце обороны поручена покровительству бога Диониса, культ которого играл очень важную роль в общественной и частной жизни херсонеситов. Об этом свидетельствуют эпиграфические данные, многочисленные памятники искусства и, наконец, виноградарство, как основа всей сельскохозяйственной деятельности античного Херсонеса.

Таким образом, можно почти безошибочно восстановить названия двух башен стен Страбоновского Херсонеса: башни Диониса, с левого фланга, и башни Геракла, с левого же, но передовой стены.

Возвращаясь к жертвеннику Геракла, остается сказать, что он сделан хорошим мастером, который, несомненно, был знаком с лучшими образцами скульптуры и в своем произведении отразил влияние эпохи. Где работал этот мастер, трудно сказать; вполне возможно, что и в Херсонесе. Был ли он сам херсонеситом, установить трудно, ввиду привозного характера материала, из которого сделан жертвенник⁵.

Однако, ряд данных скорее свидетельствует о том, что памятник сделан на месте. Специальный характер жертвенника, предназначенного для определенной башни, трехсторонний характер его, связанный с положением в башне, паз на задней стороне

¹ ИТУАК, № 13, Симферополь, 1891, стр. 60—61; Архив ГХМ, дело № 1.

² ОАК за 1890 г., Спб. 1893, стр. 39.

³ МАР, № 12. Спб. 1893, стр. 56—57; ИАК, в. 21, Спб. 1917, стр. 207.

⁴ Ios PE, I, № 179. В. В. Латышев, Ольвия, Спб. 1887, стр. 108 и 109.

⁵ Однако плохое качество мрамора — наличие в нем трещин — скорее позволяет предполагать, что скульптор вынужден был его использовать за неимением другого. В самой Греции при обилии мрамора это маловероятно.

для укрепления в стене—все это как-будто говорит за местное изготовление, но нельзя отрицать, что все это могло быть учтено и при заказе на сторону. Конечно, если бы памятник был плохого исполнения, то „местное, провинциальное“ выполнение было бы очевидно. Поэтому категорически утверждать местное происхождение описываемого памятника мы не можем, но обращаем внимание на тот факт, что Херсонес имел памятники первоклассных художников своего времени. Об этом свидетельствуют эпиграфические данные¹ и фрагменты подобных памятников в фондах музея. Явно тенденциозное мнение Бертье-Делагарда по этому вопросу² еще при его жизни устарело. В настоящее время оно даже не требует возражения. Гораздо важнее то обстоятельство, что в фондах имеются памятники несомненно отличных художников, работавших в Херсонесе на местном известняковом материале. К этим памятникам относятся прекрасные полихромные акротерии, не уступающие аттическим, фрагменты надгробной стелы V—IV вв. с изображением воина с копьем в правой руке, фрагмент сильно поврежденной мужской головы и, наконец, фрагмент эллинистического барельефа с изображением стоящего Геракла, опирающегося правой рукой на палицу. Все эти памятники, отличающиеся высоким мастерством исполнения, позволяют утверждать, что в Херсонесе жили отличные мастера. Предполагают, что эти художники только временно наезжали в Херсонес, но такое предположение нам кажется мало убедительным. Об этом свидетельствуют многочисленные чеканы херсонесских монет, несомненно, изготовлявшихся в Херсонесе и не уступающих лучшим греческим образцам. Это красноречиво говорит о том, что и здесь жили хорошие мастера. Утверждая вышеуказанное, мы вовсе не пытаемся изобразить Херсонес как особый, ведущий центр в общегреческом развитии искусства и в частности скульптуры. Мы утверждаем, что в Херсонесе греческое искусство стояло не ниже, чем в других областях древнего мира, что мастера греческого искусства в Херсонесе были тесно связаны с передовыми школами Греции и отражали их влияние, хотя; повидимому, несколько отставали от ведущих центров, что и отразилось в архаизирующих чертах издаваемого памятника.

Резюмируя изложенное, мы приходили к следующим выводам:

1. На основании стилистического анализа описываемый памятник датируется последней четвертью V в. и не позже первого десятилетия IV в. до н. э. Эта датировка подтверждается совокупностью археологических данных, связанных с жертвенником. Не имея возможности, за отсутствием бесспорных фактов, утверждать местное, т. е. херсонесское происхождение памятника, мы все же считаем весьма вероятным такое предположение на основании целого ряда косвенных данных. Вне зависимости от места производства, этот памятник—несомненно творение хорошего мастера, знакомого с лучшими произведениями своей эпохи.

2. Анализ археологических находок, связанных с оборонительной системой т. н. Страбововского Херсонеса, и сопоставление последней с подобными сооружениями других городов позволяет вскрыть „эпиграфическое“ значение описываемого барельефа и предположительно восстановить название двух башен: башни Геракла и башни Диониса.

¹ В. В. Латышев, МАР, № 9, СПб, 1892, стр. 24—25, № 6; Ios PE, I² № 406 и № 423. См. там же ссылку на Леви.

² А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, в. 21, СПб. 1907, стр. 199—200.

С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

КАМЫШЕВСКИЙ КЛАД АНТИЧНЫХ МОНЕТ
ХЕРСОНЕСА

24 июня 1945 года ученица 1-го класса Таня Бычкова, посетившая Херсонесский музей, сообщила, что у нее имеются точно такие монеты, как выставленные в витрине Античного отдела. По просьбе работниц музея она обещала принести свои. На следующее воскресенье, 1-го июля, она свое обещание сдержала. Как потом выяснилось, эти монеты она получила у своего сверстника, обладателя целой противогазной коробки таких же монет.

Отец девочки, инженер В. С. Бычков, сказал нам, что монеты были найдены рабочим „Севастопольстроя“ И. Г. Юрченко при следующих обстоятельствах. Летом 1944 года, после освобождения Севастополя, Юрченко и его товарищ Васильев ехали на участок в Казачью бухту. Не доезжая Камышевой бухты, они разговорились с бойцами трофейной команды, которые рассказали им, что при сборе трофейного имущества они наткнулись неподалеку, в окопе, на клад старинных монет. Юрченко и Васильев пошли посмотреть окоп и нашли там разбитый кувшин и рассыпанные монеты. Обломки кувшина они бросили, а монеты собрали. Медные монеты Юрченко отдал своему маленькому сыну для забавы, а серебряные сохранил. Часть монет была им затем раздарена и попала к Бычкову. У Быčkova я получил десятка два медных и четыре серебряных дидрахмы с головой Геракла. Серебряных монет у Быčkova было больше десятка, но он их тоже раздарил, а одну серебряную тетрадрахму оставил себе¹. Юрченко свои монеты отдал мне, и они вместе с монетами Быčkova поступили в нумизматическое собрание музея.

При содействии В. С. Быčkova на следующий день, 2 июля, вместе с т. Юрченко я выехал на место паходки клада и, установив его точное местонахождение, собрал обломки кувшина и оставшиеся монеты.

Клад найден в индивидуальном окопе Великой Отечественной войны, длиной 1,10 м, шириной 0,55 м и глубиной 0,40—0,45 м. Подошва окопа—материковая скала. Ориентировка к севера на юг. Окоп вырыт на водоразделе восточного склона Камышевой бухты и западного склона балки, впадающей в Круглую бухту, вблизи высотной отметки 21 саж. над уровнем моря на верстовке 1920 г. (Севастопольское градоначальство, лист XVII—8). На восток, до берега Камышевой бухты—350—360 саженьей. Южнее окопа расположено несколько долговременных немецких укрытий. К западу от окопа,

¹ Эта монета описана в статье А. К. Тахтая, Бычков передал в музей гальванопластические копии обеих сторон монеты.

на расстоянии 3—4 м, находится вал—межа древнего виноградника, направлением Ю—С. В 4—4,5 м к ЮЗ от окопа—воронка от небольшой авиабомбы, хвостовая часть которой находилась тут же.

Клад находился в кувшине, часть горла которого была срезана при рытье западной стенки окопа. Положение кувшина в земле точно определяется пустотой в западном обрезе окопа, откуда кувшин был вынут. Кувшин находился на глубине 0,30 м, на боку, горло было немного приподнято вверх. Толщина насыпи от современной поверхности до кувшина—0,10—0,15 м. Мною было тщательно осмотрено все пространство вокруг окопа и его подошва. Найдены многочисленные обломки разбитого одноручного кувшина и 82 монеты—59 медных и 23 серебряных. В земле, на подошве окопа, найдены две медные монеты и одна серебряная с головой Геракла. Земля, выброшенная наружу при рытье окопа, была мной перебрана, и в ней найдены две медных монеты и обломки венчика кувшина. 67 монет (55 медных и 12 серебряных), рассыпанные бойцами трофейной команды и рабочими „Севастопольстрой“, найдены на краю окопа с южной стороны. В выкинутой из окопа земле, кроме того, найдены два обломка бутылок войны 1854—55 гг. и осколки авиабомбы.

Место вокруг найденного клада было проверено специальными раскопками. Мною был заложен квадрат 0,75×0,75 м вдоль западного обреза окопа. Местоположение клада находилось в середине восточной стороны заложенного квадрата. Разведка производилась до материковой скалы. Глубина почвенного слоя та же, что в окопе—0,40—0,45 м. Никаких следов культурных остатков не было обнаружено, а поэтому дальнейшие разведочные работы были прекращены.

Кувшин, в котором находился клад, склеен реставратором музея О. Л. Скляренко. Высота кувшина—0,248 м. Наибольший диаметр по корпусу снаружи—0,164 м, диаметр горла—0,094 м, венчика по наружному краю—0,1 м, дна по подставке—0,096 м (рис. 1). Кувшин одноручный с горлом средней высоты, недостает только небольших кусочков тонкостенного горла. Венчик отогнут наружу. Под венчиком, по горлу,—небольшое утолщение рубчиком. Горло постепенно переходит в округлое плечо корпуса, который ко дну сужается. Линия профиля слегка выпуклая. Дно с плоской подставкой, немного вогнутой снизу. В центре—плоское углубление округлой формы, глубиной около 0,001 м. Наружный профиль подставки—двухгранный, с мягким переломом. Ручка в сечении плоско-овальная с небольшим реберчатым утолщением посередине, во всю ее длину. Нижний конец укреплен к плечу, верхний—ниже венчика, у рубчика—утолщения горла. Ручка в переломе мягко изогнута. Глина оранжевая с редкими черными вкраплениями.

Важное значение имеет датировка кувшина, в котором были найдены монеты. Анализ формы сосуда в целом и его деталей, а также приведенные ниже аналогии позволяют с достаточной точностью установить время его изготовления. В результате многолетнего изучения керамики Херсонеса античной эпохи удалось выявить несколько комплексов твердо установленной датировки. Для нас имеют значение коллекции № 35767 и № 35762 по инвентарной книге музея и комплекс из раскопок 1908 года.

Коллекция № 35767 состоит из материалов раскопок городской

площади эллинистического периода на северном берегу Херсонеса¹ (1936). Под площадью был обнаружен некрополь IV в., существовавший до того времени, когда город разросся и на эту территорию (в нач. III в.). К сожалению, и здесь при раскопках слои были смешаны. Однако, подавляющее количество предметов и отдельных фрагментов из 2314 найденных экземпляров, датируется III—II вв., причем большая часть относится ко II в. до н. э. особенно к концу этого века. В коллекции находится целый ряд обломков кувшинов, из них несколько донных фрагментов с частями корпуса, аналогичных нашему².

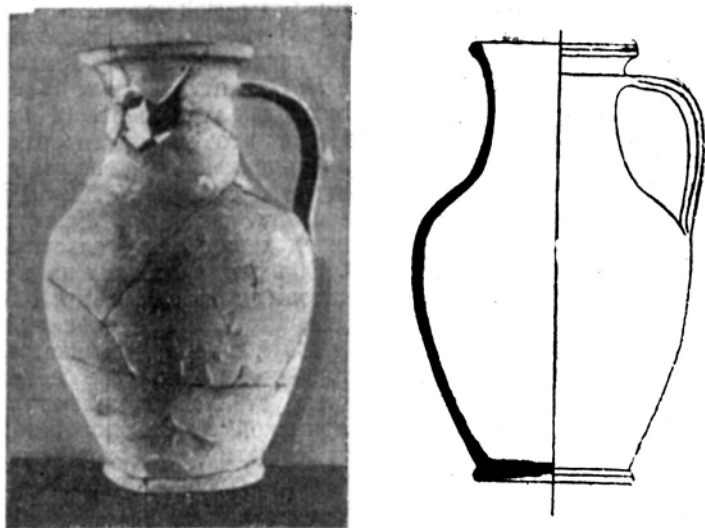

Рис. 1. Кувшин II в. до н. э., в котором был найден клад.

Коллекция № 35762 датируется совершенно твердо. Материал ее взят из подвала помещения „В“, дома II, раскопок 1936 года³. Всего в коллекции 583 предмета и фрагмента. После гибели дома, в конце II—нач. I в., обрушившийся в подвал материал, залегая ниже уровня материковой скалы, остался ненарушенным позднейшими строительными работами. Его датировка—II в., конец II в. до н. э. Незначительное количество материалов III в. может быть датировано также II в. Фрагменты до III в. представлены единицами. Датируется комплекс прекрасно выраженными, так называемыми чернолаковыми сосудами, амфорами, монетами и клеймами астиномов на амфорных ручках как херсонесских, так и синопских. Между прочим, синоп-

¹ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. Симферополь, 1938, стр. 234 и следующие. По определению издателя—„Северная часть раскопа, возле IX улицы“. По полевой описи—помещения 15—0, 4-й сл. й.

² Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь; 1938 г., стр. 223, рис. 63, два левых кувшина.

³ Там же. Подвальное помещение „Г“, стр. 211 и сл. По полевой описи „Яма „Г“.

ских оказалось 9 экземпляров, и все относятся по классификации Б. Н. Гракова к VI группе клейм, т. е. к концу II—началу I в. (с 121 по 70 г.)¹. Горла и венчики кувшинов с плоскими ручками, прикрепленными под венчиком, аналогичны описываемому кувшину. Указанные фрагменты составляют подавляющее большинство среди обломков кувшинов этой коллекции. То же самое относится и к донышкам кувшинов: все пять—плоские и подобны дну нашего кувшина. Кроме этого, совершенно аналогичный сосуд, несколько меньших размеров, с позднеэллинистическим материалом² найден в 1908 году в цистерне около Уваровской базилики.

За пределами Херсонеса из хорошо датированных комплексов ближайшие аналогии дала Ольвия. К ним должен быть причислен кувшин из раскопа „И“ 1935—36 гг., датированный суммарно III и II вв.³ Кувшины из некрополя раскопок Б. В. Фармаковского, изъятые из могил № 96⁴, № 38⁵ и № 56⁶, относятся ко II в. до н. э. В могиле № 96 вместе с кувшином найден канфар⁷. Б. В. Фармаковским он датирован II в. Я считаю, что эту датировку можно в данном конкретном случае смело приблизить к концу II и к I в.⁸ То же самое относится и к кувшину из sklepa № 38. Датировка Б. В. Фармаковского дана на основании монет II в. Если же взять весь комплекс материала, то он определенно свидетельствует даже не о конце II, а о I веке до н. э.⁹ Обращаю внимание на краснолаковую чашку № 169¹⁰, два краснолаковых блюда № 167 и 168¹¹, разбитый стеклянный стаканчик, канфар, или, вернее, канфаровидный кубок коричнево-красного лака № 165¹². Форма, техника, орнаментация сосудов, красный лак, не случайное присутствие стеклянного сосуда—все вместе, безусловно, датирует весь комплекс рубежом позднеэллинистической или раннеримской эпохи, концом II и I в. до н. э. Это полностью совпадает с датировкой аналогичных сосудов из Херсонеса. Это же видно и из сопоставлений и аналогий, приводимых самим Б. В. Фармаковским при анализе этих сосудов на указанных страницах. Не решаюсь высказаться столь категорически в отношении могилы № 56; однако, комплекс всех ее предметов, безусловно, указывает на ее принадлежность к концу II в.

Еще два кувшина, совершенно, аналогичной формы, техники и размера описаны Эбертом в его отчете о раскопках у хутора

¹ Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. РАНИОН. Москва, 1928, стр. 148.

² Полевая опись раскопок 1908 г. Архив ГХМ. Кувшины 2503.

³ Т. Н. Книпович, Керамика местного производства из раскопа „И“—Ольвия. т. I, Изд. Академии наук УССР, 1940, стр. 147, табл. XXXV, 2.

⁴ ИАК, 8, СПб, 1904, табл. V, 42.

⁵ Там же, табл. V, 45.

⁶ Там же, табл. V, 47.

⁷ Там же, стр. 36, рис. 25.

⁸ Т. Н. Книпович фрагменты аналогичных канфаров из раскопа „И“ датирует III в.—нач. II в. с ссылкой на рассматриваемый канфар. (Указ. работа. Ольвия, стр. 160, табл. XXXVIII, 5). Однако это расходитсся с ее определением „типичной эллинистической керамики II—I вв. в более ранней работе, посвященной керамике Елисаветовского городища (Из истории Восточного Причерноморья, вып. 104, М—Л, 1934 г., стр. 136). Моя датировка, за которую я ручаюсь, результат специального изучения развития форм канфара на обширном материале Черноморья и Среднеземноморья для датировки херсонесских.

⁹ См. описание могилы. ИАК, 8, СПб, 1903, стр. 79—80.

¹⁰ См. описание могилы. ИАК, 8, СПб, 1903, стр. 79—80, 49—51, рис. 4¹.

¹¹ Там же и стр. 52—53, рис. 52, табл. V, 3, 4.

¹² Там же и стр. 36—37, рис. 26, стр. 49—50.

Марицына. Один—из подбойной могилы 4 G возле деревни Петуховки, III в. до н. э.¹ и второй—из склепа 2 J, III—II вв., в том же районе². К сожалению, отмеченный Т. Н. Книпович в 1935 г.³ пробел в области изучения простой керамики без росписи и глазури, не восполнен по сей день. Пока еще не может быть и речи не только об установлении определенных произвольных центров этой керамики, но и объяснении эволюции форм различных ее типов и хронологической их классификации. Это полностью относится и к кувшинам. Работа в этом направлении исключительно затруднена отсутствием изданных изображений, чертежей и точных описаний этой группы „простых“ сосудов. Тем не менее и здесь уже можно сделать ряд наблюдений, касающихся развития формы и хронологической градации кувшинов.

Прежде всего, есть общая черта в развитии античных сосудов, четко прослеживаемая на чернолаковой и наблюдаемая на простой посуде. Суть ее—изменение пропорций от грузных, призматических к строгим, затем к стройным, в эпоху эллинизма, и, наконец, к вычурным, удлинненным—в позднем эллинизме. Подобная эволюция, обусловленная теми же причинами⁴, происходит и в архитектуре. В IV в. и в эллинистическую эпоху кувшин принимает законченную форму. Корпус веретенообразный, округлый, подставка четко выражена⁵. Для V и начала IV в. важны ойнахои и одноручные кувшины Олинфа⁶. Для следующей эпохи (2-я пол. IV—III вв.) мы имеем целый ряд сосудов: из курганов могильника, близ с. Журавки⁷, Ольвии⁸, Керчи⁹ и Херсонеса¹⁰. Центр тяжести их корпуса расположен в нижней половине, что придает ему более устойчивую и более приземистую форму. Ручки верхними концами прикреплены к венчику горла и, будучи в одном горизонте с ним, не выступают над ним.

Во II веке продолжается дальнейшее вытягивание формы. Горло приобретает явную тенденцию к цилиндрической форме, резче выражен перелом от него к плечу, центр тяжести корпуса перемещается кверху. Надо полагать, что не случайно кувшины этого периода имеют ручку, прикрепленную верхним концом уже под венчиком горла в связи с удлинением последнего¹¹. Не останавливаясь специ-

¹ M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Prachtst. Zeit, V, 1913, стр. 39, рис. 42, 2Gb.

² Там же, стр. 58, рис. 60, 2J1

³ Из истории Боспора. Известия ГАИМК, в. 104. М.—Л, 1934. стр. 148.

⁴ См. замечание Б. Н. Гракова, там же, стр. 87—88.

⁵ См. А. М., LIV, 1929, стр. 47, рис. 3i, 2.

⁶ Olunthys, V, таб. 165—168. Хотя указанная группа относится не к „простой“ керамике, а т. н. чернолаковой, предпочтение отдано Олинфу благодаря обилию иллюстрированного материала и четким хронологическим рамкам, не вызывающим сомнения.

⁷ А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журавки и т. д. ИАК, 17, Спб. 1905, стр. 82, рис. 6 и стр. 86, рис. 12.

⁸ ИАК, 8, Спб, 1903, таб. V, 37, 40 и 41.

⁹ Известия ГАИМК, вып. 104, М.—Л. 1934, стр. 147, рис. 39, профили горл и венчиков, стр. 149, рис. 40.

¹⁰ Г. Д. Белов, ук. соч., стр. 173, рис. 12 и стр. 189, рис. 35. Датировка некрополя концом V—первой пол. IV или V—началом IV в., предложенная Г. Д. Беловым, безусловно неправильна (см. там же обе датировки на стр. 194), так же как и V—IV вв. на стр. 313. Специальное исследование некрополя устанавливает его дату с середины IV до нач. III в.

¹¹ ИАК, 8, Спб, 1903 г., таб. V, 39, 42, 45, 47, 49. Ольвия, т. I, Киев, 1940 г. таб. XXXIV, 2а и XXXV, 2. Фрагменты кувшинов из комплексов Херсонеса II, конца II в. до н. э. М. Ebert, ук. раб.

ально на эпохе первых веков н. э., отмечу, что в это время указанная эволюция кувшина получает свое завершение¹.

Таким образом, кувшин, в котором находился клад, и по анализу формы и по аналогиям датируется II в. до н. э., и я бы склонялся к уточнению его датировки рубежом II—I вв., что совпадает с наиболее поздней датой найденных в нем монет. Последнее обстоятельство, со своей стороны, подкрепляет наш вывод, основанный на вышеприведенном анализе. Тем самым можно определенно утверждать, что найденный клад был зарыт в эпоху скифских войн конца II в. до н. э., причинивших ряд экономических и политических бедствий Херсонесской республике.

Как видно из описанных выше обстоятельств находки клада, лишь часть его поступила в музей. Часть монет роздана на память разным лицам: инженеру Бычкову в количестве 3—4 десятков, из них—около десятка серебряных, одна или две—студенткам-практиканткам, которые завезли их в Москву. Не исключена возможность, что и другие лица получили подобные подарки. Кроме того, основная часть клада—медные монеты—были отданы как игрушки ребенку дошкольного возраста, который их дарил и терял. Вероятно, часть монет могла остаться у бойцов трофейной команды и рабочего тов. Васильева, уехавшего из Севастополя.

Таким образом, часть клада либо растеряна, либо раздарена. Вопрос заключается в определении количества недостающих монет. Вследствие того, что кувшин, после кропотливой и трудоемкой классификации монет по группам и астиномам, был склеен из многочисленных обломков и не выдержал бы тяжести вновь сыпанных в него монет, сосуд был обнатован и его объем вымерен с помощью песка меркой емкостью в пол-литра. Затем в эту же мерку были собраны монеты одной большой группы. Количество песка, всыпанного в кувшин, определялось верхней границей медной окиси на внутренней стороне его горла. В результате выяснилось, что недостает в кладе не менее 500 монет. К сожалению, и эта цифра даже приблизительно неточна, ибо след окиси обнаружен только на одной стороне горла. Совершенно точно установлено, что сосуд был закопан в земле на боку, а поэтому есть основания предполагать, что часть монет, заполнявших его, должна была находиться в горле, даже если кувшин был неполным. Вероятнее всего, что так оно и было, ибо солдат при сооружении окопа срубил лопатой часть горла. Тем не менее, в выкинутой земле и на дне окопа найдены только обломки горла кувшина и 5 монет. Из них—в выкинутой земле только две. Если бы монеты заполняли кувшин полностью, то они обязательно должны были бы просыпаться в большом количестве и не могли бы быть незамеченными. Несомненной остается безвозвратная пропажа некоторого количества монет. Однако, даже при худшем случае—утере до 500 монет—научное значение клада для истории экономики и монетного дела эллинистического Херсонеса не может быть преувеличено.

¹ См., напр., Археологические памятники Боспора и Херсонеса. Материалы и исследования по археологии СССР, № 4, М—Л, 1941, стр. 62, рис. 91, стр. 78, рис. 113.

А. К. ТАХТАЙ

ДВА КЛАДА ХЕРСОНЕССКИХ АНТИЧНЫХ МОНЕТ 1944 года

Предварительное сообщение

В 1944 году на Гераклеяском полуострове были найдены два клада херсонесских монет. Со времени основания Севастополя это третья и четвертая зарегистрированные находки. Первая была сделана летом 1853 г. на Большом (Историческом) бульваре в Севастополе и состояла из двух-трех сотен серебряных монет начала 1 в. до н.э.; вторая — в 1903 году на гребне высоты над дер. Карань на Гераклеяском п/о и состояла из полусотни серебряных и до двух сот медных монет того же времени. К сожалению находки эти разошлись по рукам¹ и не сохранились.

Оба новых клада найдены летом 1944 года случайно, во время сбора трофейного имущества на полуострове и начала восстановительных работ на его побережье. Найденные клады поступили в Херсонесский музей. Новые находки, как и прежние, представляют собой характерные образцы чисто местных кладов. В отличие от прежних, они характеризуются относительным богатством и разнообразием составляющих их монетных групп, большей древностью и продолжительностью времени их накопления. Обе находки по своему общему групповому составу совершенно однородны, отличаются лишь количеством входящих в них монетных единиц и соответственным числом составляющих группы монетных серий (выпусков). Монеты обоих кладов — херсонесские автономные, серебряные и бронзовые, известных, но редких типов с новыми вариантами; во многих случаях — со следами литников, в подавляющей массе с надчеканками (контрамарками). В одном кладе их было 103 экземпляра — 36 серебряных и 67 бронзовых, в другом — 741 экз.: 39 серебряных и 702 бронзовых. Сохранность монет более или менее удовлетворительная.

В виду того, что каждая монетная группа из входящих в состав обоих кладов состояла из монет одного и того же сорта с одними и теми же типами, либо идентичными, либо с отличиями чисто стилистическими, обусловленными разными штемпелями, воспроизводящими один и тот же тип, считаем возможным дать описание монет каждого клада по этим группам.

Стрелецкий клад

По месту находки называем его Стрелецким (сокращенно — 1-й клад). Состоит из 103 монет. Поступил в музей 1 октября 1944 года.² Клад обнаружен в августе того же года при земляных работах по восста-

¹ См. А. Л. Бертье-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. 300 XXVI. Одесса, 1906, стр. 250—254.

² Доставлен в музей по настоянию автора данной статьи „для описания и определения его стоимости“.

новлению водопровода в окрестностях Херсонеса—у восточного берега Стрелецкой бухты, приблизительно по середине его длины, на расстоянии около 150 м от него, на глубине около 1,50 м. Находчик клада—рабочий из группы сантехника Севастопольстроя, любителя древностей А. А. Бончковского—остался неизвестным. Попытки разыскать

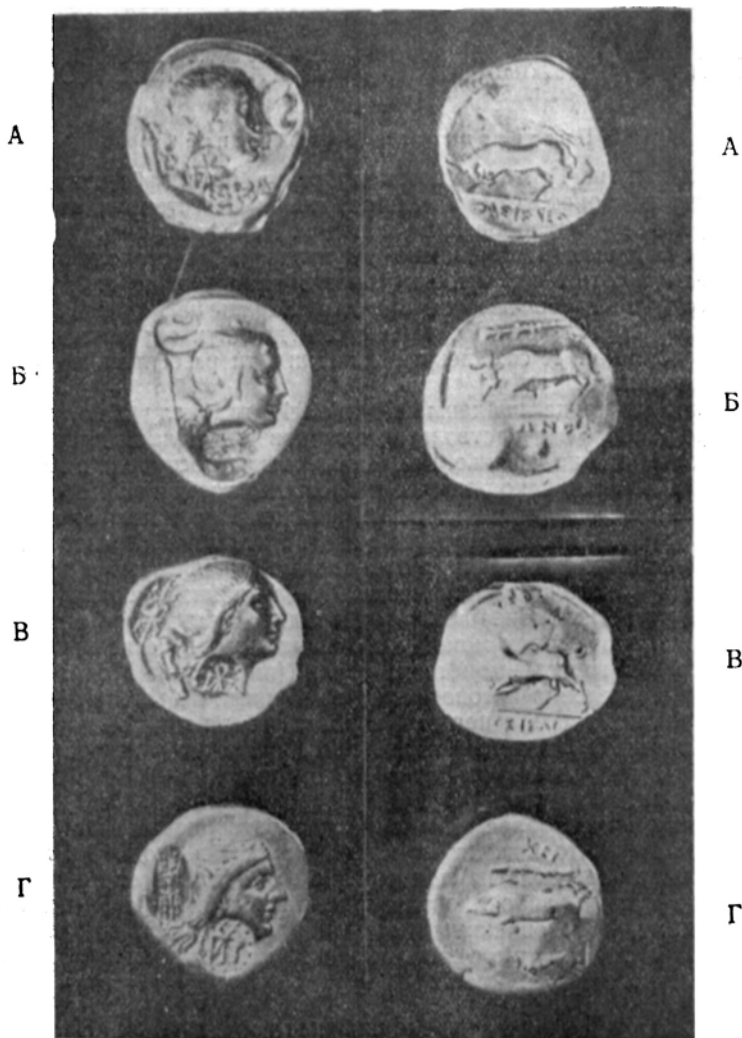

Рис. 1. Серебряные тетрадрахмы III—II вв. до н. э. с изображением богини Девы и бодающегося быка.

находчика клада для получения сведений об обстоятельствах находки из первых рук не увенчались успехом, так как рабочий оказался откомандированным на неизвестный участок, а водопроводная траншея—засыпанной. В руки Бончковского, по его словам, попало около

110 монет, часть их он раздарил, одну (бронзовую) разрубил для исследования металла. Монеты, по его словам, были найдены в горшочке, разбитом при извлечении из земли. Проверить это указание не удалось.

Рис. 2. Серебряные драхмы III—II вв. до н. э. с изображением Геракла и бодающегося быка (верхний ряд) и дидрахмы с изображением головы Девы и Девы, поражающей льва, с обратной стороны.

В своем нынешнем комплекте (103 монеты) клад состоит из 7 групп, каждая из которых содержит монеты одного сорта с однотипными изображениями и легендами, причем четыре группы серебряные (I—IV), остальные три—бронзовые (V—VII). Две группы из числа бронзовых выделяют из себя по одной подгруппе, каждая из которых образована вариантной серией, в которой изображения (типы) лицевой и оборотной сторон монеты меняются местами (Va, VIa).

Серебро (I—IV группы)

1-я группа—2 тетрадрахмы.

1) Л. ст. Голова Девы в повязке, вправо, за ней верх колчана с перевязью надчеканки (от шеи к макушке): [AP], дельфин, молнии.

Об. ст. Бодающий бык влево на черте (обрез). Над ним палица Геракла, вершиной влево, над ней надпись XEP. Под чертой [APTE]MΔΓPO[Y] сбита надчеканками (л.ст.). Диаметр 2,6—2,7 мм. Вес около 14 граммов. Сохранность хорошая (рис. 1-г). Тип: Бур., XIV, 16 (но надчеканка здесь одна—[AP]), Бер. Зн. Мон. мон., таб. 7₂ (то же). Три надчеканки у Minns'a Pl, IV, 13 [с ΙΣΤΡΑΝΟΣ].

2) Все то же, но штемпеля другие. Надпись на обр. ст. под чертой [AT]AZIKΛEIO[Y] сбита надчеканками л. ст. Диаметр 26—28 мм. Вес около 14 граммов. Сохранность отличная (рис. 1-в).

Тетрадрахмы с именем Агасикла, как и вообще серебряные монеты с этим именем, неизвестны. Впервые встречается данный штемпель

л. ст. с головой Девы. Надпись [ΑΓ]ΑΞΗΚΛΑΒΟ[ΥΣ] в такой полной форме неизвестна и в бронзовых монетах. В усеченной форме: ΑΓΑΞΗΚΛΑ, ΑΓΑΞΙ, ΑΓΑΞ, ΑΓΑ встречается на очень редких бронзовых монетах: Бур., XIV, 20; Кене, стр. 138, 22; Бер., стр. 248, 5, 6; Ор. ΜΑΡ., 7. стр. 38, 41; Бел. стр. 141, 6, стр. 320, 22, 23.

II-я группа—11 дидрахм.

Л. ст. Голова Девы в повязке, вправо, за ней верх колчана с перевязью. Тип (штемпель) тот же, что и на I, 1. Надчеканки те же, что на л. ст. I, 1 и 2.

Об. ст. Дева, поражающая лань, влево. Под ней надпись ΧΕΡ, за ней [Α]ΡΤΕΜΙΔΑΡΟ[Υ], [Α]ΙΣΧΙΝ[ΟΥ], ΑΙΣ[ΧΙΝΟΥ], [Ι]ΣΤΡ[Ω]ΝΟΣ, [ΙΣΤΡ]ΩΝΟΣ, [Α]ΡΤΕΜ[ΙΔΑΡΟΥ]. Надписи за девой на остальных четырех экземплярах полностью сбиты клеймами л. ст. диаметром 2—2,4 см. Средний вес около 7 граммов (рис. 2, нижний ряд).

Монеты этого типа с именем Артемидора и Эскина: Бур., XIV, 6, 3 (но с одной надчеканкой [ΔΡ]). Имя ΙΣΤΡΩΝΟΣ на дидрахмах этого типа неизвестно, встречается на тетрадрахмах: Бер, стр. 241. Ор., стр. 58, 8. Minns, IV, 13.

III-я группа—8 дидрахм.

Л. ст. Голова безбородого Геракла в львиной шкуре, вправо. Под ней палица, вершиной вправо, за исключением трех экземпляров без остатка сбита надчеканкой—молнии.

Об. ст. Дева на троне со стрелой в правой руке, влево. За ней надпись ΧΕΡ. Перед ней [Α]ΠΟΛΛΩΝΙ...—на 2-х экз., ΑΠΟΛΛΩΝ..., ΠΡΩΤΗΠ[ΟΥ]—на 2-х экз., ΔΙΩΝΟΣ, ΠΡΥΤΑΝΙΟ[Σ], [Ν]ΕΥΠΟΛΙΟ[Σ]. Надчеканка—дельфин. Дdiam. 22—24 мм. Средний вес 9 граммов (рис. 4 а, б).

Монеты данного типа с указанными именами магистратов, за исключением двух последних: Бур., XV, 50. Гиль, IV, 6. Бер., стр. 224 пр. I, Minns, Pl. IV, I. Имя [Ν]ΕΥΠΟΛΙΟ[Σ], если оно правильно восстановлено, может быть, является—по аналогии с ΘΕΥ—ΘΕΟΔΟΣΙΑ²—модификацией имени ΝΕΟΠΟΛΙΟΣ, которое встречается на полудрахмах группы Геракла с типом бодающего быка на обороте, представляющих малый номинал к нашим дидрахмам: Бер. стр. 243—244, 251 (рис 4, а).

Имя ΠΡΥΤΑΝΙΟΣ в монетных находках Херсонеса встречается впервые. Известно на амфорных ручках (Махов, 49) и в лапидарных надписях (IosPE, 1^a, 351 и 403 Α3; рис. 4, б).

IV-я группа—15 драхм.

Л. ст. Голова безбородого Геракла в львиной шкуре, вправо. Под ней палица сбита надчеканкой молнии, исключая 2 экз., где она частично уцелела.

Об. ст. Бодающий бык на черте, влево. Над ним надпись ΧΕΡ. Под чертой [ΑΠΟΛΛΩ]ΝΙΟΥ, [ΑΠΟΔ]ΑΦ[ΝΙΟΥ]?, [ΑΠΟ]ΔΑΦ[ΝΙΟΥ]?, Α[ΠΟΛΛΩ]ΝΙΔΟ, ΑΠΟ[Δ]ΑΑ, [ΑΠΟΔ]ΑΑ?, [ΗΡΑΚ]ΛΑΒΟΥ, [ΗΡΑΚ]ΛΕΙΤ[ΟΥ], [ΗΡΑΚ]ΛΕΙΤ[ΟΥ], [ΠΡΥΤΑΝΙ]ΟΥ?, [Α]ΙΣΧ[ΙΝΑ], ΞΕΝ[Ω]ΝΟΣ[Σ].

На остальных 3-х экз. надписи сбиты надчеканками Л. ст. Надчеканка—дельфин. Дdiam. 17—20 мм. Средний вес 4,6 граммов (рис 2, верхний ряд).

Из монет этого типа известны экземпляры с именами ΗΡΑΚΛΑΒΟΥ и

¹ Инв. № Херс. Музея 1288

² Кене, I, стр. 271, 276. В. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астинолов. РАНИОН, Москва, 1928 г., стр. 15.

АПОЛЛА:Бур., XV, 49; Бер., 245. Остальные имена, исключая ΠΡΥΤΑΝΟΣ, — о нем см. выше, — встречаются на дидрахмах типа нашей III гр., как ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ, ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟ and ΑΙΣΧΙΝΑ: Бер., стр. 293—244, 241, или как ΠΡΑΚΛΕΙΤΟΥ на драхмах же, но либо вариантного типа — с головой Геракла слева: Кене, стр. 156, 63 (ΠΡΑΚΛΕΙΔ...?), либо совсем другого сорта с Девой, разящей лань на об. ст. и иной весовой системы (вавилоно-персидской): Берт., стр. 246, 247. ΕΒΕΝΟΣ в монетных находках Херсонеса неизвестен. Встречается на амфорных ручках (Махов, 70) и в одной надписи (Б. Н. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях... ВДИ, 3, 1930, стр. 245—6).

Совершенно очевидно, что монеты I и II групп — тетрадрахмы и дидрахмы единой группы Девы — представляют разные номиналы однородной серии монет, чеканенных в одной весовой системе (финикийской), тогда как монеты III и IV групп — дидрахмы и драхмы единой группы Геракла — представляют разные номиналы также однородной серии монет, но битых в иной весовой системе (олимпийско-ассирийской).¹ Отношение между высшими и низшими номиналами в каждой группе одно и то же.

Бронза (V—VII группы)

V-я группа — 30 дихалков.

Л. ст. Грифон влево. Надчеканка дельфин — на 17 экземплярах.

Об. ст. Дева, припавшая на правое колено с луком и стрелой, вправо. Под ней — надпись ΧΕΡ читается на 14 экземплярах. За ней — ΚΡΑ, ΚΡ — на 15 экземплярах, ΑΡ[Ι] на одном экземпляре и ΠΑ на двух экземплярах; на остальных 12 надписи стерты. Надчеканка дельфин на 7 экземплярах. Диамет. 22—24 мм. Ср. вес 9,4 гр.

Рис. 3. Бронзовые дихалки IV в. до н. э. с изображением богини Девы и грифона.

Тип: Бур., XIV, 30, Кене, II, 8 (у обоих тип л. ст. перемещен на об. ст. и наоборот) Зог. XXII, А.

¹ А. Л. Бертье-Делагард, ук. раб., стр. 266—267 и пред.

V-a—3 дихалка

На л. ст. и об. ст. те же типы, но в обратном порядке. На л. ст. надписи за Девой стерты. Надчеканка—дельфин на 1 экземпляре. На об. ст. под грифоном ХЕР. Надчеканка—дельфин на 1 экземпляре. Диам. 22—24 мм. Средний вес 9,7 граммов. Тип. Зог., XXVI, В.

VI-я группа—12 дихалков.

Л. ст. Дева, припавшая на правое колено с луком и стрелой, вправо. Надчеканка—дельфин на 8 экземплярах.

Рис. 4. Серебряные дидрахмы III—II вв. до н.э. с изображением Геракла и богини Девы.

Об. ст. Грифон—влево. Под ним надпись ХЕР на 10 экземплярах. Над ним ΘΕΟΠ на 4 экземплярах; на остальных 8 экземплярах надписи стерты. Надчеканка на 2 экземплярах, один из них имеет таковую и на л. ст. Диам.—19—20 мм. Ср. вес 6 гр.

Монеты этого типа известны, но с другими именами магистратов—Бур., XIV, 33—35. Имя ΘΕΟΠ... является новостью не только в нумизматике, но и в эпиграфике Херсонеса¹ (рис. 3, верхний ряд).

¹ В форме ΘΕΟΠΡΟΠΟΞ встречено в Ольвийской надписи, *JobRE*, 12, 231.

VI-a—один дихалк.

С теми же типами, но поменявшимися местами на л. ст. и об. ст. На л. ст. под грифоном надпись ХЕР, на об. ст. под обрезом ΕΥΑΡΟ[ΜΟΥ]. Надчеканок нет. Диам. 20—21 мм. Вес около 6 граммов. Тип: Кене, II,9 (л. ст. вместо об. ст.) Зог., XXVI, Д.

VII-я группа—21 дихалк.

Л. ст. Дева, поражающая лань влево. Под ней надпись ХЕР. Надчеканка дельфин—на 20 экземплярах

Об. ст. Бодающий бык на палице Геракла, влево. Под ней, в разной степени полноты и сохранности, под колчаном ΚΛΕΜΥΤΑΑΔΑ на 10 экземплярах, ΕΥΑΡΟΜΟΥ на 6 экз., ΔΙΑΓΟΡΑ на двух экземплярах., ΕΥΡΕΚΟΧ на 2 экз. Диам. 22 мм. Ср. вес 6,2 гр.

Тип: Бур., XIV, 37, 39, 40. Кене, II,5.

Кажется мало вероятным, чтобы монеты V с V-a и VI с VI-a групп с коленопреклоненной девой представляли разные номиналы одной серии, находящиеся соответственно к весу в отношении $\frac{3}{2}$. Скорее в виду их диахроничности (см. дальше) и старшая группа VI с VI-a с большим весом монет и младшая группа VI с VI-a с меньшим весом монет представляют один и тот же номинал—дихалк, вес которого (9,4 гр) при выпуске VI (с VI-a) группы был уменьшен (до 6 гр). Обратное явление в более ограниченном размере наблюдается при переходе к VII группе. При выпуске монетных серий этой группы с другими типами лиц и об. стороны вес дихалка был несколько увеличен (до 6,2 гр.). Номинальное тождество монет VII гр. с предшествующей V-a и VI-a группой иллюстрируется наличием объединяющего одну из серий VII группы с подгруппой VI-a имени магистрата ΕΥΑΡΟΜΟΥ, которому, может быть, и принадлежит почин в выпуске нового сорта дихалков (VII группа), несколько повышенного веса с разницей Девой—быком.

Сохранность монет Стрелецкого клада различна. Условно она лучше у серебра, хуже у бронзы,—в зависимости, главным образом, от возраста последней. Условность в отношении серебра заключается в том, что монеты изрядно деформированы обильными (3—2) и сочными надчеканками. Снимая со счетов эту, так сказать, производственную их поврежденность, не бытовую, как у бронзы (истертость),—можно определить его сохранность, в общем, как удовлетворительную и хорошую, а в единичных случаях—отличную (1,2 и др.). Сохранность бронзовых монет, пострадавших от одноцветных надчеканок при значительном числе экземпляров без них—несравненно меньше, но в сильной мере истертых и частью испорченных окисью, большей частью удовлетворительна, в единичных случаях хорошая, в остальных—плохая.

Из описания следует, что Стрелецкий клад состоит из давно известных по единичным находкам, неоднократно описанных, однако очень редких, монетных типов, особенно в серебре (Бур., Р. 6, 7, 8; Бер., стр. 251, 254). Редкость их определяется древностью и перчеканкой на Херсонесском монетном дворе всего современного им серебра в начале I в. до н. э. (Бер., там же).

Согласно общепринятым датировкам они укладываются в двухвековой период времени: от второй половины IV в. до н. э. до второй половины II в. до н. э. При этом группы бронзовых монет располагаются в довольно связный и последовательно хронологический ряд, заполняющий первую половину этого периода. А именно: V группа—

начало второй половины IV в. до н. э. с переходной к следующей, более поздней, подгруппой V-a¹, VI группа—последнее десятилетие IV в. до н. э. с переходной к следующей, приближающейся к рубежу IV-III вв. до н. э., подгруппой V-a², VII группа III в. до н. э. (первая его половина?)³

Группы серебряных монет клада (I—IV) принадлежат ко второй половине указанного периода: от первой половины III в. до н. э. до второй половины II в. до н. э.⁴ Возможно, что одной из наиболее поздних, если не самой поздней, монетой нашего клада является дидрахма группы Геракла с именем магистрата ΝΕΥΝΟΛΙΟΣ: это имя встречается на полудрахмах Караньского клада совместно с монетами позднемитридатовской эпохи, т. е. уже начала I в. до н. э.⁵, указывая, быть может, не только на долгое существование этого типа монет в обращении, но и на сравнительно позднюю чеканку монет с этим именем, т. е. во второй половине или даже в конце II в. до н. э. (?)⁶.

Надчеканки на монетах по общепринятым датировкам относятся к концу II в. до н. э.⁷ Они дают время зарытия клада. Возможной поздней датой этого зарытия является начало I в. до н. э.—годы сплошной перечеканки, которой монеты наших кладов не подверглись вследствие их зарытия⁸. Заслуживает внимания тот факт, что на некоторых экземплярах серебряных монет стройными надчеканками совершенно отчетливо устанавливается последовательность наложения контрамарок (ΔΡ, дельфина, молнии)⁹ (рис. 2, нижний правый угол). На основании этой последовательности можно было бы допустить, что монеты III и IV групп, на которых отсутствует первая, наиболее ранняя, надчеканка ΔΡ были выпущены позже монет первой и второй групп, на которых она имеется. Допущение это как-будто оправдывается существующей суммарной датировкой обеих групп, из которых первая и вторая группы с тремя надчеканками оказываются несколько более ранними, чем III и IV с двумя надчеканками¹⁰. Это обстоятельство могло бы указывать на некоторую закономерность в наложении надчеканок, связанную с хронологией самих чеканок. Выяснение этой закономерности было бы весьма желательным с целью использования метода учета над-

¹ А. М. Зограф. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами. Известия ГАИМК, т. V, М.—Л, 1927 г., стр. 386, 385; Бертье-Делагард. Монетные находки древних городов Тавриды, 300, XXX, стр. 10.

² А. М. Зограф, Ук. раб., стр. 384, 385.

³ Там же

⁴ Бертье-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса, стр. 242, 245. Он же. Материалы для всесовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды, М., 1912, стр. 22, 23. Зограф. Ук. раб. там же. E. H. Minns, Scythians and Greeks, стр. 548.

⁵ Бертье, Ук. раб., стр. 245—257.

⁶ Ср. там же, стр. 251.

⁷ Там же, стр. 245—257. Он же. Значение монограмм... на монетах Херсонеса, стр. 16 с ссылками на Кене и Бурачкова. Minns, Ук. раб., стр. 543.

⁸ Бертье-Делагард. Значение монограмм... стр. 242, 245, 251, 257.

⁹ Повидимому, эта последовательность была подмечена уже Minns'ом на имевшихся в его распоряжении экземплярах, судя по тому, что перечисляет он пачеканки (Counteremark) именно в указанном порядке (ΔΡ, dolphin, thunderbolt), *ibid.*, pl. IV, 13; Однако о ней ничего не говорит и, повидимому, не знает еще Бертье-Делагард (см. прим. 7) всего вероятнее, ввиду недостатка материала. Теперь этот материал в избытке (см. второй клад).

¹⁰ Бертье-Делагард. Несколько новых... монет Херсонеса. Стр. 266 (в противоречии с собой: см. стр. 242—245, где группа Геракла оказывается несколько более ранней, чем группа Девы) Minns, *ib.*, стр. 547, 548.

чеканок не только для определения этапов обращения монет, но и относительной хронологии их выпусков. Интересно отметить, как редкость, что одна из бронзовых монет подгруппы V-а несет на себе две надчеканки одного и того же вида—дельфин на обеих сторонах монеты в разных местах¹. На одной монете VI группы имеется подтреугольная ямка возле центра на оборотной стороне; возможно, что это выбоина от шпенька, оставляемого на матрице для удержания монетного кружка на месте при повторных ударах молотка по нему². До сих пор подобные ямки встречались только на монетах времен элветерии (конец II—нач. III вв.)³ (рис. 3, нижний ряд).

Подводя итог тому новому, что дает Стрелецкая находка, нужно отметить, помимо самого факта поступления в Музей клада местных монет, факты, регистрируемые в летописях Херсонесского музея впервые:

1. Неизвестное в херсонесской нумизматике и эпиграфике имя магистрата ΘΕΟΠ на дихалках подгруппы VI-а (4 экз.).

2. Впервые встречаемые на херсонесских монетах имена магистрата ΠΡΥΤΑΝΙΟ(Σ) на драхме с типом Геракла в III группе и драхме в IV группе и ΞΕΝ[Ω]-ΝΟ[Σ] на драхме IV группы.

3. Новые варианты серебряных монет: тетрадрахма с именем [ΑΓ]-ΑΣΙΚΛΕΟ[ΥΣ] в I группе, дидрахмы с ΙΣΤΡΩΝΟΣ во II группе, дидрахма с [Ν]ΕΥΠΟΛΙΟ[Σ] в III группе, драхмы с ΑΓΞΙΝΑ, ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ, ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟ, [ΗΡΑΚ]ΛΕΙΤΟΥ в IV группе. Особо среди них выделяются новый вариант тетрадрахмы с уникально прекрасным типом головы Девы⁴ и новым на тетрадрахмах именем магистрата [ΑΓ]ΑΣΙΚΛΕΟ[ΥΣ], впервые к тому же так полно написанным в I группе.

4. Редкое обилие надчеканок на серебре I—IV групп (по 3 и 2) и их всеобщность, не дающая исключений, как предвестник наступившей в начале I в. до н. э. всеобщей перечеканки, сделавшей находки серебряных монет домитридатовской эпохи столь редкими и ценными⁵.

5. Установление последовательности в наложении надчеканок на монетах I—IV групп, которое стимулирует выяснение ее (последовательности) особых закономерностей, может быть, связанных с проблемой относительной датировки выпуска монетных групп.

6. Наконец, техническая новинка — выбоина шпенька с матрицы на монете VI группы.

Таков, в основном, вклад, внесенный Стрелецкой находкой в нумизматику Херсонеса, а следовательно, и в его историю, не говоря уже о том, что независимо от новинок частного характера, клад в целом по своему хронологическому и топографическому значению — по месту и времени накопления и захоронения монет является ценным историческим источником (см. Заключение).

¹ Ср. Бертье-Делагард. ук. раб. стр. 249, где „повторение того же клейма с другой стороны монеты произошло от его наложения щипцами, оба конца которых имели одинаковое клеймо.“

² Ср. Бертье-Делагард. Значение монограмм... на монетах Херсонеса стр. 22—23.

³ Там же.

⁴ Если он не является подобием такового на дидрахмах типа БУР, XIV, 4, насколько можно судить по его признанию неточным зарисовкам.

⁵ Бертье-Делагард. Несколько новых... монет Херсонеса, стр. 254, 257, 264.

Камышевский клад

По месту находки называем его Камышевским (сокращенно II клад). Состоит из 741 монеты. Поступил в Музей в 1945 году¹. Камышевский клад состоит из тех же семи групп монет с двумя подгруппами или сериями, что и Стрелецкий. Поэтому даем его описание, удерживая ту же нумерацию групп и опуская характеристику типов и надчеканок, как совершенно идентичных.

Серебро

I группа.—2 тетрадрахмы. (Дева—бык).

1. Тип: Бур. XIV, 15. Но клеймо там одно ΔP . Имя магистрата на об. стор. $[\text{A}]\Delta\text{QNO}\Sigma$. Диам. 28—29 мм; вес. около 15 граммов (рис. 16).

2. То же, что и 2 первого клада. Но голова Девы на л. ст. дополнительно деформирована надчеканкой с дельфином, наложена не сзади, а спереди, причем сбит нос. Имя магистрата на об. ст. сохранилось почти полностью $\text{AGA}\Sigma\text{IKLEOY}[\Sigma]$ с верхом предконечного. Диам. 25—27 мм. Вес около 15 граммов (рис. 1а)².

II группа.—5 дидрахм. (Дева—Дева разящая).

На об. ст. надпись XEP уцелела на одном экземпляре, на остальных сбита клеймами лицевой стороны. Имена магистратов $[\text{A}]\text{I}\Sigma\text{XI}[\text{NA}]$, $\text{I}\Sigma\text{TP}\text{QNO}\Sigma$, $\text{I}\Sigma\text{TP}\text{QN}\dots$, $\dots\text{TP}\text{QNO}\Sigma$, $\dots\text{TP}\text{Q}\dots$. Одно из них читается полностью с конечной Σ , подтверждая восстановление Minns'a, Pl. IV, 13 (см. у ОР.Э, стр. 58, 8). Диам. 18—22 мм. Средний вес 6—7 граммов. Тип. Бур., XIV, 3, I кл. II гр.

III группа.—17 дидрахм. (Геракл—Дева).

На об. ст. имена магистратов $\Delta\text{I}\text{QNO}\Sigma$ на 4-х экземплярах $[\text{A}]\text{POL}\text{QNI}\text{OY}$, $[\text{A}]\text{POL}\text{QNI}[\text{I}]\text{OY}$, $[\text{A}]\text{POL}\text{QNI}[\text{OY}]$, HPAKLEOY , (на 2 без конечных $[\text{Y}]$ и $[\text{EOY}]$); $\text{P}\text{ROTIP}\text{I}[\text{OY}]$ на 2-х экз.; $\text{A}\text{POL}\text{LA}$, $\text{AGA}\Sigma\text{IKLEOY}[\Sigma]$, $\Sigma\text{EN}\text{QNO}\Sigma$ на 3-х экз. (на одном без $\text{O}\Sigma$). Диам. 22—24 мм (с единичными экз. 21—24 мм, 23—25 мм). Средний вес 9,3 гр. Типы 4-х первых: Гиль, IV, 6.; Бур. XV, 50.; Бер., стр. 244, прим. I, HPAKLEOY , кроме того, на драхмах IV гр. I кл. $\text{A}\text{POL}\text{LA}$ известен на драхмах с теми же типами: Бер., 243—4 прим. $\Sigma\text{EN}\text{QNO}\Sigma$ на дидрахмах Херсонеса неизвестен. Впервые встречен на драхме IV группы I клада.

IV группа.—15 драхм. (Геракл—бык).

Имена магистратов на об. ст.: $\text{AP}[\text{O}]\text{LLA}$, $\text{AP}[\text{O}]\text{LLA}[\text{P}]$,³ $[\text{A}]\text{POL}\text{L}\text{QNI}\text{A}[\text{O}]$, $[\text{A}]\text{POL}\text{L}\text{QNI}[\Delta\text{O}]$?, $\text{AP}[\text{O}]\text{LL}\text{QNI}[\text{I}]\text{A}[\text{O}]$?, $\text{AP}[\text{O}]\text{LL}\text{QNI}[\text{IA}]\text{O}$?,⁴ $[\text{A}]\text{POL}\text{L}\text{QNI}[\text{OY}]$?, IOY ?, IAO ?,⁵ $\text{AP}[\text{O}]\text{LL}\text{QNI}\dots$?, $\text{HP}[\text{AKLEIT}]\text{OY}$, $\text{HPAKLEIT}[\text{OY}]$, $[\text{NEOPI}]\text{OLIO}[\text{C}]$, $\text{PYT}[\text{AN}]\text{IO}\Sigma$, $[\text{I}\Sigma\text{TP}]\text{QNO}\Sigma$, $\text{PY}[\text{O}]\text{QNO}\Sigma$? На одном экземпляре надпись сбита. Диам. 17—20 мм. Ср. вес 5,2 гр. Драхмы этого типа с $\text{A}\text{POL}\text{LA}$: Бер., стр. 243. О следующих, исключая последнюю, см. IV, III и II гр. I клада. Нахо-

¹ Обстоятельства его обнаружения весьма характерные, см. в отчете С. Ф. Стрелецкого.

² Монета у инженера Быкова (см. отчет С. Ф. Стрелецкого).

³ Базируясь на сходстве типа л. ст. с предшествующим (и месте).

⁴ То же с несомненным $\text{A}\text{POL}\text{L}\text{QNI}\text{A}\text{O}$.

⁵ Л. ст. профиль—деформирован, сравнениям не поддается.

дящееся в числе их ΠΡΥΤΑΝΙΟΥΣ, впервые встреченное на дидрахмах III гр. I кл., здесь, как и там, дано в полной форме ΠΥ[ΘΙΩΝΟΣ]? известно только на бронзе: Бер., стр. 270, 18; Бур., № 67, Кене стр. 162 № 75.

Бронза

V группа.—118 дихалков. (Грифон—Дева).

На л. ст. за Девой надпись ΧΕΡ читается на 40 экз. Надпись за Девой ΚΡΑ[ΚΡ] на 28 экз., ΑΡΙ[ΑΡ],[Α] на 11 экз., ΠΑ на 3-х экз. Надчеканка—дельфин на л. ст. на 66 экз., на об. ст. на 27 экз., 25 экз. без нее. Диамет. 22—24 мм. Средний вес 8,8 гр. Тип: Бур., XIV 30—32.

V-a.—12 дихалков (Дева—грифон).

На л. ст. надписи за Девой, если они были, сбиты надчеканками и стерты, на об. ст. также, за исключением 2 экз. с надписью ΧΕΡ под грифоном. Надчеканка—дельфин на л. ст. на 5 экз., на об. ст. на 6 экз. Диамет. 22—24 мм. Средний вес 8,6 гр. Тип: Зограф, XXVI, 13.

VI группа.—240 дихалков. (Дева—грифон).

На об. ст. под грифоном надпись ΧΕΡ читается на 147 экз. Надписи на об. ст. над грифоном сбиты надчеканками и стерты, за исключением 16 экз., на которых более или менее полно и отчетливо читаются: ΧΟΡΕΙΟΥ на 4 экз., ΦΙΛΙΣΤΙ на 6 экз.; ΒΑΘΥΛΛΟΥ на 6 экз. Надчеканка—дельфин на л. ст. на 109 экз., на об. ст. на 82 экз.; на л. ст. и об. ст. на 1 экз.; без нее 48 экз. Диамет. 19—22 мм. Ср. вес ок. 6 гр. Тип: Бур., XIV, 33—35. Зог., стр. 385 прим. 2. Бер., стр. 246

VI-a.—43 дихалка. (Грифон—Дева).

На л. ст. над грифоном надпись ΧΕΡ читается на 39 экземплярах. На об. ст. надпись ΕΥΑΡΟΜΟΥ (более или менее полная и четкая) читается: внизу, под обрезом на 11 экземплярах, сбоку за Девой на 15 экз.¹, на остальных 17—стерта. Надчеканка—дельфин на л. ст. на 21 экз., на об. ст. на 12 экз., остальные 10 экз. без нее. Диамет. 19—23 мм. Ср. вес 6,2 гр. Тип: Кене, II, 9 (л. ст. вместо об. ст.); Зог. XXVI, Д.

VII группа.—288 дихалков. (Разящая Дева—бык).

На л. ст. под Девой надпись ΧΕΡ читается на 221 экземпляре, надписи на об. ст., под быком читаются: ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ на 108 экз., ΔΙΑΓΟΡΑ на 72 экз., ΕΥΑΡΟΜΟΥ на 43 экз., ΨΥΡΙΣΚΟΥ на 21 экз. Надчеканка—дельфин на л. ст. на 245 экз., на об. ст. на 2-х экз., остальные 41 экз. без нее. Диамет. 20—22 мм. Ср. вес 6 гр. Типы: Бур., XIV, 37—40.

Общее определение сохранности монет Камышевского клада может быть дано то же, что и для Стрелецкого, с той разницей, что относительное количество бронзовых монет, более или менее испорченных окисью и надтреснутостью края, в первом, несколько превышает таковое в последнем. Для серебра можно отметить несколько худшую сохранность монет I и II групп и лучшую—III группы.

Как видно из описания, Камышевский клад, подобно Стрелецкому, дает целый ряд нумизматических новинок, в совокупности своей весьма значительных. Таковы, помимо самого богатства клада, открывающего в сопоставлении со Стрелецким возможности суждения как об отно-

¹ Из этого соотношения чисел видно, что замечание А. Н. Зографа о помещении имени магистра на монетах этого типа „почти всегда под обрезом“ (ук. раб. стр., 384) данными нашей коллекции не подтверждается.

сительном обилии выпусков данных групп монет и длительности их обращения, так и по совместности их нахождения, о степени близости времени их обращения и чеканки:¹

1. Впервые встречающееся на херсонесских дидрамах имя магистрата $\Xi\epsilon\lambda\lambda\omicron\text{N}\omicron\text{N}\omicron$ (на 3-х дидрамах III группы), известно только на драхме IV группы 1-го клада.

2. Новые варианты дидрамах III группы с именами $\text{A}\rho\omicron\lambda\lambda\alpha$ и $\text{A}\Gamma\alpha\zeta\kappa\lambda\epsilon\omicron\upsilon$ [Y²], написанными в столь же полной форме, как и на тетрадрахме 1-го клада и повторение этой тетрадрахмы с еще более полно написанным именем магистрата.

3. Новые варианты драхм IV группы с именами: $\text{I}\Sigma\text{[P}\rho\omicron\omicron\text{]}$, $\text{[NEON]O}\lambda\iota\omicron\text{[C]}$ (впервые встреченными в форме $\text{[N]EY}\rho\omicron\lambda\iota\omicron\text{[C]}$ на дидрахе III группы 1. кл.) и $\text{PY}\text{[}\theta\iota\omicron\text{N}\omicron\text{]}\text{?}$, известными только на бронзовых монетах.

4. Новое соотношение в числе монет с именем магистрата $\text{EY}\Delta\text{-POMOY}$, помещенным внизу под обрезом и сбоку за Девой на об. ст. монет подгруппы VI-a (грифон—Дева).

5. Наконец, массовое повторение и, следовательно, подтверждение установленной на материале Стрелецкого клада последовательности в наложении надчеканок: $\text{A}\Delta\text{P}$, дельфина, молний с вытекающими отсюда следствиями.

Общая хронологическая схема, в которую укладывается материал Камышевского клада, естественно, та же, что и у Стрелецкого.

Следует отметить, что материал обоих кладов представляет изрядное разнообразие штемпелей в пределах монет одного сорта, особенно серебряных. Можно выразить надежду, что стилистический анализ монетных типов при составлении данных этого анализа с данными легенд даст возможность уточнить датировки выпуска некоторых монетных серий. Надежда эта представляется особенно обоснованной по отношению к тем сериям монет, в которых трактовка типа четко отлична от других и остается неизменной на всех экземплярах с одним и тем же именем магистрата, как, например, на дидрамах III группы с $\text{HPAK}\lambda\epsilon\iota\tau\omicron\upsilon$. Указанная возможность уточнения датировок является, быть может, важнейшим вкладом наших находок в нумизматику Херсонеса. Независимо от этой возможности, некоторые штемпеля наших кладов получают уточненную датировку, благодаря наличию на монетах имен магистратов уже датированных. Таковы, например, тетрадрахмы и драхмы III группы с именами $\text{A}\Gamma\alpha\zeta\kappa\lambda\epsilon\omicron\upsilon$ ² и $\text{PY}\tau\alpha\text{N}\iota\omicron$ ³, впервые на них встреченными. Количественное соотношение монет старших групп (бронза) в обоих находках почти одно и то же. Как в той так и в другой монеты второй половины IV в. до н. э. (V—VI гр.) преобладают над монетами III в. до н. э. (VII гр.) в пропорции от 1:2. Соотношение это меняется в различной для каждого клада мере с присоединением к группе III в. монет серебряных того же времени, насколько их можно выделить из суммарной группы III—II вв. (I—IV гр.). Большое количество бронзовых монет в обоих наших кладах бросается в глаза и заставляет думать, что раз эти монеты зарывались вместе с серебряными, то они ценились высоко и, может быть, эта повышенная оценка была результатом того, что последние этапы накопления протекали

¹ Ср. Бертье-Делагард, Несколько новых... монет Херсонеса, стр. 251 (перед № 8).

² JosPE, 12, № 418. Бер., стр. 250.

³ ИАК, 51, стр. 122.

в условиях общего политического и экономического, а следовательно, и денежного кризиса, предшествовавшего той катастрофической ситуации, в момент которой клады зарывались. Об этой ситуации говорят нам исторические известия (Страбон)¹, эпиграфические памятники (Декрет в честь Диофанта)² и другие археологические данные (раскопки на Гераклеяском полуострове)³.

Вводя нас в эту ситуацию, клады, каждый в отдельности и оба в совокупности, приобретают значение исторического источника общего характера. Как таковые, они в согласии с другими археологическими памятниками, которые были обнаружены на данных участках⁴, документируют:

1) заселенность этих участков Гераклеяского полуострова; 2) тревожную обстановку военной опасности, пережитую населением этих участков в конце II в. до н. э., вынуждавшую людей к захоронению ценностей, и следовательно 3) подтверждает на локальном материале данных участков ту обстановку, которая по литературно-эпиграфическим данным сложилась в эту эпоху для Херсонеса и его округи в целом.

По сравнению с первыми двумя кладами, Севастопольским и Керчанским, которые датируются началом I в. до н. э., наши клады обладают преимуществом более ранней даты как выпуска (IV—II вв. до н. э.), так и конца обращения, составляющих их монетных серий (конец II в. до н. э.). Тем самым они расширяют рамки массированных нумизматических документаций (в виде кладов) так называемой Митридатовской эпохи истории Херсонеса, падая на ее ранний, Диофантовский, этап, который до сих пор оставался незапечатленным памятниками подобного рода.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ В ТЕКСТЕ

1. Бур.—Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, Одесса, 1884.
2. Бер.—Бертъе-Делагард А. Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса, 300, т. XXVI, 0, 1906.
3. Ор.—Орешников А. В. Монеты Херсонеса Таврического. М. 1912.
4. ОР. Э.—Он же. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. М. 1914.
5. Ор., МАР.—Он же. Обзорение монет, найденных в Херсонесе в 1889 г. МАР. №7, 1892.
6. Зог.—Зограф А. М. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами ИГАИМК, т. V.
7. Бел.—Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-36 гг. Крым, 1939.
8. Кене—Кене В. Описание Музея кн. Кочубея, т. I, СПб, 1857.
9. Гиль—Гиль Х. Х. Новые приобретения моего собрания, СПб, 1891.
10. Махов—Махов Ив. Амфорные ручки Херсонеса Таврического, Симферополь, 1912.
11. Minns—Minns E. H. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913.

¹ Strab., VII, 3, 17, 18, 4, 3, 4.

² JosPE, 2/7, 352.

³ ОАК, 1890, стр. 37—39, МАР, 12, стр. 55—58, ИАК, 42, стр. 108—126. ВДИ 2/7, 1939 г. Отчеты о раскопках у Стрелецкой и Камышевой бухт в 1937 г. А. Тахта и В. Лисина, Архив Г. Х. Музея.

⁴ ОАК за 1890 г., стр. 35—36. МАР, 12, стр. 54—55. В. П. Лисин, обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г., ВДИ № 2/7 1939 г. Отчеты о раскопках у Стрелецкой и Камышевой бухт в 1937 г. В. П. Лисин и А. К. Тахта. Архив Г. Х. Музея.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
Г. Д. Белов. Раскопки в Херсонесе в 1930 году	5
А. К. Тахтай. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году.	19
Л. Н. Белова. Описание монет из раскопок некрополя Херсонеса в 1937 году.	45
С. Ф. Стржелецкий. Раскопки 1939 года у Карантина, вблизи Херсонеса Таврического	51
А. К. Тахтай. Разведочная раскопка древнего водопровода в окрестностях слободки Вакулинчука	65
С. Ф. Стржелецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году	69
С. Ф. Стржелецкий. Жертвенник Гераклу из т. н. Страбоновского Херсонеса	97
С. Ф. Стржелецкий. Камышевский клад античных монет	107
А. К. Тахтай. Два клада херсонесских античных монет 1944 года (предварительное сообщение)	113

Техредактор *Б. Киселев.*

НФ 12894. Объем 8 п. л. В 1 п. л. 52576 знак. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 1000
 Формат бумаги 70×116 1/8. Сдано в производство 17/VIII-48 г. Подпи-
 сано к печати 31/XII 1948 г. Типография Крымиздата, Симферополь,
 ул. Кирова, 13. Заказ № 311.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
7	17 снизу	отрыто	открыто
20	15 "	пол. II—пол. III вв. до н.э.	пол. II—пол. III вв. н. э.
та же	14 "	I в. до н. э.—II в. н. э.	пол. II—пол. III вв. н. э.
21	5 "	глаза	таза
30	4 сверху	ножек	ножен
31	23 снизу	глубине	глубину
100	1 сверху	времени ¹	времени ²
та же	2 сверху	живописи ²	живописи ¹
116	13 сверху	л. ст. диаметром	л. ст. Диаметр
117	5 сверху	слева	влево
120	21 сверху	стройными	с тройными
121	18 сверху	драхме	дидрахме
122	14 сверху	наложена	наложенной
та же	16 сверху	предконечного.	предконечногоУ.
124	11 сверху	ΙΣΤ[ΡΩΟΣ]	ΙΣΤ[ΡΩΝΟΣ]
та же	16 снизу	драхмы	дидрахмы